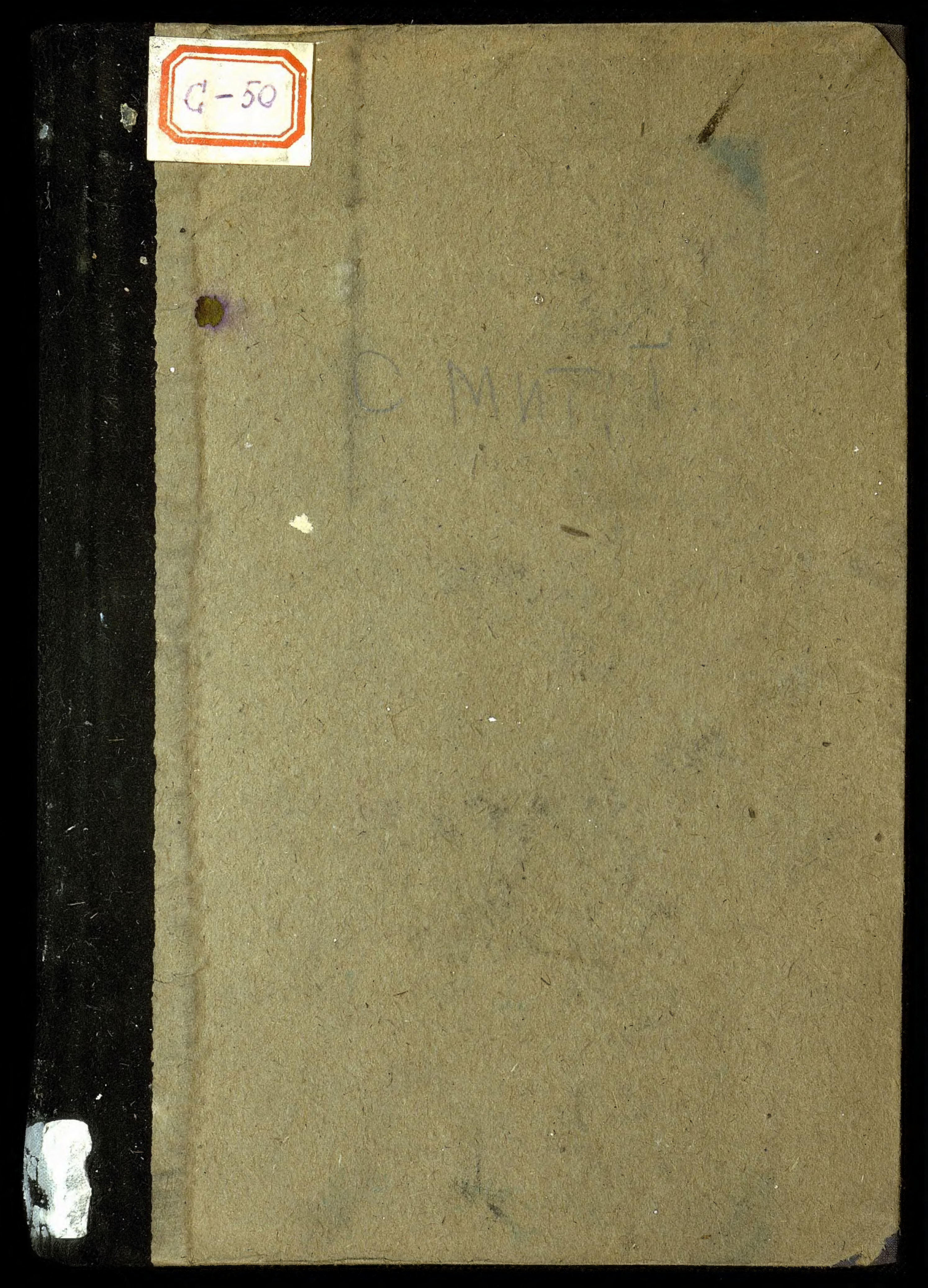
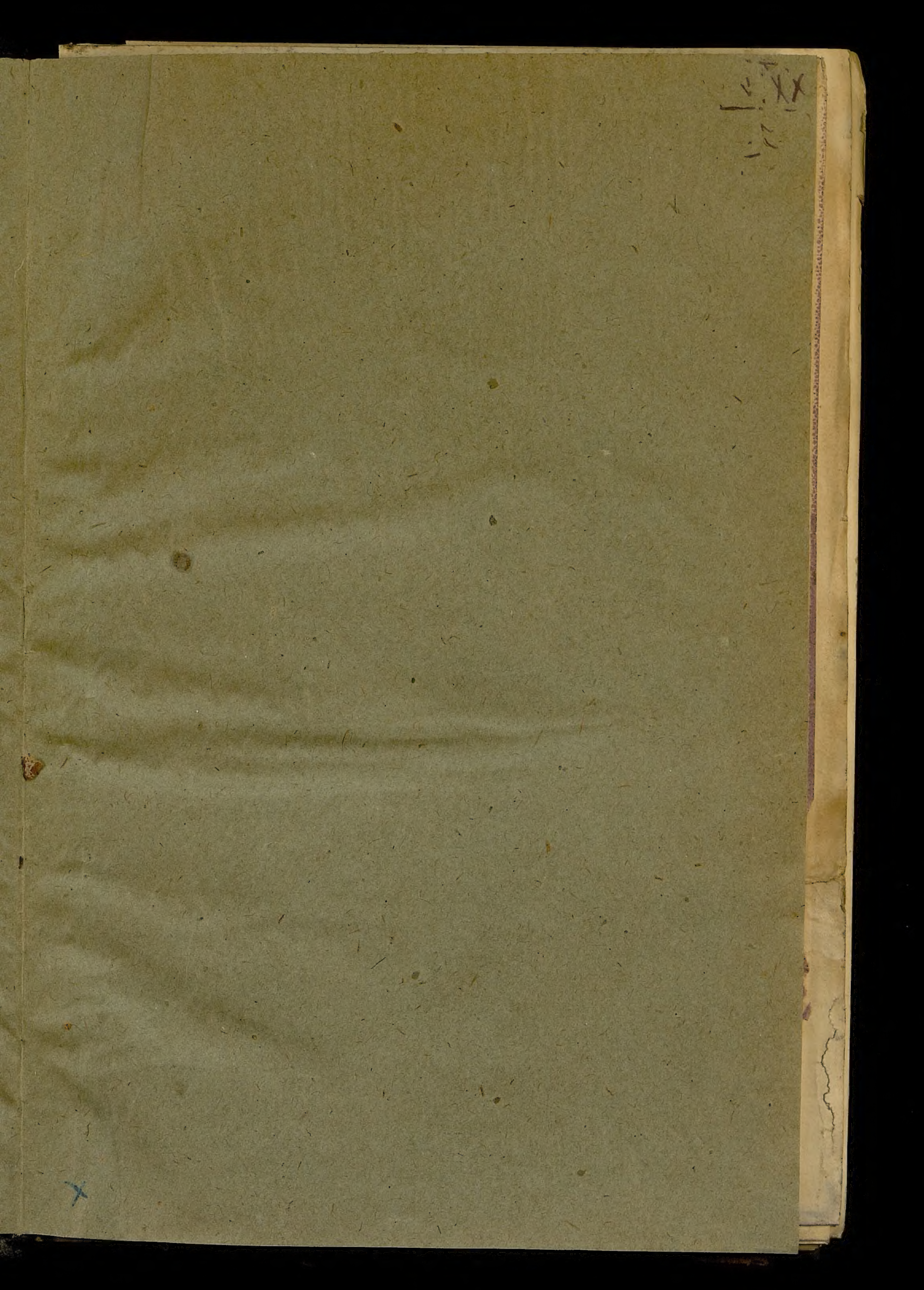

С-50
СМИТ

384

СЭРА ТОМАСА СМИТА

ПУТЕШЕСТВІЕ

и

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ РОССІИ

Со снимками съ заглавной страницы англійскаго подлинника 1605 года и съ трехъ писемъ Т. Смита

Переводъ, введеніе и примѣчанія

И. М. Болдакова

БИБЛІОТЕКАРЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ

Изданіе графа С. Д. Шереметева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. С. Балашева и К°., Екатеринин. кан., № 80.
1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 декабря 1893 г.

Оглавленіе.

Посольство Томаса Смита ко двору царя Бориса Годунова, въ 1604—1605 годахъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ политическихъ миссій, посредствомъ которыхъ, англійское правительство пыталось, со временъ Ивана Грознаго, завязать и укрѣпить торговыя связи съ Московскимъ государствомъ. Свѣдѣнія о постепенномъ развитіи указанныхъ отношеній между Россіей и Англіей, какъ до поѣздки Т. Смита въ Москву, такъ и въ послѣдующее время, приводятся въ статьѣ профессора Мартенса, служащей введеніемъ къ изданному подъ его же редакціей IX (X)-му тому „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами" [1]). О сношеніяхъ, предшествовавшихъ посольству Смита, говорится [2]) на стр. LIX—LXX; задача же посольства Смита сжато изложена г. Мартенсомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Борисъ Годуновъ былъ чрезвычайно доволенъ исходомъ посольства Микулина [3]), равно какъ и объясненіями, данными королевою на счетъ ея отношеній къ султану и королю Сигизмунду. Царь по-

---

¹) Томъ IX (X): Трактаты съ Англіей 1710—1801. С.-Пб. 1892, in-8°. Введеніе (стр. I—CVII).

²) По *Соловьеву*, т. VII, стр. 304 и сл.; по *Толстому* (Первыя сорокъ лѣтъ сношеній и пр.), и наконецъ, по архивнымъ матеріаламъ.

³) Микулинъ ѣздилъ въ Англію посломъ отъ Московскаго царя къ королевѣ Елизаветѣ, въ 1600 году.

жаловалъ англичанамъ въ 1602 году новую грамоту на безпошлинную торговлю въ Россіи, а королева Елизавета со своей стороны предложила ему женить сына царя на знатной англичанкѣ, очень сожалѣя, что не имѣетъ дочери, которую могла бы предложить царевичу въ невѣсты. Когда, послѣ смерти Елизаветы, на англійскій престолъ вступилъ король Іаковъ Шотландскій, и Англія и Шотландія были соединены подъ скипетромъ Стюартовъ, въ Москву былъ отправленъ въ качествѣ великобританскаго посла Ѳома Смитъ. На послѣдняго возложено было порученіе извѣстить царя о совершихся въ Англіи событіяхъ и увѣрить его, что новый англійскій король, „наслѣдовавъ престолъ тетки, желаетъ наслѣдовать и твою (царя) къ ней дружбу". Кромѣ того, Смитъ долженъ былъ домогаться новаго подтвержденія всѣхъ торговыхъ правъ и преимуществъ англичанъ и, въ особенности, права ѣздить чрезъ Россію въ Персію, Индію и Китай [1]). Прежнія права и вольности англичанъ были подтверждены Борисомъ Годуновымъ, послѣдній разъ, въ 1605 году...." [2]). О политикѣ Лжедимитрія по отношенію къ англичанамъ г. Мартенсъ говоритъ кратко: „Правда, Лжедимитрій выражалъ намѣреніе дать англичанамъ еще новыя льготы, но онъ былъ низвергнутъ раньше исполненія своего намѣренія" [3]).

---

[1]) Проф. Мартенсъ не указываетъ, откуда заимствована вышеприводимая имъ цитата; но въ общемъ его словами вѣрно опредѣляется характеръ возложенной на англійскаго посла задачи, судя по тому, что̀ на этотъ счетъ можно найти въ „Описаніи путешествія Т. Смита въ Россію".

[2]) Тамъ же, стр. LXVII.

[3]) Тамъ же, стр. LXVIII.

Нѣсколько подробнѣе говорится о Т. Смитѣ и о пребываніи его въ Москвѣ въ качествѣ представителя англійскаго правительства въ извѣстномъ сочиненіи академика І. Гамеля: „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ [1]). Только названный ученый ошибочно считаетъ самого Смита авторомъ описанія его поѣздки въ Россію [2]).

Издавая нынѣ въ переводѣ „Описаніе путешествія Т. Смита въ Россію“, мы ограничимся тѣмъ, что, во-первыхъ, собщимъ со́бранныя нами изъ разныхъ источниковъ, но къ сожалѣнію, довольно скудныя свѣдѣнія относительно личности самого посланника, и во-вторыхъ, приведя библіографическія данныя, касающіяся означеннаго сочиненія, выскажемъ нѣкоторыя соображенія по поводу его характеристическихъ особенностей. Біографическія подробности о Томасѣ Смитѣ, содержащіяся въ служащихъ первоисточникомъ „Athenae Oxonienses“ Вуда [3]), черпавшаго ихъ отчасти изъ рукописныхъ матеріаловъ [4]), намъ удалось пополнить при помощи недавно изданной книги по исторіи англійской торговли, съ ученымъ введеніемъ Джорджа Бердвуда [5]).

---

[1]) Статья 2-я (Прилож. къ XV т. „Записокъ Императ. Академіи Наукъ“, № 2, 1869), стр. 231—233.

[2]) „Смитъ пріѣхалъ въ Лондонъ лишь въ сентябрѣ (1605 г.). Еще въ томъ же году онъ напечаталъ описаніе своего путешествія“. Стр. 233.

[3]) Athenae Oxonienses, by *Anthony Wood.* I vol., col. 352—353 (London. 2-d edition. 1721).

[4]) Такъ онъ ссылается на *Camden*, Annal. reg. Jac. I, sub an. 1604, какъ на MS.

[5]) The Dawn of British Trade to the East-Indies as recorded in the court minutes of the East-India Company, 1599—1603. Containing an account of the formation of the Company, the first Adventure and *Waymouth's* voyage in

Томасъ Смитъ (Thomas Smythe), родомъ изъ Bidborough въ графствѣ Кентскомъ, былъ вторымъ сыномъ эсквайра Смита, изъ Ostenhanger'а, носившаго то же имя и умершаго въ 1591 году. Въ царствованіе королевы Елизаветы въ 1590 году имъ были взяты на откупъ таможенныя пошлины (the customs), почему онъ у современниковъ иногда и называется, въ отличіе отъ его однофамильцевъ, „Customer Smith". Кромѣ того, Томасъ Смитъ принималъ дѣятельное участіе въ тогдашнихъ торговыхъ предпріятіяхъ своихъ соотечественниковъ, состоя членомъ обѣихъ компаній—первоначальной Левантинскихъ купцовъ (The Company of Levant Marchants) и выдѣлившейся изъ нея Остъ-Индской (The East-India Company). Онъ пользовался въ средѣ ихъ столь значительнымъ вліяніемъ, что былъ ыбранъ въ правители обѣихъ обществъ (Governor of both companies) [1]). Въ этой должности онъ оставался съ октября 1600 года по февраль слѣдующаго. Но уже въ протоколѣ засѣданія 11-го апрѣля 1601 года значится, что въ правители былъ выбранъ ольдерманъ Уэттсъ (Wattes) „на мѣсто сэра Томаса Смита, посаженнаго въ тюрьму". Очевидно, на это-то пребываніе въ тюремномъ заключеніи и намекаетъ авторъ „Описанія путешествія Т. Смита" [2]). Вудъ утверждаетъ [3]), что Т. Смитъ пользовался особен-

---

search of the North-West Passage, now first printed from the original Manuscript by *Henry Stevens of Vermont.* With an Introduction by Sir *George Birdwood.* London (Henry Stevens a. Son.) 1886. In—8°, XXIV—331 p.).

[1]) The Dawn of British Trade etc., стр. 62—166; 275 и 279 (Ср. 320 sub voce).

[2]) См. ниже, стр. 10.

[3]) Указанное сочиненіе.

нымъ расположеніемъ преемника Елизаветы, короля Іакова I, такъ что по своемъ возвращеніи изъ поѣздки въ Москву, куда онъ былъ отправленъ своимъ государемъ въ качествѣ посла къ царю Борису, получилъ также назначеніе на должность казначея колоній (Treasurer for the Colonies) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Виргинской компаніи (The Virginian Company). Однакожъ въ апрѣлѣ 1619 года, послѣ того, какъ за годъ съ небольшимъ былъ уничтоженъ пожаромъ его великолѣпный, находившійся въ Детфордѣ, подъ Лондономъ, домъ, Томасъ Смитъ, по обвиненію въ злоупотребленіяхъ общественными суммами въ періодъ своего пребыванія во главѣ управленія дѣлами двухъ вышеупомянутыхъ компаній, а равно и въ званіи казначея колоній, вынужденъ былъ отказаться отъ занятія этихъ вліятельныхъ и несомнѣнно выгодныхъ должностей. Выходитъ такимъ образомъ, что тюремное заключеніе въ 1601 году, повидимому, не имѣло для Т. Смита компрометтирующаго значенія, если онъ, мало того что получилъ отъ короля почетное порученіе отправиться посломъ къ московскому государю, могъ, во-первыхъ, вторично занять вышеупомянутыя важныя должности и, во-вторыхъ, сохранять ихъ за собою въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ (1605—1619 гг.). Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ оказалось, что почтенный лордъ былъ въ самомъ дѣлѣ, такъ сказать, „нечистъ на̀-руку“. Сопоставляя всѣ эти обстоятельства, мы въ правѣ сдѣлать выводъ, что Т. Смитъ былъ дѣйствительно человѣкъ умный и тонкій и потому вполнѣ годился для роли дипломатическаго агента. Указанныя его свойства можно замѣтить какъ изъ дѣлаемой авторомъ „Описанія путешествія“ характеристики

лорда посланника, такъ и изъ приводимыхъ тамъ же [1]) его рѣчей, которыя, какъ ни обработаны онѣ въ искусственномъ, фальшивомъ тонѣ составителя книжки, все же носятъ на себѣ характеръ подлинности, а равно и изъ помѣщенныхъ у насъ въ Приложеніи трехъ писемъ Т. Смита, къ которымъ можно присоединить еще два другія, напечатанныя въ „The Dawn of British Trade" [2]). Въ дополненіе къ приведеннымъ уже свѣдѣніямъ о Томасѣ Смитѣ присовокупимъ еще, что у Вуда [3]) кратко говорится и объ его старшемъ сынѣ, сэрѣ Джонѣ, а также и о другомъ сынѣ, покинувшемъ, послѣ неудачной женитьбы, Англію безъ вѣдома отца и жены.

Обращаясь теперь къ переведенному нами сочиненію, мы бросимъ взглядъ на него въ двоякомъ отношеніи: сперва, какъ на одинъ изъ источниковъ для русской исторіи XVII столѣтія, и затѣмъ уже, какъ на литературное произведеніе въ его самостоятельномъ значеніи, такъ какъ по своему своеобразію оно не можетъ быть приравнено къ тѣмъ описаніямъ различныхъ посольствъ въ Московское государство, которыя, будучи составлены отъ имени самихъ резидентовъ, представляли собою, въ сущности, оффиціальныя реляціи или донесенія ихъ правительствамъ, отличаясь, такъ сказать, казенной сухостью формальнаго документа.

Изъ сочиненій, написанныхъ на иностранныхъ языкахъ и касающихся русской исторіи, о поѣздкѣ Томаса

---

[1]) См. ниже стр. 7—9 и 19—21.

[2]) Стр. 275—276, 279—281 (Ср. 320 стр., s. v.).

[3]) Указанное сочиненіе.

Смита упоминается, и несомнѣнно на основаніи занимающаго насъ здѣсь произведенія, прежде всего въ „The Russian Impostor", на 78—82 стр.[1]). Никакихъ указаній на то, кому могло бы быть приписано это анонимное сочиненіе, въ библіографическихъ трудахъ намъ найти не удалось. Тѣ же самыя свѣдѣнія о Смитѣ мы находимъ во французскомъ переводѣ только что названнаго сочиненія, составляющемъ какъ бы приложеніе къ анонимной книгѣ „Relation curieuse etc." (255—63 стр.), также переведенной съ англійскаго языка[2]). Нѣсколько позже авторъ «Потеряннаго Рая», Джонъ Мильтонъ, въ своей книжкѣ о Московскомъ государствѣ[3]), на послѣднихъ ея страницахъ[4]), воспроизводитъ, но въ крайне сжатой передачѣ, разсказъ „Путешествія" о прибытіи Т. Смита въ Москву,

---

[1]) The Russian Impostor: or, the History of Muskovie, under the Usurpation of Boris and the Imposture of Demetrius, late Emperors of Muskovy. (London. 1674).

[2]) Relation curieuse de l'estat présent de la Russie. Traduite d'un Auteur anglois qui a esté neuf ans à la cour du Grand Czar, avec l'Histoire des révolutions arrivées sous l'Usurpation de Boris, et l'Imposture de Démetrius, derniers Empereurs de Moscovie. A Paris. 1679. Этотъ „auteur anglois"—*Samuel Collins*, а сочиненіе его по англійски называется „The present State of Russia" (См. *Adelung*, Kritisch-literärische Übersicht, II, стр. 342—344). Но тотъ же Аделунгъ, на стр. 363—364, въ противорѣчіе съ самимъ собою, приписываетъ его какому-то Merich'y (то-есть, Мерику?), сочиненіе котораго въ англійскомъ подлинникѣ будто-бы неизвѣстно, а дошло только во французскомъ переводѣ, при чемъ тутъ же приводимое заглавіе послѣдняго оказывается вполнѣ тождественнымъ съ приведеннымъ на стр. 342 „Relation curieuse etc".

[3]) A brief History of Moscovia and of other less known Countries, lying eastward of Russia as far as Cathay. Gathered from the Writings of several Eye-witnesses, by *John Milton*. London. 1682.

[4]) Стр. 101—107.

пріемѣ его царемъ Борисомъ и, наконецъ, отъѣздѣ его изъ столицы[1]). Далѣе, о Томасѣ Смитѣ упоминается извѣстнымъ историкомъ Миллеромъ въ его до сихъ поръ не утратившемъ цѣны „Сборникѣ по русской исторіи“[2]), но впрочемъ только на основаніи указываемыхъ имъ самимъ, упомянутыхъ выше англійской и французской книжекъ. Въ капитальномъ трудѣ Аделунга[3]), конечно, также находится небольшая статья о Т. Смитѣ[4]), но она отличается значительными неточностями. Прежде всего должно замѣтить, что приводимый на 158—160 страницахъ, въ нѣмецкомъ переводѣ, якобы отрывокъ изъ „Путешествія Т. Смита“, есть не болѣе какъ почти дословная передача указаннаго нами выше Мильтонова весьма сжатаго пересказа. Кромѣ того, и библіографическія указанія Аделунга въ данномъ случаѣ не вѣрны. Такъ, вмѣсто первоначальнаго изданія (editio princeps) „Sir Thomas Smithes Voiage“ упоминается только его позднѣйшая перепечатка[5]), тогда какъ помѣщенное въ коллекціи Purchas'a[6]) простое извлеченіе изъ названнаго сочиненія выдается за вторичную его переработку въ видѣ самостоятельной редакціи. Многочисленнѣе и точнѣе свѣдѣнія о Т. Смитѣ, и именно на основаніи занимающаго насъ

---

[1]) Ср. ниже 25—51 стр. нашего перевода

[2]) Sammlung Russischer Geschichte. V Bd., Seite 139, 172, 266 (St. Petersburg. 1760).

[3]) Kritisch-Literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700 etc. St. Petersburg 1846. 2 Bde, in-8°.

[4]) II, стр. 156—160.

[5]) 1609 года,—но и то повидимому ошибочно (см. ниже).

[6]) Purchas his Pilgrimes. London. 1625. in f°. Vol. III, pag. 747—753.

теперь сочиненія, находятся въ написанномъ по нѣмецки трудѣ уже раньше упомянутаго нами академика I. Гамеля о Традескантѣ [1]). О дипломатической миссіи Смита къ Московскому двору говорится на 250–51 страницахъ, при чемъ и здѣсь высказывается уже указанное нами ошибочное мнѣніе автора о принадлежности „Путешествія" перу самого посла. Сверхъ того Гамель говоритъ, хотя и довольно кратко, объ участіи Томаса Смита въ дѣятельности англо-московской компаніи купцовъ по открытію, такъ называемаго, сѣверо-восточнаго прохода [2]). Но при этомъ авторъ, повидимому, ошибочно полагаетъ, что Томасъ Смитъ стоялъ во главѣ Московской компаніи англійскихъ коммерсантовъ,—по крайней мѣрѣ о таковой его роли ничего не говорится у Вуда; да и въ попыткахъ къ отысканію сѣверо-восточнаго прохода, попутно съ сѣверо-западнымъ, Англо-московская компанія была лишь соучастницей въ дѣлѣ, иниціатива и главная организація котораго принадлежала Остъ-Индской компаніи, какъ это видно изъ данныхъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи „The Dawn of British Trade" [3]).

---

[1]) Tradescant der Aeltere 1618 in Russland. Der Handelsverkehr zwischen England und Russland in seiner Entstehung etc. Von Dr. *I. Hamel.* St. Petersburg-Leipzig. 1847, in-4°.

[2]) Стр. 210, 212, 215 и 217 и примѣч. 1. На стр. 251, примѣч. 3, Гамель, между прочимъ, приводитъ свидѣтельство, что Лжедимитрій предоставилъ Англо-московской компаніи особыя привилегіи, подтвердивъ ихъ отдѣльною грамотой, которая и была переслана въ Англію чрезъ посредство англійскаго агента въ Москвѣ, Джона Мерика. Изъ этого слѣдуетъ, что мнѣніе г. Мартенса, приведенное нами выше на стр. II, невѣрно: повидимому, почтенный профессоръ не пользовался, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ трудомъ Гамеля.

[3]) См. въ Index'ѣ „The Moscovian Company" (стр. 312).

Что касается русскихъ историческихъ сочиненій, то въ посвященномъ спеціально времени Лжедимитрія „Сборникѣ" Н. Г. Устрялова [1]), страннымъ образомъ вовсе не встрѣчаеся упоминанія о „Путешествіи" Т. Смита, хотя по заключающимся въ немъ свѣдѣніямъ, современнымъ съ тогдашними событіями, оно вполнѣ относится къ категоріи источниковъ, составляющихъ предметъ названнаго сборника. Въ извѣстномъ сочиненіи Н. И. Костомарова о торговлѣ въ Московскомъ государствѣ [2]) о миссіи Смита упоминается въ нѣсколькихъ строкахъ (стр. 28) на основаніи сказаннаго о томъ же у Карамзина, причемъ не только невѣрно переданы требованія, съ которыми англійскій посолъ обращался къ Годунову, но даже онъ самъ переименованъ изъ Томаса въ Джона. Напротивъ того, у Карамзина соотвѣтствующе мѣсто [3]) представляетъ значительный интересъ, такъ какъ авторъ пользовался подлиннымъ архивнымъ матеріаломъ, обозначая его словами: „смотри въ Архивѣ бумаги Смитова посольства". Архивъ этотъ, конечно — Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. На сдѣланную въ немъ справку управляющій имъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ обязательно сообщилъ фотографическіе снимки съ трехъ подлинныхъ писемъ Т. Смита, которыя, вмѣстѣ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, и составляютъ приложеніе къ настоящему изданію; а что касается цитуемыхъ Карамзи-

---

[1]) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. 2 т. С.-Пб. 1859.

[2]) Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Составилъ *Н. Костомаровъ*. С.-Пб. 1862.

[3]) Исторія государства Россійскаго Т. XI, стр. 77—78 (С.-Петербургъ 1824).

нымъ „бумагъ“, то воспользоваться ими мы не имѣли возможности, — приводимыя же изъ нихъ знаменитымъ историкомъ любопытныя выдержки читатель найдетъ ниже въ отдѣлѣ примѣчаній.

Переходимъ къ англійскому подлиннику „Путешествія сэра Т. Смита въ Россію“. Онъ существуетъ, повидимому, всего въ двухъ изданіяхъ—editio princeps London, 1605 (по которому, какъ основному, и исполненъ нашъ переводъ), и перепечаткѣ съ него, вышедшей въ 1607 году [1]). Послѣдней намъ видѣть не пришлось; но едва ли можно предположить, что текстъ въ ней исправнѣе, нежели въ первомъ изданіи, въ которомъ онъ является въ крайне небрежномъ видѣ: здѣсь онъ кишитъ всякаго рода опечатками, отличаясь при этомъ ужаснѣйшею путаницей въ знакахъ препинанія, что̀ еще болѣе усиливаетъ неясность и безъ того весьма неуклюжаго и обозображеннаго самою безвкусною витіеватостью изложенія.

Изъ краткаго предисловія къ „Путешествію Т. Смита“ видно, что въ составленіи книги самъ посланникъ не принималъ никакого участія, и что она была написана лицомъ, совсѣмъ не входившимъ въ составъ посольской свиты. Тѣмъ болѣе страннымъ представляется пріемъ ав-

¹) Въ прекрасной книгѣ *Allibone*, A critical Dictionary of English Literature and British and American Authors (London. 1870), II vol., pag. 101, указаны только эти два изданія; у одного Аделунга, и то, по всей вѣроятности, вполнѣ ошибочно, приводится всего одно изданіе 1609 года, между тѣмъ какъ и въ Bibliotheca Britannica or a general Index to British and foreing Literature. By *Rob. Watt.* 4 Vols. Edinburgh, 1824, упоминаются (Authors. II vol., sub voce) также лишь два изданія 1605 и 1607 годовъ, хотя впрочемъ статья о Т. Смитѣ въ означенномъ сочиненіи отличается крайнею сбивчивостью.

тора вести свое повѣствованіе въ первомъ лицѣ; но это, во всякомъ случаѣ, не болѣе какъ литературная манера, обусловленная, по крайней мѣрѣ отчасти, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что при составленіи своей книги онъ пользовался сообщенными ему писанными замѣтками нѣкоторыхъ соучастниковъ въ посольствѣ сэра Т. Смита о ихъ пребываніи въ Россіи, при чемъ, какъ можно думать, цѣликомъ включалъ извлеченія изъ нихъ въ свой собственный текстъ. На пользованіе этимъ источникомъ указывается въ предисловіи къ книгѣ, и это указаніе составителя на предоставленные въ его распоряженіе рукописные матеріалы придаетъ разсматриваемому сочиненію несомнѣнное значеніе историческаго источника, тѣмъ болѣе что таковое увѣреніе автора подтверждается какъ ссылкою на оффиціальные документы [1]), такъ и приведеніемъ in extenso даже одного изъ нихъ, хотя и въ изуродаванной формѣ [2]). Кромѣ того, въ указанномъ отношеніи слѣдуетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что книжка появилась почти непосредственно вслѣдъ за возвращеніемъ посла изъ Россіи въ Англію, благодаря чему она прямо пріобрѣтаетъ характеръ actualité, и это, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, служитъ ручательствомъ за бо̀льшую или меньшую достовѣрность содержащихся въ ней свѣдѣній. Должно однакожъ замѣтить, что значеніе „Путешествія“ какъ источника, во всякомъ случаѣ, не особенно велико. Оно любопытно не столько со стороны сообщаемыхъ въ немъ фактическихъ

[1]) См. ниже на стр. 50.

[2]) См. ниже 92—93 стр. и примѣчаніе 62-е.

данныхъ, большею частію извѣстныхъ уже изъ другихъ письменныхъ памятниковъ того времени, сколько тѣмъ, что въ немъ довольно живо отражается настроеніе тогдашняго русскаго общества, слышатся современныя вѣянія, что̀ обыкновенно въ настоящихъ посольскихъ реляціяхъ чувствуется въ гораздо болѣе слабой степени. Любопытно, именно съ этой точки зрѣнія, приводимое въ немъ предсмертное письмо царевича Ѳедора Борисовича Годунова къ Лжедимитрію: оно — несомнѣнно апокрифное, но какъ мы думаемъ, его нельзя считать принадлежащимъ перу самаго составителя англійской книжки [1]).

Анонимное сочиненіе о посольствѣ Т. Смита представляетъ интересъ еще въ иномъ отношеніи, именно — своимъ чрезвычайнымъ своеобразіемъ въ чисто-литературномъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что оно отличается такими стилистическими особенностями какъ по тону изложенія, такъ и съ собственно грамматической стороны, что невольно возникаетъ вопросъ о томъ, кто бы изъ англійскихъ, хотя бы и самыхъ второстепенныхъ, писателей начала XVII вѣка могъ быть авторомъ „Путешествія сэра Т. Смита въ Россію“. Подобный вопросъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что авторъ является несомнѣнно человѣкомъ, принимавшимъ активное участіе въ тогдашней литературной дѣятельности въ Англіи [2]) и, сверхъ того, повидимому чувствовавшимъ особенную симпатію къ сценической литературѣ [3]). Въ крайней изысканности его

---

[1]) См. ниже 85—89 страницы и примѣчаніе 61-е.

[2]) См. ниже стр. 73, гдѣ онъ говоритъ про себя, что принадлежитъ къ младшимъ братьямъ по музамъ.

[3]) См. ниже стр. 67; 71—72 и др.

способа изложенія, о которой мы уже упоминали, читателю придется убѣдиться изъ многихъ страницъ его повѣствованія. Что касается его слога въ грамматитескомъ отношеніи, то прежде всего бросается въ глаза обыкновеніе автора опускать относительныя слова даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они должны стоять въ прямомъ падежѣ: особенность, не встрѣчающаяся у прочихъ англійскихъ писателей того времени (или во всякомъ случаѣ, составляющая рѣдкое исключеніе въ видѣ отдѣльныхъ примѣровъ).

Только что указанная особенность, обративъ на себя вниманіе такого знатока англійской литературы Елизаветинскаго вѣка, какъ г. Робертъ Бойль [1]), и внушила ему мысль о томъ, не слѣдовало ли бы признать составителемъ „Путешествія Т. Смита" нѣкоего Георга Уилькинса (George Wilkins), бывшаго авторомъ дошедшей до насъ комедіи „The inforced Mariage" [2]), сотрудникомъ въ другой піесѣ „The Travels of the three english Brothers" [3]) и, наконецъ, сочинившаго прозаическую исторію „Three Miseries of Barbary" [4]), относительно

---

[1]) Многократно обращавшись къ г. Бойлю за указаніями въ продолженіе моихъ занятій по переводу «Путешествія Т. Смита» на русскій языкъ, я постоянно встрѣчалъ со стороны этого уважаемаго ученаго полнѣйшую готовность помочь мнѣ, за что и приношу здѣсь г. Бойлю мою искреннѣйшую благодарность.

[2]) The Miseries of Inforst Mariage. London. 1607. 4°.

[3]) The Travels of the Three English Brothers, Sir Thomas, Sir Anthon and Sir Robert Shirley, an Historical Play. 4°. 1607. (Авторами, кромѣ Уилькинса, были John Day и W. Rowley).

[4]) Three Miseries of Barbary Plague, Famine, Civill Warre: with a relation of the death of Mahomet the late Emperor etc. 4°. s. l. et a.

слога котораго Додслей говоритъ, что она „написана напыщеннымъ слогомъ" [1]), а также прозаическую же повѣсть „Pericles" [2]). Послѣдняя доступна теперь въ новомъ критическомъ изданіи Т. Моммсена [3]). Ученый издатель въ своемъ предисловіи говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Чрезвычайною рѣдкостью „Многотрудныхъ похожденій Перикла" объясняется то обстоятельство, что до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ, сколь тѣсно связано имя ихъ автора съ Шекспиромъ. Какъ одному изъ незначительныхъ драматурговъ того времени, ему, по всей вѣроятности, и было поручено извѣстнымъ книгопродавцемъ обработать эпизоды изъ новой и любимой театральной піесы для читающей публики, и что̀ до тѣхъ поръ крайне безуспѣшно пытались дѣлать въ стихотворной формѣ относительно предшествовавшихъ піесъ, напримѣръ, „Ромео и Юліи" въ 1597 году и „Гамлета" въ 1603, попробовали сдѣлать прозой, быть можетъ въ первый и послѣдній разъ, въ 1608 году" [4]). Выходитъ, что къ Уилькинсу издатели прибѣгали, когда требовалось воспользоваться чужимъ матеріаломъ: случай имѣвшій мѣсто и съ авторомъ „Путешествія Т. Смита", какъ видно изъ его же собственнаго предисловія къ послѣднему.

---

[1]) «Is written in an ambitious style». *Dodsley*'s Old english Plays, V t., pag. 3.

[2]) The Painfull Aduentures of Pericles, Prince of Tyre. London. Printed by T. P. for Nat. Butter. 1608.

[3]) Pericles Prince of Tyre. A Novel by *George Wilkins*, printed in 1608, and founded upon Shakespeare's play. Edited by *Tycho Mommsen*. With a Preface... by the Editor, and an Introduction by *J. Payne Collier*. Oldenburg. 1857, in-8°.

[4]) Тамъ же, Preface, pag. IX—X.

По убѣжденію глубоко изучившаго англійскую литературу XVII столѣтія г. Бойля лишь у Джоржа Уилькинса замѣчается постоянная склонность такъ же обходиться съ относительными словами, какъ съ ними обходится авторъ переведеннаго нами „Путешествія“. Возьмемъ изъ того и другого по два, по три примѣра. Такъ, въ прозаическомъ „Периклѣ“ Уилькинса мы встрѣчаемъ: „...nothing heere is sure (which) [1]) may breede displeasure to anie“ [2]); „for in that part of the world there was in those dayes no prince so noble in armes, or excellent in artes and (who) had so generall and deserued a report by fame“ [3]); „as if that glorious outsides were a wall (that) would keepe heauens eye from knowing our intents“ [4]); „...leaning their faces blasted, and their bodies such a contemptfull obiect on the earth, that all those eyes (that) but now with reuerence looked upon them, all hands (that) serued them, and all knées (that) adored them“ [5]). Совершенно одинаково у нашего анонима: „neither did he hold it princelike, to receiue from his enemie in that kinde, especially by their hands (who) could not shew their face without blushing to their comaunding Lord“ [5]); „...they could not resist the multitude there

---

[1]) Въ скобкахъ мы ставимъ опущенныя авторомъ, по грамматически необходимыя слова.

[2]) Pericles Prince of Tyre. Edit. *Tycho Mommsen.* (Epistle), pag. 4.

[3]) Тамъ-же (II chapter), pag. 15.

[4]) и [5]) Тамъ же (V chapter), pag. 33.

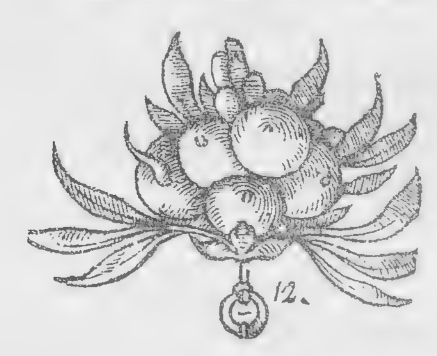
[5]) Sir. Th. Smythes Voiage etc., pag. 32.

SIR
Thomas Smithes
VOIAGE

and Entertainment in Rushia.

With the tragicall ends of two EMPERORS, *and one Empresse, within one Moneth during his being there*: And the miraculous preseruation of the now raigning EMPEROR, esteemed dead for 18. yeares.

Si quid nouisti rectius istis
Candidus impertie si non, His vtere mecum.

Printed at London for Nathanyell Butter. 1605.

СЭРА ТОМАСА СМИТА

ПУТЕШЕСТВІЕ

и

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ РОССІИ,

съ описаніемъ трагической смерти двухъ государей и одной государыни, случившейся во время его тридцатидневнаго пребыванія тамъ, а также чудеснаго спасенія нынѣ царствующаго государя, считавшагося умершимъ 18 лѣтъ тому назадъ.

Si quid novisti rectius istis.
Candidus imperti; si non, his utere mecum.

Къ читателю.

Читатель! Разсказы объ этомъ путешествіи (по возвращеніи въ Англію особы, бывшей во главѣ посольства, и сопровождавшихъ ее лицъ) доставляли столько удовольствія слушателямъ, такъ какъ передаваемыя въ нихъ происшествія были весьма необыкновенны и новы, что многіе, наслушавшись этихъ диковинокъ, съ радостью сохраняли хоть часть изъ нихъ про запасъ для своего развлеченія; но именно по этой причинѣ то, что̀, будучи связано въ одномъ цѣломъ, являлось бы вполнѣ прекраснымъ, не преминуло оказаться крайне обезображеннымъ, будучи разбито на части. Между тѣмъ у охотниковъ до легкой наживы уже чесались руки завладѣть и такимъ матеріаломъ, хотя бы пришлось выпустить его въ свѣтъ въ искалѣченномъ и разрозненномъ видѣ. И въ самомъ дѣлѣ, иной, подобно подбирающему крохи съ пиршественнаго стола, наскребъ кое-какіе кусочки отъ этого русскаго добра, такъ что голова его по неволѣ оказалась чреватою незаконнымъ плодомъ, и не оставалось ничего другого, какъ разрѣшиться имъ въ Paules Church-yard'ѣ [1]). Но я, добывъ истину изъ устъ различныхъ джентльменовъ, участвовавшихъ въ путешествіи, и располагая также предоставленными мнѣ писанными замѣтками ихъ, свелъ всѣ данныя въ одно цѣлое съ тѣмъ, чтобы ни ты не былъ обманутъ ложными свѣдѣніями,

ни само путешествіе не могло подвергнуться напраснымъ нарѣканіямъ. Однакожъ сдѣлано это мною безъ всякаго согласія какъ со стороны самого сэра Томаса, такъ и тѣхъ дружески расположенныхъ ко мнѣ джентльменовъ, которые сообщили мнѣ матеріалы: такъ что, если я въ чемъ-либо погрѣшилъ, то причиной этому error amoris къ моей родинѣ, а отнюдь не amor erroris съ цѣлью кого-либо обидѣть. Пусть же чтеніе этой книжки доставитъ тебѣ удовольствіе, такъ какъ многое въ ней достойно замѣчанія. А теперь прощай!

Путешествіе сэра Томаса Смита въ Россію.

Торговыя сношенія служатъ какъ бы золотою цѣпью, соединяющею во взаимной дружбѣ одни государства съ другими: они настоящій цементъ, неразрывно связующій руки, сердца и самую душу народовъ, не сходныхъ между собою по виду, различныхъ по нравамъ, языку и религіи. Тотъ же голосъ, гармоничные звуки котораго всего сладостнѣе для слуха государей, предпочитающихъ пальмовое и оливковое деревья, какъ символы *мира*, узловатому дубу, эмблемѣ *войны*, внушилъ нашему августѣйшему монарху, его величеству королю Англіи Іакову оставить по прежнему открытыми всѣ порты и гавани, которые въ царствованіе возлюбленной, нынѣ усопшей, сестры его поддерживали торговыя сношенія нашего государства съ россійскимъ. Въ подтвержденіе таковаго королевскаго рѣшенія, послѣ того какъ первоначальныя взаимныя поздравленія между его величествомъ и государемъ россійскимъ состоялись при посредствѣ англійскаго агента въ Москвѣ, мистера Джона Мерика [2]), было признано полезнымъ отправить въ Россію посольство, назначивъ во главѣ его кавалера сэра Томаса Смита (благочестиваго и благоразумнаго мужа), на что́ онъ, исполняя свой долгъ, изъявилъ согласіе и немедленно приступилъ къ поспѣшнымъ приготовленіямъ для путешествія,

насколько ихъ допускала краткость предоставленнаго ему времени.

Когда все было готово для отъѣзда, сэръ Томасъ, въ сопровожденіи кавалеровъ сэра Томаса Челленора (Th. Challenor) [3]) и сэра Уильяма Рэ (Will. Wray) [4]), еще нѣсколькихъ благородныхъ особъ и своей собственной свиты, отправился 10-го іюня 1604 года ко двору, пребывавшему въ то время въ Гринвичѣ, гдѣ и былъ представленъ его величеству высокопочтеннымъ графомъ Сольсбери (the Earle of Salsbury) [5]): король въ милостивыхъ выраженіяхъ освѣдомился у сэра Томаса о продолжительности предстоящаго ему пути, о срокѣ его возвращенія, о характерѣ климата, предложивъ и еще нѣсколько вопросовъ относительно Россіи, на что̀ сэръ Томасъ и далъ надлежащіе отвѣты. Когда же король, выражая свое удивленіе по поводу продолжительности предполагаемаго пребыванія посольства въ Россіи (такъ какъ, по словамъ сэра Томаса, оно потребовало бы не менѣе пятнадцати мѣсяцевъ вслѣдствіе суровости тамошней зимы, когда отъ чрезмѣрнаго холода море дѣлается на нѣкоторое время закрытымъ для навигаціи), шутливо замѣтилъ: „выходитъ, что сэръ Томасъ отправляется чуть не съ самаго солнца“, присутствовавшій при аудіенціи графъ Нордгамптонъ (the Earle of Northampton) отвѣчалъ: „Ему такъ и должно казаться при разставаньи съ вашимъ всепресвѣтлѣйшимъ величествомъ“. Улыбнувшись на эти слова, король далъ поцѣловать свою руку сэру Томасу и осчастливилъ тою же милостью всѣхъ благородныхъ особъ, которымъ предстояло отправиться въ путешествіе.

На слѣдующій день сэръ Томасъ, съ нѣкоторыми лицами изъ своей свиты, прощался съ наслѣднымъ принцемъ; послѣ чего, получивъ въ Уайтъ-Голлѣ [6]) свои вѣрительныя грамоты

и всѣ прочія инструкціи отъ графа Сольсбери, сэръ Томасъ на завтра, 12-го іюня, около 10 часовъ, въ сопровожденіи сэра Валентина Найтли (Valentine Knightly), сэра Фрэнсиса Черри (Franis Cherry) [7]) и нѣсколькихъ лицъ изъ купечества, прибылъ въ Гревсендъ [8]), куда подошли, при попутномъ вѣтрѣ, внизъ по теченію всѣ корабли, и гдѣ онъ оставался до ближайшаго утра.

Затѣмъ, послѣ совѣщанія съ благородными особами, купцами и капитанами кораблей относительно своего отплытія, сэръ Томасъ собралъ вокругъ себя всѣхъ спутниковъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Благородные господа и вы всѣ, которые рѣшились сопровождать меня и помогать мнѣ въ настоящемъ посольствѣ отъ его королевскаго величества къ государю россійскому! Я совѣщался съ купцами, капитанами и иными лицами, слѣдуетъ ли намъ еще оставаться, или же поспѣшить нашимъ отъѣздомъ въ виду попутнаго въ настоящее время вѣтра и отсутствія всякой серьезной надобности въ дальнѣйшей остановкѣ, и я полагалъ бы, какъ, вѣроятно, и все наше общество, въ эту же ночь перейти на корабли, предоставивъ себя, какъ и во всякое время, покровительству Всемогущаго, ибо мы, находясь во власти безпощаднаго моря, должны встрѣтиться (тѣмъ болѣе что, какъ я предполагаю, среди васъ найдутся и не бывавшіе еще ни разу въ плаваніи) съ многочисленными испытаніями: поэтому, самъ хорошо зная разницу между твердою землей и моремъ, этими двумя столь различными по своей природѣ стихіями, я долженъ подѣлиться съ вами этимъ знаніемъ, такъ какъ вы, не будучи даже знакомы другъ съ другомъ, всѣ находитесь, исполняя при мнѣ разныя обязанности, на моемъ попеченіи. Прежде всего я желалъ бы, чтобы вы, какъ по-

добаетъ христіанамъ и братьямъ-товарищамъ, оказывали другъ другу пріязнь и любовь, выражая эти чувства взаимной помощью и покровительствомъ, при всякихъ нуждахъ, въ болѣзни или во время бури: такъ если, по волѣ Божіей, иному понездоровится, а другой будетъ здоровъ, то онъ, какъ болѣе сильный, обязанъ помочь тому, какъ болѣе слабому, памятуя, что повседневно онъ самъ можетъ попасть въ такое же положеніе. Когда же Богу будетъ угодно ниспослать намъ тихую погоду, такъ что намъ можно будетъ посѣтить другъ друга, я всякій разъ буду радъ видѣть васъ на моемъ кораблѣ, гдѣ съ удовольствіемъ вамъ будетъ предложено то, чего сами вы пожелаете и чѣмъ я буду располагать. Я сочту за признакъ вашей любви ко мнѣ хотя бы ежедневныя ваши посѣщенія, такъ какъ вы будете наилучшими гостями, какихъ я еще долго могу себѣ ожидать. Для сохраненія собственнаго здоровья воздерживайтесь отъ пьянства, для вашей выгоды— отъ игры, для вашего спокойствія—отъ ссоръ, и для славы имени Божія—отъ проклятій. Между тѣмъ все это у моряковъ въ большомъ ходу и легко прививается и къ другимъ. И конечно, противъ этого нѣтъ лучшаго средства, какъ ежедневное, по заведенному на корабляхъ обычаю, богослуженіе, предполагая, разумѣется, что въ моей свитѣ нѣтъ никого думающаго иначе, или воспитаннаго въ иныхъ взглядахъ. Вооружась такими правилами, приступимъ же, во имя Того, Кто въ своей непроникновенной премудрости предопредѣлилъ насъ для настоящаго путешествія, къ нашему плаванію съ честными и справедливыми намѣреніями, чтобы достичь въ нашемъ предпріятіи прочнаго успѣха и достославнаго окончанія. Въ заключеніе, объявляю во всеуслышаніе, что, ставя выше всего почитаніе Господа, я буду требовать отъ всѣхъ только то

къ чему каждаго обязываетъ мое положеніе и его долгъ. А за симъ, во имя Божіе, приглашаю всѣхъ васъ перейти на корабли".

Посолъ самъ показалъ остальнымъ дорогу, перейдя на главный корабль „John and Francis", а за нимъ послѣдовали и всѣ его спутники; когда же всѣ размѣстились, онъ сошелъ обратно на берегъ, гдѣ, немного отдохнувъ, онъ все остальное время посвятилъ разнаго рода спеціальнымъ дѣламъ съ купцами, которые оставались тамъ почти до двухъ часовъ утра. Затѣмъ, послѣ сигнальнаго выстрѣла изъ пушки и короткой стоянки въ ожиданіи не подошедшаго во̀ время барказа, мы подняли паруса вмѣстѣ съ остальными судами (въ числѣ четырехъ) и, при попутномъ вѣтрѣ, легко справились съ приливомъ, отказавшись отъ употребленія руля, и затѣмъ, довѣрясь внушавшему надежду гельмъ-винду [3]), шли благополучно, пользуясь въ теченіе двухъ съ половиной дней этимъ прекраснымъ попутнымъ вѣтромъ; по ночью 15-го іюня, уже за Ньюкеслемъ (Newcastle), вѣтеръ стихъ, такъ что мы должны были направить нашъ курсъ къ востоку. Въ ночь, между тѣмъ, отъ насъ отсталъ корабль „The Minion", не будучи въ состояніи при боковомъ вѣтрѣ держать одинаковый курсъ съ нами, и нашъ штурманъ обратился къ послу съ вопросомъ: прикажетъ ли онъ остановиться, или продолжать идти впередъ, при чемъ ссылался на принятый у моряковъ обычай по возможности лучше пользоваться всякимъ вѣтромъ, но посолъ распорядился повернуть на другой галсъ и дождаться прихода „Minion'a", что̀ и было исполнено. Посолъ, несомнѣнно, выказалъ этимъ большую заботливость и любовь относительно своихъ спутниковъ, ѣхавшихъ на „Minion'ѣ", и мнѣ кажется весьма существеннымъ въ морскомъ плаваніи, чтобы суда не

теряли другъ друга изъ виду, и соблюденіе этого правила будетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже свидѣтельствовать о мудрой предусмотрительности, такъ какъ или можетъ оказаться прямая надобность въ данномъ кораблѣ, или же онъ, въ ущербъ остальнымъ сопутствующимъ ему судамъ, можетъ такъ или иначе погибнуть, или быть выброшеннымъ на берегъ, какъ это слишкомъ часто и подтверждается на опытѣ.

Я не намѣренъ, впрочемъ, вдаваться въ подробный разсказъ о разныхъ обстоятельствахъ, случившихся во время плаванія, такъ какъ это и не входитъ въ мою задачу, и не представляетъ большаго интереса. Замѣчу только, что положеніе нашего посла на кораблѣ сильно напоминало его временное заключеніе въ Лондонскомъ Тоуэрѣ: и теперь ему точно также приходилось внезапно переходить отъ тревоги къ успокоенію, одновременно испытывая страхъ и надежду, когда порой богъ Нептунъ, подобно суровому властелину, бывало захочетъ дать почувствовать свою силу и гнѣвъ находящимся въ его власти своими непроглядными туманами, заставляя трепетать мореходцевъ (какъ предъ политическими010 кознями трепещутъ узники въ темницѣ): и въ томъ, и въ другомъ случаѣ человѣкъ видитъ то, чего иначе ему никогда не приходится видѣть: опасность въ дѣйствительномъ спасеніи, спасеніе и надежду въ наличной опасности, ибо политическія козни обыкновенно подобны туманамъ Ливанскихъ горъ, будучи, какъ и тѣ, наиболѣе ощутительны, когда всего менѣе замѣтны [10]). Но какъ его вывелъ Богъ изъ неволи съ великою честью и славой единственно ради его терпѣнія, облеченнаго въ невинность, такъ и я, при помощи Божіей, невредимо достигну безопасной гавани, выигрышемъ времени опережая

бѣдствія: ибо море есть самая несчастная среда для пребыванія человѣка (если не обладать большимъ запасомъ терпѣнія), среда, гдѣ постоянно должно смотрѣть прямо въ глаза опасности, въ чемъ и заключается лучшая предосторожность противъ всѣхъ бѣдъ, такъ какъ въ морѣ люди бываютъ всего спокойнѣе какъ разъ среди наибольшихъ тревогъ, и всего тверже держатся на ногахъ, когда вѣтеръ изо всѣхъ силъ гонитъ ихъ впередъ, какъ на зовъ набата, въ сознаніи, что они, можетъ быть, уходятъ отъ еще злѣйшей непогоды. Но желая всего хорошаго каждому, кому по̀ сердцу море, самъ я всегда предпочту оставаться на сушѣ и оттуда ужъ созерцать „одно изъ трехъ красивѣйшихъ зрѣлищъ на свѣтѣ—корабль на всѣхъ парусахъ“, то „вздымающійся“ (по выраженію моряковъ), подобно льву, ставшему на заднія лапы, то привскакивающій и присѣдающій, словно русскій медвѣдь во время травли превосходными англійскими псами. Но прибытіе на посольскій корабль нѣсколькихъ джентльменовъ и иныхъ лицъ съ другихъ нашихъ кораблей (по случаю наступившаго штиля) заставляетъ меня сосредоточить всѣ мои мысли на томъ, какъ бы получше привѣтствовать ихъ. Посланникъ же угостилъ ихъ тѣмъ гостепріимнѣе, что у него было всего вдоволь, благодаря и собственнымъ запасамъ, и тѣмъ, которые были даны ему въ изобиліи на дорогу его друзьями и, въ особенности, компаніею купцовъ, такъ что всѣмъ гостямъ досталось, сколько кто чего пожелалъ. Приглашая ихъ въ Гревсендѣ къ себѣ въ гости, посланникъ обѣщалъ угощать ихъ на славу, и къ чести его самого, и въ похвалу его свитѣ должно сказать, что приглашенные, являясь на посольскій корабль, всякій разъ находили въ лицѣ посла домовитаго хозяина, который радушнѣйшимъ образомъ предлагалъ имъ

что̀ только было у него наилучшаго. Короче сказать, всеобщія похвалы послу освобождають меня отъ необходимости подробно доказывать сказанное; но всѣ необходимо должны признать, что не только всякая провизія, но и собственный кошелекъ милорда предоставлялись для каждаго. Но снова подулъ вѣтеръ, и гости, подбодренные виномъ и вѣтромъ, вернулись на свои корабли. Такимъ образомъ они каждый разъ, посѣтивъ нашъ корабль (что̀ они дѣлали столь часто, какъ только могли), оставались на немъ до тѣхъ поръ, пока своимъ свистомъ вѣтеръ не дастъ сигнала къ отъѣзду; и въ самомъ дѣлѣ, на морѣ попутный вѣтеръ дороже всякаго пира, на которомъ къ тому же рискуешь съѣсть больше, чѣмъ сколько переноситъ желудокъ; кромѣ того, если вѣтеръ хорошенько подуетъ въ открытомъ морѣ, то хоть у кого поохладитъ мужество, едва наступитъ опасность (хотя и тутъ встрѣчаются вполнѣ геройскія натуры). Но такъ какъ мы зашли уже далеко въ Сѣверное море, я могъ бы угостить васъ по-царски и притомъ чуть не даромъ, а затѣмъ отлично позабавить васъ описаніемъ игръ и турнировъ на водѣ, въ которомъ я изобразилъ бы Левіаѳана, съ его выложеннымъ раковинами щитомъ, то испускающаго изъ своихъ ноздрей паръ, чтобы внушить ужасъ своимъ зрителямъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ зеленокожіе дикари, когда они движутся въ тактъ, словно учитель въ танцклассѣ,—то, какъ левъ, рыскающаго повсюду безъ страха, наводя страхъ на другихъ; или же представилъ бы морской поединокъ между огромнымъ китомъ, мечъ-рыбой и морскимъ волкомъ,—два на одного, кинжалъ и рапира на двуручный мечъ. Или я многое могъ бы сказать, хотя безъ особенной пользы, о всяческихъ рыбахъ—осетрахъ, отъ которыхъ итальянцами получается превосходная икра,

въ наибольшемъ количествѣ и наилучшаго качества, чѣмъ это умѣетъ дѣлать какая-либо другая нація; о дельфинахъ, бѣлугахъ, акулахъ, тюленяхъ, касаткахъ, лососяхъ и пр. Но я боюсь одного, что у однихъ изъ васъ отъ созерцанія боя морскихъ чудовищъ закружится голова, тогда какъ многіе изъ другихъ, которые охотно полакомились бы названными рыбами, сами послужили имъ на съѣденіе, и развѣ не было бы съ моей стороны весьма нелюбезно подчивать васъ тварями, которыя насыщаются человѣческимъ мясомъ, и которыхъ ужъ поэтому было бы трудно переварить. Могъ бы я также повѣдать вамъ о чародѣйствахъ моря (если можно такъ выразиться), когда корабль находится въ полномъ штилѣ, а морскіе духи держатъ самые превосходные вѣтры. Или, наконецъ, я могъ бы пуститься въ описаніе разныхъ мысовъ и песчаныхъ отмелей, рифовъ и скалъ, острововъ и водоворотовъ и пр. Но все это предметы для чуждаго мнѣ языка, на которомъ люди не краснѣютъ фантазировать, какъ истые поэты, которые въ нашей странѣ (на столько испорчены наши вкусы) отнюдь не пользуются тою же доброю славой, какъ рѣдкостные звѣри, а тѣмъ паче благородныхъ породъ рыбы, играющія и плавающія въ водахъ, куда и когда имъ угодно; между тѣмъ и поэты, что̀ рыбы, странствуютъ въ свое удовольствіе по морю житейскому, только съ той разницей, что они нерѣдко и тонутъ въ родной имъ стихіи. Но я охотно воздерживаюсь отъ всякаго подражанія поэтамъ, хотя и вполнѣ признаю ихъ высокое значеніе, памятуя какими проклятіями осыпаетъ достопочтенный авторъ „Apology for Poetrie“ [11]) тѣхъ, кто не почитаетъ поэтовъ. Но съ радостью отказавшись отъ поэтическихъ фантазій, я съ не меньшею радостью ухожу изъ-подъ власти соленаго моря, а въ особенности теперь,

когда, послѣ почти сорока дней безпрерывно длившейся качки, я плыву по прекрасной рѣкѣ Двинѣ, будучи вдругъ пробужденъ отъ сладкаго сна съ его золотыми грезами непонятной мнѣ рѣчью лоцмана, который, явившись по приказу царя къ нашему лорду-послу, чтобы провести его вверхъ по рѣкѣ, считающейся опасною (если повѣрить ихъ словамъ), извинялся, оправдывая свой запоздалый приходъ тѣмъ, что не зналъ о столь скоромъ прибытіи милорда. Теперь же, когда мы окончили нашъ переѣздъ, съ его морскою болѣзнью, развѣ можетъ намъ не улыбаться предстоящій путь по рѣкѣ? И повѣрьте мнѣ, что прѣсная вода для насъ лучшій товарищъ, чѣмъ соленый шутникъ-океанъ, и я, испытавшій, что̀ значитъ море, всегда предпочту имѣть дѣло съ сухопутнымъ солдатомъ, потому что, если придется сражаться, то ни въ чемъ я не буду на столько нуждаться, какъ въ прѣсной водѣ; а не будетъ ея, я буду ходить какъ потерянный, словно въ русскомъ или лифляндскомъ лѣсу [12]).

22-го іюля, не дойдя до Архангельска на одну милю, мы бросили якорь, а въ 11 часовъ ночи на посольскій корабль прибылъ пушкарскій голова, изъ дворянъ, по имени Максимъ Юринъ (Maxim Vrin) [13]), человѣкъ довольно благовоспитанный, но не особенно представительный на видъ. Встрѣченный двумя изъ нашихъ джентльменовъ и еще нѣсколькими лицами, онъ былъ проведенъ въ каюту милорда, гдѣ, провозгласивъ полный титулъ царя и царевича, (какъ это у русскихъ въ обычаѣ), онъ объявилъ послу, что его государь и повелитель и молодой царевичъ прислали его освѣдомиться о здоровьи его величества англійскаго короля и принцевъ, и выслушавъ отвѣтъ посла, спросилъ о его собственномъ здоровьи, а также и джентльменовъ, находившихся въ его свитѣ. Недоумѣніе посла

(въ виду правилъ, соблюдавшихся при въѣздѣ въ Россію прежнихъ пословъ)—кто бы собственно могъ быть этотъ присланный къ нему дворянинъ, было разрѣшено дальнѣйшимъ содержаніемъ его рѣчи, а именно, что великій государь, узнавъ о предстоящемъ прибытіи посла и желая выразить свое особое расположеніе къ его величеству королю Англіи, равно какъ и желаніе постоянно жить съ нимъ въ мирѣ и дружбѣ (какъ это было при блаженной памяти возлюбленной сестрѣ его, королевѣ Елизаветѣ), вопреки прежде соблюдавшемуся великимъ государемъ обычаю игнорировать прибытіе иностранныхъ пословъ до ихъ въѣзда въ столицу, прислалъ его, Максима, съ назначеніемъ состоять въ приставахъ при его особѣ, чтобы доставлять ему въ пути пристанище и всякіе припасы и оберегать его отъ обидъ среди чужого ему народа, каковымъ вниманіемъ великій государь желалъ выразить свою благодарность его королевскому величеству за честь посольства, равно какъ и сдѣлать угодное для самого посла, къ достиженію чего онъ, приставъ, съ своей стороны приложитъ всѣ старанія.

Пріятно пораженный такою предупредительностью, посолъ отъ души благодарилъ за оказанную ему царскую милость, замѣтивъ, что двумъ столь великимъ монархамъ и подобаетъ всѣми способами поддерживать взаимную дружбу. Послѣ соотвѣтственнаго его рангу угощенія, приставу на этотъ разъ было предоставлено удалиться; но еще до его отъѣзда, на корабль прибыли состоящій англійскимъ агентомъ въ Москвѣ мистеръ Джонъ Мерикъ (John Mericke), нѣсколько англійскихъ купцовъ и другихъ англичанъ съ тѣмъ, чтобы повидать милорда и поздравить его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Послѣ частной бесѣды посла съ агентомъ, длившейся нѣсколько часовъ, всѣ эти лица, угостившись виномъ и пивомъ, тогда какъ

ихъ людямъ было дано десять монетъ, отправились съ корабля къ себѣ домой.

Столь необычайное начало внушало серьезную надежду и на благопріятный исходъ нашей миссіи, такъ какъ подобная милость ни разу не оказывалась прежнимъ посламъ, которые, по своемъ прибытіи въ Архангельскъ, должны были оставаться тамъ въ досадномъ выжидательномъ положеніи все время, пока отправленный Архангельскимъ воеводой гонецъ въ Москву, отстоящую на 1000 миль, не вернется съ царскимъ дозволеніемъ продолжать путь и съ охранною грамотой.

23-го іюля приставъ, англійскій агентъ, нѣсколько купцовъ и иныя лица явились къ послу, чтобы съ почетомъ проводить его въ назначенное для него помѣщеніе. Посолъ, предшествуемый состоявшими при немъ благородными особами, впереди которыхъ шла посольская прислуга въ ливреяхъ, по два въ рядъ, и въ сопровожденіи упомянутыхъ выше лицъ, сошелъ на берегъ, чтобы перейти въ отведенное для него помѣщеніе. Во время же слѣдованія его къ берегу, съ стоявшихъ тогда на рейдѣ англійскихъ, французскихъ и голландскихъ кораблей былъ произведенъ изъ орудій внушительный залпъ (или, точнѣе, даже нѣсколько залповъ). Такимъ образомъ посолъ благополучно прибылъ въ первое свое обиталище въ предѣлахъ Россіи. Приставъ, церемоніально откланявшись послу, отправился осмотрѣть заранѣе заготовленные припасы, а также чтобы распорядиться о необходимыхъ квартирахъ для лицъ, которыя не могли быть помѣщены вмѣстѣ съ посломъ, равно какъ и для всѣхъ тѣхъ, которые еще ожидались, такъ какъ остальные наши корабли прибыли только на пятый день.

Въ Архангельскѣ посолъ провелъ около двухъ недѣль. За это время отъ него былъ потребованъ подробный именной

списокъ всѣхъ сопровождающихъ его лицъ и прежде всего носящихъ званіе королевскихъ придворныхъ (званіе высокопочитаемое не только московскимъ государемъ, но и турецкимъ султаномъ, и персидскимъ шахомъ, и марокскимъ беемъ, которые тѣмъ самымъ какъ бы льстятъ собственному величію); а такъ какъ мы, королевскіе слуги, пользующіеся высокою честью цѣлованія царственной руки его величества короля, встрѣтили здѣсь нѣсколько лицъ, находящихся въ такомъ же затруднительномъ положеніи, которымъ мы отнюдь не уступали въ знатности происхожденія (о которомъ теперь насъ такъ неожиданно спрашивали), то мы и должны были подчиниться тому же самому, что̀ и они, и въ чемъ мы, не безчестя нашего посла и не вредя собственному благополучію, не могли бы отказать, тѣмъ болѣе, что если это послѣдовало по приказу самого царя, кто въ этомъ государствѣ, какъ бы ни былъ онъ знатенъ, не исполнилъ бы въ данномъ случаѣ требуемаго, хотя бы въ душѣ и не одобрялъ этого? Во-вторыхъ, потребованъ былъ именной списокъ обыкновенныхъ дворянъ, состоявшихъ при особѣ посла, и въ-третьихъ, всѣхъ остальныхъ членовъ свиты. Всѣ таковые списки и были представлены приставу, отправившему ихъ затѣмъ къ самому царю. Все это было сдѣлано, какъ надобно думать, съ тѣмъ, чтобы на основаніи поименнаго списка можно было опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ оказать почетъ нашему послу и озаботиться соотвѣтственнымъ образомъ относительно квартиръ, лошадей и жизненныхъ припасовъ, а можетъ быть и съ цѣлью узнать, кто изъ членовъ знатныхъ англійскихъ фамилій находится среди сопровождающихъ посла королевскихъ придворныхъ, о чемъ они особенно освѣдомлялись и впослѣдствіи. Между тѣмъ англійскому агенту мистеру Джону Мерику

(этому по истинѣ мудрому, достойному и любезному джентльмену) угодно было пригласить всѣхъ участниковъ посольства къ себѣ на обѣдъ. Онъ охотно обратился бы и къ самому послу съ приглашеніемъ, если бы могъ разсчитывать, что оно будетъ принято, тѣмъ болѣе, что еще не было получено вторичнаго приказа царя о дальнѣйшемъ слѣдованіи посольства; но высокое званіе посла (городъ же въ это время какъ разъ былъ переполненъ иностранцами) дѣлало это несовмѣстимымъ съ оказываемымъ здѣсь посланникамъ почетомъ и, въ особенности, съ туземнымъ воззрѣніемъ, по которому тѣмъ знатнѣе должна считаться каждая важная личность, чѣмъ менѣе она появляется на глаза народу. Мы же были угощаемы съ чрезвычайнымъ радушіемъ и привѣтствованы съ сердечною любезностью, какую способна выразить честная душа, предпочитающая искренность всевозможнымъ формальностямъ. Наиболѣе лакомыя блюда были отправлены отсутствовавшему послу на домъ.

За нѣсколько дней передъ этимъ благополучно прибыли и прочіе наши корабли, такъ что теперь всѣ сопровождающія посла лица находились при немъ, на твердой землѣ. Поэтому посолъ (хорошо освѣдомленный агентомъ Мерикомъ относительно туземныхъ пороковъ и обычаевъ, а также и всего того, чего всѣмъ намъ слѣдовало въ дальнѣйшемъ держаться или избѣгать), желая прежде всего установить доброе мнѣніе о себѣ самомъ и обезпечить честное имя за всѣми сопутствующими ему, какъ во время пребыванія при московскомъ дворѣ, такъ и впослѣдствіи, съ любовью взялъ на себя трудъ (въ нижеприведенной рѣчи) — во-первыхъ, еще до отъѣзда изъ Архангельска, запечатлѣть въ ихъ памяти счастливое освобожденіе отъ ужасовъ океана, и во-вторыхъ, снабдить ихъ своими чистосердечными указаніями и совѣтами.

„Послѣ того какъ Всемогущему было угодно, въ великой своей благости, благополучно провести насъ среди опаснаго плаванія чрезъ океанъ и дать всѣмъ намъ, не испытавъ ни малѣйшей невзгоды, высадиться на берегъ, сочтемъ это за великое Божіе благословеніе, воспоминаніе же о миновавшихъ опасностяхъ да сохранится нами не только съ тѣмъ, чтобы мы жили соотвѣтственно съ проявленною къ намъ милостью Божіей, но и не забывали, что намъ предстоитъ снова совершить тотъ же путь обратно, въ сознаніи, что во всемъ твореніи Господа океанъ чаще всего является исполнителемъ его велѣній: поэтому пусть преисполнятся сердца наши благодарностію за наше освобожденіе, мы же засвидѣтельствуемъ самою нашею жизнью нашу покорность Всевышнему, въ особенности находясь въ иноземной странѣ, которая и сама еще не познала Его въ полной мѣрѣ. Люди же въ ней—народъ хитрый и лукавый, съ любопытствомъ слѣдящій за всѣми поступками иностранцевъ; между тѣмъ въ этотъ торговый портъ съѣзжаются представители всякихъ націй, и такъ какъ нѣкоторые между ними хорошо понимаютъ нашъ языкъ, то будемъ же осторожны и разсудительны въ нашихъ разговорахъ, обращая вниманіе на то, съ кѣмъ и о чемъ мы ведемъ бесѣду, а поводовъ къ разговорамъ представится для насъ довольно, потому что и самъ народъ и его нравы, обычаи и даже самый способъ привѣтствованій не только кажутся странными, но (выражаясь безъ лишней рѣзкости) отчасти даже забавными. Но такъ какъ мы явились къ этимъ людямъ во имя дружбы и мира, то будемъ же всячески оказывать имъ любовь и соблюдать вѣжливость въ обращеніи съ ними. Вѣжливость же есть добродѣтель, которая не связана ни съ какимъ неудобствомъ и способна доставить лишь одну выгоду, безъ всякихъ потерь.

„Просилъ бы я также васъ избѣгать игры въ кости и въ карты: не говоря уже о томъ, что эти игры считаются здѣсь у порядочныхъ людей дѣломъ низкимъ и гнуснымъ, онѣ компрометировали бы и меня, да и вамъ самимъ отъ нихъ былъ бы только убытокъ, потому что если одинъ изъ васъ и положитъ себѣ что лишнее въ кошелекъ, то другой на это могъ бы пріодѣться. Особенно же помните, что хотя при климатѣ, въ которомъ и вамъ прійдется жить, пьянство считается здѣсь скорѣе обычаемъ, нежели порокомъ, въ другихъ оно этимъ людямъ однакоже ненавистно. Но, поборовъ себя въ этомъ, вы сумѣете обуздать себя и во всемъ остальномъ и, я надѣюсь, докажете своею разсудительностью, въ сравненіи съ ихъ гнуснымъ скотствомъ, что вы никогда ничего подобнаго и не знавали.

„Распутство составляетъ въ этой странѣ столь общераспространенный грѣхъ, что ихъ глазъ сейчасъ же подмѣтитъ его въ иностранцахъ: поэтому, ради спокойствія вашей собственной совѣсти и тѣлеснаго вашего здоровья, гнушайтесь разврата, какъ самой противоестественной слабости,—и это тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи русскіе не только чудовищно безстыдны, но какъ бы олицетворяютъ собою само безстыдство. Итакъ, пусть самая мысль объ этомъ грѣхѣ будетъ для всѣхъ васъ омерзительною. Если вы будете вести себя такимъ образомъ, вы тѣмъ самымъ прославите Бога, и Онъ за то возвеличитъ васъ. И все это послужитъ во славу вашей родинѣ, къ чести мнѣ и къ спокойствію вашей собственной совѣсти. Я же буду съ радостью награждать тѣхъ, кто окажется въ этомъ рачителенъ, но вмѣстѣ не промедлю на будущее время и съ наказаніемъ; и пусть никто не разсчитываетъ на мою снисходительность или доброту, ибо увѣряю всѣхъ васъ, что

я прежде всего забочусь о вѣрномъ служеніи Богу, на сколько это въ моихъ силахъ при настоящемъ моемъ положеніи".

Приставъ Максимъ Юринъ, въ силу только что полученнаго имъ государева приказа, заготовилъ между тѣмъ для насъ пять большихъ лодокъ, въ томъ числѣ двѣ палубныя, со всѣми необходимыми принадлежностями.

6-го августа посолъ отправился изъ Архангельска.

Имѣя по тридцати человѣкъ въ каждой лодкѣ, мы поплыли вверхъ по рѣкѣ, при чемъ, въ случаѣ противнаго вѣтра, мы шли бичевой, и такимъ образомъ, мѣняя чрезъ каждыя десять верстъ нашихъ людей на лодкахъ, мы прибыли въ Холмогоры, гдѣ посолъ провелъ два дня въ одномъ англійскомъ домѣ и затѣмъ продолжалъ путь вверхъ по тихой и живописной Двинѣ. Не доходя верстъ тридцати до Устюга, милордъ былъ встрѣченъ на рѣкѣ другимъ приставомъ, Константиномъ Петровичемъ Артышовымъ [14]), человѣкомъ заслуживающимъ гораздо бо́льшаго уваженія, чѣмъ нашъ первый приставъ. Степенный, прямой и спокойный джентльменъ, каковъ былъ онъ,— сущая находка для иностраннаго посла въ этой странѣ, гдѣ въ лицѣ приста́вовъ, отнюдь не похожихъ на нашего, посланники, какъ это было, напримѣръ, послѣдній разъ съ извѣстнымъ почтеннымъ сэромъ Ричардомъ Ли (Rich. Lea)[15]), находятъ величайшую для себя пытку, такъ какъ чванство, самомнѣніе и произволъ составляютъ присущія свойства каждаго русскаго, занимающаго болѣе или менѣе почетную должность.

Этотъ бояринъ, выйдя намъ на встрѣчу на четверть мили внизъ по теченію, прислалъ къ послу увѣдомленіе, что его царское величество великій государь назначилъ его къ нему въ приставы, и что онъ желалъ бы увидѣться съ его милостью лордомъ, съ тѣмъ чтобъ освѣдомиться о его здоровьѣ и дово-

лепъ ли онъ обхожденіемъ съ нимъ и предназначенными для его содержанія припасами, а также чтобы засвидѣтельствовать послу особенное расположеніе къ нему царя, который, узнавъ о прибытіи посольства, немедленно отправилъ его съ болѣе обширными полномочіями, въ силу которыхъ въ каждомъ ямѣ и во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ имъ, приставомъ, и даны предписанія о предоставленіи послу подводъ, припасовъ для стола и вообще всего, чтó ему потребуется. Тогда двое изъ состоявшихъ при послѣ придворныхъ проводили его на палубу посольскаго дощаника, гдѣ онъ былъ принятъ съ подобающею честью, и, дѣйствительно, это былъ очень пріятный джентльменъ, съ чѣмъ согласится каждый, знакомый съ туземнымъ народомъ.

Послѣ получасоваго угощенія напитками и яствами, приставъ откланялся. Тотчасъ по его отъѣздѣ посолъ отправилъ къ нему на лодку, съ шестью своими ливрейными лакеями, въ сопровожденіи толмача, десертъ, принятый имъ съ любезно выраженною благодарностью. Такимъ образомъ мы продолжали наше путешествіе, пріятно развлекаясь то видомъ поразительныхъ по своей прямотѣ елей, сосенъ, величественныхъ кедровъ и цѣлыхъ сосновыхъ лѣсовъ, то зрѣлищемъ мѣловыхъ скалъ, то прелестными прогулками среди благоухающихъ луговъ и тучныхъ пажитей, пріятнѣе которыхъ нѣтъ ничего на свѣтѣ при плаваніи на протяженіи тысячи верстъ бичевой и на парусахъ, какъ проплыли мы по Двинѣ, Сухонѣ и Вологдѣ. Разсказывать о чудныхъ городахъ, гдѣ мы останавливались для отдыха и получали щедрые подарки, было бы скорѣе гиперболой, чѣмъ непреложною истиной. Я тѣмъ охотнѣе предоставляю кому угодно эту щекотливую задачу, что, благополучно закончивъ 6-го сентября наше плаваніе за пять

верстъ передъ Вологдой, я отнюдь не хотѣлъ бы умолчать о чрезвычайно пріятномъ переѣздѣ, на слѣдующій день, въ только что упомянутый городъ. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ и другихъ благородныхъ особъ, при чемъ для посла былъ предоставленъ отъ имени мѣстнаго архипастыря превосходный конь, такъ же какъ и для королевскихъ придворныхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ изъ посольства, мы направились въ прекрасный, просторный домъ, заранѣе приготовленный для посла, гдѣ провожавшіе и оставили его, не поживившись ничѣмъ изъ его „добра“ (какъ выражаются русскіе), частью, какъ можно думать, оттого, что нѣсколько лицъ никогда не отличаются единомысліемъ при внезапно наступившихъ обстоятельствахъ, частью же потому, что вполнѣ можно было предположить, что въ данный моментъ у посла и не припасено для нихъ въ той мѣрѣ, какъ это будетъ потомъ, когда онъ поустроится. Въ этомъ большомъ городѣ мы легко могли убѣдиться, что предписанія царя относительно улучшенія нашего содержанія и безпрепятственнаго проѣзда въ дальнѣйшій путь были въ точности исполнены. Здѣсь же въ первый разъ посолъ встрѣтилъ болѣе радушное обхожденіе, что̀ наблюдалось и далѣе во всѣхъ городахъ.

12-го сентября посолъ, въ обществѣ разныхъ благородныхъ особъ изъ своей свиты, отправился уже сухимъ путемъ. Самъ онъ ѣхалъ въ собственномъ экипажѣ, но въ запасѣ имѣлась и лошадь для верховой ѣзды. Кромѣ того, посла сопровождало 150 лошадей съ соотвѣтственнымъ количествомъ экипажей и возовъ. Такимъ образомъ мы безъ труда совершили пріятное и легкое путешествіе, на сколько это возможно гдѣ бы то ни было на свѣтѣ на протяженіи столькихъ сотенъ верстъ, безъ дождливой погоды и безъ распутицы, оста-

павливаясь для отдыха каждую субботу, какъ это посолъ соблюдалъ и въ пути водою, при чемъ всякій разъ дважды совершалась божественная служба (уклоненія отъ этого едва допускались и въ морѣ): такъ велики были заботливость и усердіе нашего священника, не смотря на его крайнюю болѣзненность. И дѣйствительно, это былъ достойный и миролюбивый человѣкъ, притомъ обладавшій значительною ученостію,—назывался онъ Самуилъ Созсби (Samuelle Sotheby) [16].

Такъ, ѣдучи отъ одного яма до другого на отличныхъ почтовыхъ лошадяхъ, достигли мы, миновавъ нѣсколько красиво расположенныхъ городовъ, Ярославля, куда мы пріѣхали 19-го сентября, при чемъ на встрѣчу намъ вышло множество народа. Намъ пришлось переправиться на веслахъ, въ большой лодкѣ, черезъ славную рѣку Волгу, на гористомъ берегу которой стоитъ этотъ богатый и красивый городъ, гдѣ посолъ нашъ и остановился въ домѣ Григорія Ивановича Микулина [17]), бывшаго русскимъ посломъ при ея величествѣ англійской королевѣ.

Здѣсь было бы кстати сказать нѣсколько словъ объ этой знаменитой рѣкѣ, какъ я думаю, единственной въ свѣтѣ по своей длинѣ и ширинѣ; но мысль, что въ драгоцѣнныхъ трудахъ столькихъ славныхъ писателей, какъ, напримѣръ, мистера Ричарда Гаклейта (Rich. Hackluyt) [18]), уже говорилось о ней съ достаточною подробностью, побуждаетъ меня отказаться отъ описанія какъ самой рѣки, такъ равно и города, сославшись на тѣхъ, которые уже дѣлали подобнаго рода описанія, въ особенности же на правдивое описаніе доктора Флетчера [19]), бывшаго нѣкоторое время посломъ при нынѣшнемъ царѣ. 21-го сентября мы выѣхали изъ Ярославля при радушныхъ проводахъ отъ города. Въ Шепстскомъ (Shepetskoy) [20]) мы

останавливались, — здѣсь живетъ одинъ англійскій джентльменъ, по прозванію Джорджъ Гарландъ (Georg Garland) [21]), нѣкогда состоявшій на службѣ у благороднаго и несчастнаго графа Эссекса, о которомъ по всему свѣту ходитъ столько разсказовъ, но (какъ выражается ученый и знаменитый своимъ геройствомъ поэтъ сэръ Филиппъ Сидней о принцѣ Плангусѣ)[22]), „никто еще не вымолвилъ дурнаго слова“.

На слѣдующій день мы пріѣхали въ Ростовъ (старинный, но полуразрушенный большой городъ, по имени котораго именуется одинъ изъ россійскихъ митрополитовъ). Здѣсь посолъ прожилъ, остановившись въ прекрасномъ домѣ, два дня. Въ это же время отъ царя было получено приставомъ предписаніе, чтобы монастыри давали подводы подъ посла и состоящихъ при немъ королевскихъ придворныхъ, и чтобы намъ было предоставлено слѣдовать въ пути сообразно съ нашими удобствами, при чемъ приказывалось удовлетворять всѣ наши требованія. И навѣрно, мы пользовались бы еще бо́льшими преимуществами, если бы государь не отправился какъ разъ въ это время на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру, что̀ по благочестію онъ предпринимаетъ четыре раза въ годъ. А чтобы понять сколь большое отличіе для ѣдущихъ въ этой странѣ составляетъ право пользоваться монастырскими лошадьми, надо знать, до какой степени монастыри здѣсь богаты. 25-го мы достигли Переяславля. Это — весь въ длину растянувшійся городъ, нынѣ находящійся въ упадкѣ; здѣсь посолъ останавливался въ новоотстроенномъ домѣ одного богатаго купца. Въ виду нахожденія государя и царевича въ Троицкой лаврѣ, отстоящей всего на два дня ѣзды дальше по слѣдуемому нами пути, мы провели въ Переяславлѣ цѣлые три дня, послѣ чего сами направились черезъ Дубну

къ Троицѣ, замѣчательному по красотѣ и богатству монастырю, а затѣмъ на Братчину и Ростокино, лежащее въ пяти верстахъ отъ престольнаго города Москвы; здѣсь посолъ и прочая свита расположились на ночлегъ въ домахъ, замѣчательно хорошо устроенныхъ для такой небольшой деревни [23]).

Въ эту же ночь прибылъ англійскій агентъ, въ сопровожденіи секретаря, съ визитомъ къ милорду и сообщилъ ему, что на завтра утромъ, въ 9 часовъ, состоится его торжественный въѣздъ въ Москву, вслѣдствіе чего всѣ мы и сдѣлали къ тому должныя приготовленія. На слѣдующее утро, 4-го октября, пришелъ къ намъ приставъ и объявилъ милорду, что великому государю угодно, чтобъ онъ, посолъ, пожаловалъ въ Москву; а вслѣдъ за нимъ явился и мистеръ Джонъ Мерикъ, приведшій съ собою для милорда десятка два лошадей; онъ снабдилъ также посла указаніями, какъ ему слѣдуетъ держаться при въѣздѣ въ Москву, прибавивъ, что самъ онъ обязанъ немедленно поѣхать туда впередъ, что̀ имъ и было приведено въ исполненіе. Мы пустились въ путь и, проѣхавъ съ одну милю разстоянія, увидѣли до тысячи человѣкъ всадниковъ изъ бояръ и иныхъ благородныхъ лицъ, выстроившихся по обѣимъ сторонамъ дороги для встрѣчи его милости милорда. Здѣсь посолъ, выйдя изъ своего экипажа, сѣлъ на своего же парадняго коня и двинулся дальше при звукахъ музыки, исполняемой его собственными трубачами. Проѣхавъ еще съ четверть мили, милордъ былъ встрѣченъ дворяниномъ изъ конюшеннаго приказа, въ парадномъ платьѣ, который, снявъ шапку, объявилъ послу, что великій государь, молодой царевичъ и конюшій бояринъ изволили прислать ему испанскаго жеребца [24]) въ сбруѣ, богато убранной золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, съ большою, изъ чеканнаго

золота, цѣпью, надѣтою коню на шею. Тогда посолъ, сойдя съ своего коня, обнялъ названнаго дворянина, выразилъ свою нижайшую благодарность и тотчасъ пересѣлъ на присланнаго ему иноходца. Далѣе тотъ же дворянинъ объявилъ, что царю угодно было прислать коней и для королевскихъ придворныхъ, также въ богатомъ убранствѣ, а затѣмъ и для всѣхъ прочихъ членовъ посольской свиты. Когда церемонія передачи коней была окончена, дворянинъ уѣхалъ, а мы уже верхóмъ продолжали въ должномъ порядкѣ свой путь, пока не встрѣтились съ тремя знатными боярами, отдѣлявшимися отъ всей остальной толпы и имѣвшими при себѣ толмача. Кажется, что и объ этой встрѣчѣ посолъ уже былъ предувѣдомленъ заранѣе (какъ это обыкновенно дѣлается въ этой землѣ), но число высылаемыхъ при этомъ знатныхъ бояръ зависитъ отъ расположенія и милости царя. Кому извѣстно, съ какою странною церемоніальностью наблюдается у русскихъ за тѣмъ, чтобы первымъ не сойти съ лошади (если онъ читалъ, напримѣръ, какія формальности соблюдалъ при этомъ сэръ Джеромъ Боуэсъ[25]), или о затруднительномъ положеніи сэра Ричарда Ли въ сказанномъ отношеніи), тотъ легко пойметъ, что относительно этого пункта царскій наказъ очень строгъ, и эти люди полагаютъ, что составляетъ большое умаленіе чести, если при встрѣчѣ первымъ сойти съ коня. Поэтому эти три боярина и начали было свою довольно нескладную рѣчь, не слезая съ своихъ коней (смыслъ же ихъ словъ былъ тотъ, что великій государь, ихъ господинъ и повелитель, возложилъ на нихъ порученіе къ его милóсти милорду). Тогда посолъ, во избѣжаніе обычной докучности ихъ церемоніальныхъ рѣчей, предупредилъ ихъ дальнѣйшее разглагольствованіе, обратившись къ нимъ съ замѣчаніемъ, что „не приличествуетъ подданнымъ

двухъ столь могущественныхъ монарховъ вести рѣчь, сидя верхомъ, при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ". Отъ этихъ словъ они не только устыдились своего церемоннаго сидѣнья въ сѣдлѣ (какъ устыдился доблестный Artexius, отступивъ въ сторону во время опаснаго поединка съ Zealmene)[26]), но такъ растерялись и въ своихъ письменныхъ инструкціяхъ, что тотчасъ же спрыгнули съ коней, словно боясь, что ихъ сбросятъ съ себя лошади. Вслѣдъ за ними сошелъ съ своего коня и посолъ; они же, приблизившись, вѣжливо поклонились послу и сопровождавшимъ его королевскимъ придворнымъ и пожали имъ руки. Тогда одинъ изъ этихъ бояръ, князь Владиміръ Ивановичъ Мосальскій[27]), словно великовозрастный ученикъ, которому стыдно заучивать наизусть, прямо съ бумаги прочиталъ свое порученіе, заключавшееся въ томъ, что онъ, съ двумя другими боярами, присланъ великимъ государемъ (слѣдуетъ полный титулъ)[28]) освѣдомиться о здоровьи его величества короля, королевы и наслѣднаго принца. Послѣ того второй бояринъ, пушкарскій голова, по имени Казаринъ Давидовичъ Бѣгичевъ[29]), повторивъ весь титулъ царя и царевича, сказалъ, что онъ присланъ узнать о здоровьѣ милорда и королевскихъ придворныхъ, и о томъ, всѣмъ ли они довольны. Третій, по своему званію дьякъ, Ѳедоръ Болтинъ[30]), соблюдая ту же формальность, заявилъ, что великій государь, царевичъ и великая государыня приказали ему увѣдомить его, посла, о ихъ великой къ нему и королевскимъ придворнымъ милости, а именно, что для почетнаго и удобнаго пребыванія ихъ приготовлено обширное и прекрасное помѣщеніе; они же всѣ трое назначены великимъ государемъ, царевичемъ и великою государыней быть при послѣ въ приставахъ, чтобы заботиться, въ доказательство

государева расположенія къ его милости лорду, о всѣхъ его потребностяхъ и докладывать великому государю каждую просьбу, съ какою посолъ пожелаетъ обратиться къ его царскому величеству. Всѣмъ тремъ посолъ далъ весьма разумные отвѣты, о которыхъ и было ими потомъ доложено великому государю.

Послѣ этого мы всѣ тотчасъ сѣли на коней, при чемъ пристава ѣхали съ обѣихъ сторонъ рядомъ съ посломъ, лошадь котораго, бывшую подъ нимъ, такъ же какъ и его парднаго коня, велъ его пажъ, а сзади, въ нѣкоторомъ разстояніи, двигалась его карета, за которою уже слѣдовало до шести тысячъ человѣкъ одѣтой по праздничному публики, которая привѣтливо кланялась послу, проѣзжавшему между рядами войска, выставленнаго для оказанія ему почета.

Сопровождаемый такимъ образомъ тысячами людей, посолъ миновалъ три городскія стѣны, между тѣмъ какъ по обѣимъ сторонамъ пути выстроилось нѣсколько сотенъ молодыхъ бояръ, дворянъ и богатыхъ купцовъ верхомъ на нарядно-убранныхъ коняхъ, остальной же народъ встрѣчалъ стоя на протяженіи двухъ верстъ, вплоть до воротъ назначеннаго для жительства послу дома. По прибытіи туда, бояре-пристава проводили посла въ его спальню и, выслушавъ его благодарность за ихъ добросовѣстно исполненные труды, откланялись, призываемые своими дальнѣйшими обязанностями.

На слѣдующее утро явились съ прежними приставами три новые, чтобы освѣдомиться о здоровьѣ милорда и хорошо ли онъ провелъ прошлую ночь; они присовокупили, что если послу угодно что-либо отъ нихъ потребовать, то каждый изъ нихъ, какъ и всѣ вмѣстѣ, обязаны немедленно повиноваться. Эти лица, наравнѣ съ переводчикомъ и шестью дворянами.

оставались бо́льшую часть времени въ стѣнахъ дома, а помѣщались они въ особомъ зданіи у воротъ. Сверхъ того, тутъ было пятьдесятъ человѣкъ пушкарей, обязанныхъ заботиться о насъ и охранять, когда намъ приходилось выходить изъ дому.

На четвертый день по нашемъ прибытіи въ Москву, 8-го октября, пристава пришли къ послу, давая ему понять, что слышали, будто, на завтра намъ предстоитъ аудіенція у великаго государя, и затѣмъ пожелали получить въ спискѣ ту рѣчь, которую намѣренъ произнести посолъ, а также и ознакомиться съ содержаніемъ данныхъ порученій, торопя при этомъ, такъ какъ (по ихъ увѣренію) переводчикъ долженъ былъ еще приготовить переводъ на русскій языкъ. Они нѣсколько разъ принимались настойчиво упрашивать объ этомъ. Но посолъ отвѣчалъ имъ, что, будучи присланъ могущественнымъ монархомъ въ качествѣ его представителя къ московскому государю, онъ съ немалыми опасностями переплылъ черезъ океанъ и совершилъ еще другой водный путь, а затѣмъ продолжительный путь по-суху, поддерживая себя при этомъ надеждою предстать предъ свѣтлыя очи его величества, и ему тѣмъ пріятнѣе ихъ сообщеніе относительно аудіенціи; въ особенности же въ столь скоромъ ея назначеніи онъ видитъ доказательство особеннаго расположенія къ нему со стороны великаго государя; но, будучи присланъ къ ихъ повелителю, онъ считалъ бы не только безчестьемъ для себя, но и недомысліемъ съ ихъ стороны требовать у него изъ рукъ то, чего онъ (не говоря уже, что никогда не пожелалъ бы) не могъ бы сдѣлать, такъ какъ въ своей рѣчи, при помощи Божіей, онъ скажетъ сообразно съ предоставленнымъ ему временемъ, съ обстоятельствами, съ своею памятью, а также съ присутствіемъ

духа, такъ какъ говорить ему придется предъ чужестраннымъ могущественнымъ монархомъ, а то, что́ имъ будетъ говорено, передастъ, какъ ему будетъ угодно, царскій толмачъ. Таковъ былъ рѣшительный и окончательный отвѣтъ посланника. Кромѣ того, посолъ, при всей своей готовности явиться ко двору во всякое время, выразилъ желаніе, чтобы для него были предоставлены лошади и прочіе предметы, которыхъ у него не было въ запасѣ. Тогда пристава, послѣ предложеннаго имъ угощенія, уѣхали скорѣе неудовлетворенные, чѣмъ довольные. Конечно, это у русскихъ только безцѣльный обычай (столь же неразумный, сколько и стародавній) вдаваться въ пустословіе, когда они не имѣютъ возможности настоять на своемъ, какъ и въ данномъ случаѣ это было простое выспрашиваніе, удовлетворить которое было бы большимъ легкомысліемъ со стороны посла; да и сами же они сочли бы его крайне непредусмотрительнымъ человѣкомъ, исполни онъ ихъ капризное требованіе. Впрочемъ, это и было собственно своего рода военною хитростью, чтобы вывѣдать, доложить ли имъ государю о послѣ, какъ о человѣкѣ робкомъ, или же исполненномъ сознанія собственнаго достоинства.

10-го октября пристава явились съ увѣдомленіемъ отъ посольскаго дьяка, что онъ полагаетъ (ибо эти люди никогда ни о чемъ не говорятъ навѣрное), что милорду предстоитъ на слѣдующее утро представиться великому государю, почему онъ и проситъ его приготовиться, а ему будутъ предоставлены государевы лошади и часть придворной стражи для доставки во дворецъ подарковъ, списокъ которыхъ былъ препровожденъ посольскому дьяку, согласно его просьбѣ.

11-го октября милордъ выѣхалъ во дворецъ, послѣ того какъ его пристава отправились впередъ ожидать его. Для

самого посла были приведены превосходные испанскіе жеребцы и прекрасные кони для всѣхъ остальныхъ, а также и пышная карета съ двумя парадными лошадьми, въ которой везли извѣстную долю многочисленныхъ подарковъ, тогда какъ прочее было несено лицами изъ посольской свиты и придворной стражи.

У воротъ дворца находилось нѣсколько парадно одѣтыхъ особъ въ ожиданіи посла, который ѣхалъ верхомъ, имѣя по сторонамъ своихъ приставовъ, тогда какъ нѣсколько другихъ слѣдовали за нимъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ числомъ дворянъ. Такимъ образомъ мы проѣхали около версты, созерцаемые тысячью глазъ: по обѣимъ сторонамъ пути были разставлены стрѣльцы, подъ ружьемъ и въ парадной формѣ, въ числѣ до двухъ тысячъ, между тѣмъ какъ нѣсколько гонцовъ было распредѣлено на разстояніи, отдѣлявшемъ, по мѣрѣ ихъ приближенія, нашихъ приставовъ отъ царскаго дворца.

Такимъ образомъ, проѣхавъ весьма медленно, какъ того требовало наше достоинство, и прослѣдовавъ сначала черезъ дворъ большого дворца, мы достигли главнаго дворцоваго въѣзда, гдѣ лордъ посланникъ сошелъ съ своего коня. Здѣсь его встрѣтилъ большой бояринъ, князь Андрей Дмитріевичъ Чемадуровъ (Soomederoue)[31] съ нѣсколькими дворянами, чтобы проводить посла наверхъ. Въ какомъ порядкѣ мы ѣхали, въ томъ же и поднялись по лѣстницѣ и прошли каменною галлереей, гдѣ съ обѣихъ сторонъ стояло по нѣскольку бояръ и придворныхъ, въ парадной одеждѣ изъ камки, бархата, тафты и проч. При входѣ въ большую палату посла встрѣтили два думскіе боярина, чтобы провести черезъ эту залу, въ которой кругомъ сидѣли важныя на видъ и съ большою пышностью одѣтыя особы.

Затѣмъ были внесены подарки, и мы, подчиняясь требо-

ваніямъ церемоніала, должны были выслушать, хотя и не понимая, отъ весьма представительнаго боярина, по имени Петра Басманова, полный титулъ царя. Далѣе слѣдовало поднесеніе подарковъ, сопровождавшееся нѣкоторыми другими церемоніями, по окончаніи которыхъ послу было предоставлено слово, и онъ, на сколько допускали обстоятельства и время, изложилъ цѣли своей посольской миссіи. Вслѣдъ за симъ великій государь, вставъ съ своего трона, освѣдомился о здоровьѣ англійскаго короля, королевича и королевы, а затѣмъ о здоровьѣ самого посла и королевскихъ придворныхъ въ его свитѣ и о томъ, хорошо ли имъ было со времени прибытія въ его владѣнія, на что̀ ему и было отвѣтствовано подобающимъ образомъ. Послѣ всего этого и молодой царевичъ обратился къ намъ съ тѣми же вопросами. Посолъ, принявъ письмо короля изъ рукъ принадлежащаго къ посольской свитѣ дворянина Эшера (Usher)[32], направился вручить его по принадлежности, и хотя хранитель большой печати и посольскій дьякъ намѣревался перенять его, передалъ прямо въ царскія руки, изъ которыхъ уже и принялъ его послѣдній. Взявъ письмо, онъ сперва показалъ надпись на немъ царю и царевичу и затѣмъ продолжалъ держать его, обративъ къ нимъ тою стороной, гдѣ находились печати. Тогда государь допустилъ посла къ цѣлованію его руки, равно какъ и царевича, послѣ чего посолъ отступилъ, имѣя лицо, обращенное къ государямъ, а затѣмъ государь велѣлъ подозвать для той же церемоніи королевскихъ придворныхъ, которые, послѣдовавъ приглашенію, поступили соотвѣтственнымъ образомъ. Послѣ всего этого царь пригласилъ посла, королевскихъ придворныхъ и остальную свиту къ своему столу, а также, назвавъ его по имени, и агента мистера Джона Мерика, который находился

тутъ же при особѣ посла, и съ которымъ, какъ въ этотъ разъ, такъ и во всякое другое время, царь и царевичъ обходились весьма милостиво во всѣхъ отношеніяхъ, какъ ни съ однимъ иностранцемъ, (о чемъ мнѣ не разъ приходилось слышать). Наконецъ мы приступили къ распредѣленію подарковъ и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дворянъ, перенесли ихъ въ Грановитую палату, гдѣ мы ихъ и оставимъ.

Въ продолженіе аудіенціи мы могли созерцать во всемъ его величіи могущественнаго царя. Онъ возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, обитомъ дорогою тафтой; въ правой рукѣ онъ держалъ золотой скипетръ, а на головѣ имѣлъ корону изъ чистаго золота; на шеѣ у него надѣто было ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга; его верхняя одежда была сдѣлана изъ малиноваго бархата, красиво вышита золотомъ и изукрашена драгоцѣнными камнями. Направо отъ него, на одинаковой высотѣ съ трономъ, помѣщалась на особаго рода пирамидѣ царская держава изъ чеканнаго золота, сверху увѣнчанная крестомъ, въ направленіи къ которому царь, каждый разъ какъ предстояло ему говорить, слегка оборачивался, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Тутъ же неподалеку стоялъ красивый, состоящій изъ таза и кувшина, рукомойникъ, которымъ государь пользовался не разъ въ этотъ день. Рядомъ съ царемъ, на другомъ тронѣ, сидѣлъ царевичъ, въ одинаковой съ отцовскою одеждѣ, но только менѣе пышной, въ высокой шапкѣ изъ чернобурыхъ лисицъ, стоющей даже въ этихъ странахъ цѣлыхъ 500 фунтовъ [33]), и съ жезломъ, похожимъ на монашескій и оканчивающимся на верху подобіемъ креста. По правую руку отъ царя стояли два представительные боярина въ одеждѣ изъ серебряной парчи и въ высокихъ изъ чернобурыхъ лисицъ шапкахъ; на шеѣ у нихъ было надѣто

по золотой цѣпи, ниспадавшей до самыхъ ногъ, а на плечѣ они держали по золотому топору. Налѣво же отъ царевича находилось тоже двое бояръ, державшихъ серебряные топоры. Кругомъ, на скамьяхъ, сидѣли члены царской думы и боярство, въ одеждѣ изъ золотой парчи и тафты, въ высокихъ шапкахъ изъ чернобурыхъ лисицъ, всего двѣсти человѣкъ. Полъ былъ покрытъ тканымъ ковромъ. Подарки все время оставались въ палатѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ его величества, и царь и царевичъ нерѣдко бросали на нихъ взгляды. Что касается чертъ лица государя, его характера, а также и его отношенія къ царевичу, я разскажу о томъ впослѣдствіи, когда буду говорить объ его, послѣдовавшей передъ нашимъ отъѣздомъ, горестной кончинѣ.

Въ сопровожденіи пришедшихъ пригласить насъ къ столу приставовъ и иныхъ лицъ, мы, пройдя среди толпы придворныхъ цѣлымъ рядомъ комнатъ, вступили въ прекрасную, богато-отдѣланную залу, гдѣ находилось безконечное множество всякаго рода массивной посуды. На противоположномъ концѣ стоялъ государевъ дядя, Степанъ Васильевичъ Годуновъ, въ званіи царскаго дворецкаго, окруженный разными боярами и дворянами. Лордъ посланникъ на ходу раскланялся съ нимъ, и на его привѣтствіе, принятое съ трудно-скрываемымъ удовольствіемъ, старикъ въ свою очередь отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ. Вступивъ, вмѣстѣ съ нашимъ посломъ, въ палату, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ, мы снова увидѣли царя и царевича, сидѣвшихъ на двухъ тронахъ, въ ожиданіи обѣда. У обоихъ на головахъ были надѣты скуфейки, вышитыя жемчугомъ — у царя крестообразно, у царевича же по околышу, а одежда на нихъ была теперь другая.

Уже упомянутый выше бояринъ, состоявшій въ этотъ день

приставомъ при послѣ, указалъ ему, по царскому слову, назначенное для него за столомъ мѣсто, на боковой скамьѣ, въ двадцати шагахъ отъ самого царя. Далѣе же сидѣли королевскіе придворные, мистеръ Мерикъ, мистеръ Эдв. Черри и остальная свита, въ полуоборотъ къ особѣ государя; а напротивъ посла занялъ мѣсто его приставъ. Въ этой же весьма обширной палатѣ, за нѣсколькими столами, сидѣли, въ числѣ двухсотъ человѣкъ, думные бояре. Посрединѣ палаты помѣщалась огромная стойка, на которой, достигая значительной высоты, была разставлена чудная, огромныхъ размѣровъ посуда, весьма хитро сдѣланная въ формѣ всякаго рода звѣрей, рыбъ и птицъ, не говоря о множествѣ столовой посуды обыкновеннаго вида. Усѣвшись за столъ и любуясь зрѣлищемъ упомянутаго поставца, мы созерцали, какъ великому государю прислуживали за столомъ двѣсти человѣкъ бояръ, всѣ въ одеждѣ изъ золотой парчи. Царевичу прислуживало сто молодыхъ князей, въ числѣ которыхъ были и казанскіе, и сибирскіе, и татарскіе, и астраханскіе, и черкесскіе, и русскіе,— всѣ они были не старше двадцати лѣтъ. Но вотъ великій государь прислалъ, чрезъ своихъ благородныхъ прислужниковъ, лорду послу и королевскимъ придворнымъ тридцать блюдъ разнаго кушанья, и для каждаго изъ нихъ по ковригѣ необыкновенно топкаго на вкусъ хлѣба. Затѣмъ слѣдовало огромное количество удивительныхъ и рѣдкихъ кушаньевъ, подававшихся на серебряныхъ, а большею частію массивнаго золота блюдахъ, которые возвышались полудюжинами одно надъ другимъ, наполненные варепыми, печеными и жареными яствами. Я не особенно развлекъ бы васъ подробнымъ описаніемъ нашего обѣда, которое все заключалось бы въ перечнѣ безчисленныхъ блюдъ, самъ же только чрез-

мѣрно утомилъ и отяготилъ бы свою память, какъ это случилось съ моими глазами и желудкомъ, а читателю не доставилъ бы никакого удовольствія, тѣмъ болѣе, что приправою къ моимъ рѣчамъ служили бы лукъ и чеснокъ, такъ какъ они составляли ее и въ большинствѣ предлагавшихся намъ кушаній. Напитки за столомъ состояли изъ разныхъ превосходныхъ сортовъ меду, сверхъ всевозможныхъ винъ и пива. И могу увѣрить, что я предпочелъ бы ежедневно самъ попивать эти меды за ваше здоровье, чѣмъ своимъ разсказомъ о ихъ прелести заставить васъ только разлакомиться на нихъ, такъ какъ вѣдь вамъ пришлось бы предпринимать непріятное путешествіе по морозу для того, чтобъ испробовать ихъ сладость и крѣпость. Нѣсколько разъ царь, называя поименно, посылалъ намъ отъ своихъ блюдъ, а въ серединѣ обѣда подозвалъ къ себѣ посла и пилъ за здоровье короля, при чемъ расспрашивалъ о нашемъ государствѣ и государѣ. И между прочимъ, выразительно приложивъ къ груди руку, государь воскликнулъ: „О, любезная сестра наша королева Елизавета, которую я любилъ, какъ собственную душу“,—при чемъ высказывая такимъ образомъ свою великую пріязнь къ покойной королевѣ, онъ впалъ даже въ слезливый тонъ. Посолъ же, получивъ изъ государевыхъ рукъ кубокъ, вернулся на свое мѣсто, и мы всѣ, стоя, пили за царское здоровье изъ одного кубка, сдѣланнаго изъ тонкаго хрусталя и наполненнаго, по приказу государя, если не ошибаюсь, испанскимъ виномъ аликанте.

Послѣ того какъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, мы преплотно покушали и повыпили, и наконецъ угощеніе было убрано прочь, мы встали изъ-за стола. Посолъ же и королевскіе придворные были поименно приглашены принять изъ

царскихъ рукъ кубокъ (или какъ русскіе называютъ „ендову") превосходнаго краснаго меда, — милость до сихъ поръ не оказывавшаяся иностранцамъ. Кубки отличались своею величиной, а медъ—страшною крѣпостію. Ограничась нѣсколькими глотками, мы не рѣшились допить всего, изъ опасенія охмѣлѣть до безпамятства; замѣтивъ это, государь приказалъ убрать кубки, прибавивъ, что онъ отнюдь не желаетъ, чтобы мы разстроили свое здоровье. Принеся нашу нижайшую благодарность великому государю, мы удалились изъ дворца и съ прежними почестями возвратились къ себѣ домой. Здѣсь пристава́ тотчасъ же оставили насъ однихъ, но вскорѣ уже возвратились, сопровождая знатнаго и весьма обходительнаго въ обращеніи боярина, одного изъ бывшихъ въ рындахъ при особѣ государя, князя Романа Ѳедоровича Троекурова [34]), который теперь былъ присланъ его величествомъ провѣдать посла и королевскихъ придворныхъ и пить здоровье великаго государя и нашего короля, а также царевича и нашего наслѣднаго принца и прочихъ высочайшихъ особъ, что̀ онъ и исполнилъ весьма усердно, равно какъ и нѣкоторые изъ насъ, которые еще могли это сдѣлать безъ вреда здоровью, будучи уже нагружены медами и иными напитками на столько, что и сорокъ русскихъ не устояли бы на ногахъ. Отъ насъ онъ уѣхалъ съ легкимъ сердцемъ и съ тяжелою ношей, такъ какъ на прощанье посолъ подарилъ ему 30 ярдовъ золотой парчи и два кубка съ крышками. И въ правду, это долженъ быть весьма разумный бояринъ, если онъ такъ умѣетъ животомъ заработать себѣ на платье, а вливая въ свою глотку лишнюю чарку вина, положить себѣ въ карманъ сотню-другую марокъ, чтобы было на что̀ „опохмѣлиться" (какъ это зовется у русскихъ) [35]); повторяю,—это малый не промахъ. Посолъ же нашъ одарилъ его отъ всей души и съ лучшими

намѣреніями, чѣмъ какія были у боярина, увезшаго безъ дальнихъ околичностей полученные имъ подарки.

Послѣ того, какъ состоялось наше представленіе государю, отъ насъ стали допытываться, не пожелаемъ ли мы возвратиться изъ Россіи черезъ Нарву, то-есть, сухимъ путемъ, а что́ было этому причиной, мнѣ неизвѣстно. Одно я могъ понять, что послу будетъ дана вторая аудіенція, послѣ того, какъ онъ письменно сообщитъ великому государю о тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ не могъ говорить на первомъ пріемѣ, при чемъ перечень самыхъ темъ требовалось представить на завтра же, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобъ онѣ могли быть разсмотрѣны заранѣе Боярскою Думой. Но, къ несчастью, черезъ четыре дня послѣ первой аудіенціи были получены столь тревожныя вѣсти, что не только наше дѣло, но и все остальное было оставлено безъ вниманія, кромѣ принятія рѣшеній по поводу наступившей опасности. Ибо было съ достовѣрностію установлено, что появился нѣкто, именующій себя Дмитріемъ Ивановичемъ Бѣлымъ [36]), сыномъ покойнаго царя Ивана Васильевича, который считался умерщвленнымъ въ Угличѣ въ царствованіе его брата Ѳедора Ивановича (въ то время, когда правителемъ государства состоялъ нынѣшній царь Борисъ Ѳедоровичъ), но теперь будто бы оказался въ живыхъ и выступилъ съ оружіемъ на защиту своихъ наслѣдственныхъ правъ. Его появленіе привело въ сильную тревогу государя и все царство, между тѣмъ какъ безчисленныя росказни волновали всѣ слои общества, такъ что нашимъ посломъ невольно овладѣлъ страхъ, какъ въ страхѣ находились самъ царь и правительство, хотя и надѣявшіеся, что удастся убѣдить народъ, что все это одинъ дерзкій обманъ. Однакожъ, мысль о совершенномъ убійствѣ или, по крайней мѣрѣ, о попыткѣ на

таковое, страшно угнетала душу и совѣсть государя, а между тѣмъ было отправлено двухсотъ-тысячное войско съ тѣмъ, чтобы захватить противника въ плѣнъ, или же уничтожить его. Но самозванецъ успѣлъ уже чрезвычайно усилиться при помощи поляковъ, казаковъ и проч., не считая и извѣстнаго числа русскихъ, присягнувшихъ ему на вѣрность. Такимъ образомъ, изъ-за него проливалось теперь больше крови, чѣмъ это случилось за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ (хотя московскимъ государямъ приходится вести почти безпрерывныя войны съ разными народами). Тѣмъ не менѣе, царь оказывалъ съ каждымъ днемъ все большее вниманіе къ послу и королевскимъ придворнымъ: такъ, между прочимъ, намъ дана была полная свобода выѣзжать когда намъ вздумается, для чего намъ и были предоставлены въ распоряженіе царскія сани и лошади, тогда какъ одинъ изъ нашихъ приставовъ и нѣсколько другихъ лицъ были обязаны сопровождать и охранять насъ. Когда стало извѣстно, что 20-го ноября молодой царевичъ отправится въ одну изъ московскихъ церквей, королевскіе придворные (самъ посолъ не желалъ показываться въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что и государь не поѣхалъ на этотъ разъ въ церковь, какъ это водилось прежде) отправились ожидать его на видномъ мѣстѣ, откуда могли отлично разглядѣть его высочество, ѣхавшаго въ весьма роскошныхъ и изящныхъ саняхъ; запряженными въ нихъ превосходными лошадьми правили два грума, между тѣмъ какъ нѣсколько сотъ человѣкъ впередъ расчищали отъ снѣга путь, по которому царевичу надлежало проѣхать, и то были, какъ намъ говорили, рабы, чему я вполнѣ вѣрю, такъ какъ все это были царскіе подданные. Царевича, одѣтаго въ богатое платье, сопровождали два татарскіе князя, стоявшіе спереди его са-

ней, тогда какъ двое русскихъ князей стояли позади; вслѣдъ же за нимъ ѣхало еще до 200 саней. Когда царевичъ проѣзжалъ мимо королевскихъ придворныхъ, то они отдали ему почтеніе, и онъ, остановясь, милостиво распрашивалъ ихъ о здоровьѣ посла и о ихъ собственномъ, на что̀ они отвѣчали съ низкимъ поклономъ; затѣмъ царевичъ удалился, а они остались ждать его возвращенія, которое должно было состояться черезъ часъ. Подошедшій, между тѣмъ, къ нимъ посольскій дьякъ также посовѣтовалъ имъ подождать, самъ же весьма любезно и обходительно бесѣдовалъ съ ними, равно какъ и съ мистеромъ Джономъ Мерикомъ, тутъ же дожидавшимся обратнаго проѣзда царевича.

На возвратномъ пути его высочество вторично остановился, при чемъ изволилъ сказать англійскимъ джентльменамъ, что пришлетъ имъ на̀-домъ подарковъ и, поручивъ имъ поклониться отъ него послу, прослѣдовалъ дальше. Четыре часа спустя, королевскихъ придворныхъ посѣтилъ одинъ изъ царскихъ кравчихъ, дворянинъ по имени Бахтеяровъ [37]), привезшій имъ отъ царевича цѣнный подарокъ. Послѣ того, какъ онъ нѣкоторое время побесѣдовалъ съ нашими джентльменами и выпилъ за здоровье англійскихъ короля и принцевъ, его провели въ спальню къ послу, который высказалъ свою великую благодарность царевичу за милость, оказанную имъ королевскимъ придворнымъ; они же, съ разрѣшенія посла, вручили царскому кравчему позолоченое серебряное блюдо, цѣною въ 20 марокъ, и, въ свою очередь засвидѣтельствовавъ свою признательность его высочеству за его царскій подарокъ, весьма благодарили кравчаго за его хлопоты.

Посолъ провелъ въ Москвѣ все Рождество, въ хорошей компаніи и не безъ нѣкоторыхъ развлеченій, совмѣстимыхъ

съ его оффиціальнымъ положеніемъ и съ временемъ года. Въ Новый годъ ему, въ знакъ почтенія, были поднесены новогодніе подарки—докторомъ Христофоромъ Риттингеромъ (Chr. Writtinger)[38], главнымъ царскимъ врачемъ, нѣкоторыми изъ состоящихъ при его особѣ королевскихъ придворныхъ, мистеромъ Джономъ Merикомъ съ женой и нѣсколькими другими англійскими купцами: этимъ они засвидѣтельствовали свои чувства расположенія и любви къ нему, какъ къ лицу, не только заслуживающему ихъ, но и считающему за добродѣтель съ благодарностью вспоминать о всякомъ проявленіи къ нему пріязни.

8-го февраля отъ царя было прислано намъ нѣсколько саней, чтобы мы могли прокатиться, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день представлялась возможность посмотрѣть на торжество, устроенное по случаю побѣды, одержанной надъ признаваемымъ за мятежника Димитріемъ. Такимъ образомъ мы видѣли, какъ три тысячи несчастныхъ плѣнныхъ, семпадцать непріятельскихъ знаменъ и одиннадцать барабановъ были доставлены въ Москву съ торжественностью, превосходившею однакожъ значеніе празднуемой побѣды[39]).

Около того же времени возвратился въ Москву воевода Петръ Басмановъ, достославно исполнившій возложенное на него государемъ порученіе. Дѣйствительно, это былъ единственный человѣкъ во всемъ государствѣ, на которомъ сосредоточивались наибольшія надежды; поэтому, при своемъ возвращеніи въ Москву, онъ былъ встрѣченъ всею Боярскою Думой и множествомъ бояръ, дворянъ и лицъ изъ купечества—почесть, до тѣхъ поръ не оказывавшаяся никому изъ царскихъ подданныхъ. Но подозрѣваютъ, что тутъ заключалась какая-то чрезвычайная тайна, и это подтверждается, сверхъ особеннаго

расположенія и исключительныхъ милостей, оказанныхъ ему царемъ, также и обѣщаніемъ, что онъ отправится снова въ походъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ самимъ государемъ. Сверхъ всего, Басмановъ, не смотря на свою молодость, даже былъ назначенъ въ Боярскую Думу. Въ примѣръ того, какъ велико было расположеніе къ нему государя, и какое благородство души проявлялъ онъ при этомъ, я теперь же приведу слѣдующій случай: послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ попытокъ упросить государя дозволить ему вновь выступить въ походъ, потому что (какъ многіе думаютъ) положеніе, дѣйствительно, становилось крайне опаснымъ, Басмановъ однажды сталъ на колѣняхъ умолять царя исполнить его желаніе; когда же государь замѣтилъ, что воевода весьма затрудняется, вслѣдствіе своихъ тяжкихъ ранъ, снова встать на ноги, то онъ не только прослезился, но даже сошелъ съ своего мѣста съ тѣмъ, чтобы помочь ему подняться. Но необыкновенныя причины всегда сопровождаются таковыми же послѣдствіями, какъ это будетъ показано дальше, на своемъ мѣстѣ.

Упомяну еще объ одномъ изъ нашихъ выѣздовъ, служившихъ для насъ прогулкой. Нашъ посолъ и его свита занимали въ Москвѣ обширное зданіе, которое было выстроено для жительства въ немъ 2,000 поляковъ (съ соотвѣтствующимъ количествомъ лошадей), сопровождавшихъ великаго канцлера Литовскаго [40]), перваго иностраннаго посла, прибывшаго въ Москву съ цѣлью заключенія мира, въ бытность тамъ состоявшаго посломъ покойной англійской королевы сэра Ричарда Ли (Rich. Lea); въ томъ же домѣ жилъ и молодой принцъ датскій Іоганнъ, братъ датскаго короля и англійской королевы, предполагавшійся бракъ котораго съ юною княжной Ксеніей (Oucksinia), единственною дочерью

царя Бориса, разстроился благодаря его преждевременной смерти, послѣдовавшей отъ объѣденія, какъ увѣрялъ меня въ томъ одинъ изъ царскихъ врачей. Въ этомъ-то самомъ домѣ, какъ уже сказано, проживалъ нашъ посланникъ, но занимая въ немъ другое помѣщеніе, такъ какъ, по русскому обычаю, довольно долго никто иной не долженъ жить въ тѣхъ покояхъ, гдѣ скончался кто-либо изъ царственныхъ особъ (въ особенности иностранныхъ). Прохаживаясь въ обитаемомъ нами домѣ, мы, дѣйствительно, замѣтили, что доступъ въ значительную часть покоевъ въ немъ былъ загражденъ; неоднократный взглядъ на комнату, въ которой скончался принцъ, братъ нашей благороднѣйшей и добродѣтельной королевы, возбудилъ въ насъ желаніе взглянуть и на его гробницу. Поэтому, однажды королевскіе придворные и еще кое-кто изъ свиты поѣхали въ придворныхъ экипажахъ въ „слòбоду", или предмѣстье, гдѣ, въ алтарѣ голландской церкви [41]), принцъ былъ погребенъ съ царскими почестями: самъ государь и царевичъ провожали гробъ до первыхъ церковныхъ воротъ, а всѣ члены Боярской Думы, бояре, дворяне и проч. прослѣдовали въ самую церковь, гдѣ и отстояли до самаго конца службы. Надъ прахомъ покойнаго принца возвышается обширная гробница, покрытая чернымъ бархатомъ; по стѣнамъ церкви и алтаря развѣшаны щиты съ изображеніемъ принцева герба со всѣми его украшеніями, такъ что все имѣетъ царственный видъ, особенно если принять въ соображеніе, въ какой странѣ это находится.

Посолъ нашъ, полагая, что всего лучше было бы воспользоваться для нашего отъѣзда саннымъ путемъ, а также опасаясь (какъ опасались и всѣ благоразумные люди), какъ бы смута не возымѣла дурнаго исхода для правительства, и уже

зная московскіе порядки, предусмотрительно рѣшилъ, что теперь какъ разъ время (это было въ серединѣ февраля) испросить вторую аудіенцію въ виду его скораго отъѣзда. Онъ безотлагательно ходатайствовалъ объ этомъ, обратившись съ письмомъ къ дьяку посольскаго приказа, который по необходимости долженъ былъ немедленно доложить государю, такъ какъ черезъ два дня—что было извѣстно послу,—ему самому предстояло отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій съ весьма важнымъ порученіемъ. Однакожъ, до возвращенія его, послу нельзя было бы разсчитывать на аудіенцію, ибо никто не взялся бы съ такою же готовностью и не сумѣлъ бы столь же успѣшно исходатайствовать ему разрѣшеніе уѣхать, какъ дьякъ Аѳанасій [42]). И какъ только послѣдній возвратился, посолъ нашъ, черезъ своихъ приставовъ, напомнилъ ему о своемъ намѣреніи уѣхать безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Не далѣе, какъ черезъ десять дней посолъ былъ принятъ на второй аудіенціи крайне милостиво и съ большимъ почетомъ. О днѣ пріема онъ былъ предувѣдомленъ заранѣе, и въ назначенный срокъ, согласно съ его желаніемъ, за его особой были присланы государевы сани и лошади для лицъ его свиты.

10-го марта посолъ съ королевскими придворными, въ роскошныхъ одеждахъ и сопровождаемые, въ должномъ порядкѣ, всею свитою, съ такимъ же почетомъ, какъ и въ первый разъ, и при прежнемъ стеченіи народа, между тѣмъ какъ по сторонамъ дороги выстроилось стрѣлецкое войско (хотя говорили, что по случаю военныхъ дѣйствій это были одѣтые стрѣльцами обыватели), прибыли во дворецъ. Здѣсь посолъ былъ принятъ съ прежнею, если еще не большею, благосклонностью государемъ и царевичемъ, окруженными обычною пышностью, при чемъ оба были одѣты въ другіе костюмы соот-

вѣтственно времени года, но по богатству не уступавшіе одѣянію, бывшему на нихъ въ первую аудіенцію.

Едва посолъ и королевскіе придворные приблизились къ царскому трону, какъ государь приказалъ подать имъ сидѣнья. Тогда, съ величественнымъ выраженіемъ лица, скрывавшимъ скорѣе принужденность, а уже не прежнее свѣтлое настроеніе духа, царь объявилъ, что, разсмотрѣвъ вмѣстѣ съ царевичемъ и Боярскою Думой письмо его величества англійскаго короля Іакова и обсудивъ выраженныя въ немъ желанія, въ знакъ своего удовольствія по поводу установленной отнынѣ дружбы съ славнымъ королемъ Англіи, какъ это было съ его царственною предшественницей, онъ, великій государь, приказалъ въ этомъ смыслѣ составить отъ своего царскаго имени письмо. Вмѣстѣ съ этимъ государевъ посольскій дьякъ вручилъ послу письмо его царскаго величества къ его величеству королю. Въ то же время, по докладу посольскаго дьяка относительно желанія посла переговорить о нѣкоторыхъ спеціальныхъ предметахъ (о чемъ посолъ напоминалъ въ своемъ письмѣ, писанномъ по поводу второй аудіенціи), государь назначилъ четверыхъ изъ главныхъ членовъ Боярской Думы для совѣщанія съ нимъ о предъявляемыхъ имъ ходатайствахъ. Послѣ этого посолъ, принеся государю нижайшую благодарность за его царскую милость, направился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ, въ тайную пріемную комнату [43]), куда вслѣдъ за нимъ пришли и четверо думскихъ бояръ съ государевымъ толмачемъ; обмѣнявшись съ ними привѣтствіями, мы удалились въ смежный покой, гдѣ и провели около часа времени въ разговорахъ въ обществѣ нѣсколькихъ молодыхъ бояръ, при участіи переводчика нашего посла. Наконецъ, послѣ того какъ посольскій дьякъ три или четыре раза отправлялся къ царю съ докла-

домъ, мы опять явились предъ лицемъ его величества, при чемъ намъ опять было предложено сѣсть, и затѣмъ устами посольскаго дьяка было объявлено о разрѣшеніи отъѣзда всему посольству (каковое и было подписано въ тотъ же день, согласно особенному желанію и просьбѣ посла). Также было объявлено, въ доброжелательныхъ и любезныхъ выраженіяхъ, о великомъ желаніи государя продолжать оставаться въ мирѣ и дружбѣ съ славнымъ англійскимъ королемъ Іаковомъ, какъ бывало съ покойною королевой Елизаветой. Къ сказанному было присовокуплено, во-первыхъ, что въ свое время, по минованіи нынѣшнихъ затрудненій, его царское величество пришлетъ почетное посольство для дальнѣйшихъ переговоровъ, равно какъ и для поздравленія нашего государя короля съ счастливымъ и радостнымъ вступленіемъ на наслѣдственный престолъ, и во-вторыхъ, что послу будетъ доставлена особая грамота съ увѣдомленіемъ, на какія его ходатайства послѣдовало соизволеніе и по какимъ причинамъ другія изъ нихъ не могли быть удовлетворены. Упоминалось также о томъ, что повелѣно выплатить обратно сумму въ 600 рублей въ знакъ пріязни къ англійскому королю и въ уваженіе убѣдительной просьбы посланника. Сверхъ всего пожалована и новая привилегія англійской компаніи, каковая и будетъ выдана, говорилъ дьякъ, за золотою печатью, и проч.

По окончаніи этой церемоніальной рѣчи, посолъ и королевскіе придворные были допущены къ цѣлованію руки, какъ самого государя, такъ и царевича. Послѣ того государь и царевичъ, отдавъ намъ поклонъ, поручили намъ передать отъ нихъ благопожеланія его величеству англійскому королю, наслѣдному принцу и королевѣ; затѣмъ мы были отпущены, но не безъ того, чтобъ услышать отъ самого государя, что

теперь онъ отпускаетъ насъ восвояси. Такимъ образомъ мы въ послѣдній разъ простились съ царскимъ дворомъ, бывъ приняты тамъ съ исключительною благосклонностью, какой, какъ всѣмъ это извѣстно, раньше не оказывалось ни одному изъ иностранныхъ пословъ. И этому я тѣмъ болѣе удивляюсь въ виду настоящихъ затрудненій и малоуспѣшности предпринятыхъ въ послѣднее время военныхъ дѣйствій, а равно и несомнѣнно тревожившихъ царя Бориса угрызеній совѣсти. Но если онъ съ юныхъ лѣтъ (еще будучи подданнымъ) считался весьма хитрымъ и пронырливымъ, то въ качествѣ государя, искусившагося во всякаго рода удивительныхъ проискахъ и интригахъ, могъ ли онъ, въ его годы и при обиліи лежащихъ на немъ обязанностей, быть или представляться чѣмъ-либо инымъ, какъ не мудрымъ политикомъ? Что же касается насъ, то насъ съ почетомъ проводили домой, при чемъ весьма знатный бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Курлятьевъ [44]) просилъ меня (отъ имени царевича) подождать у нашихъ воротъ его и сопровождавшихъ его государевыхъ служителей, въ числѣ до 200 человѣкъ, принесшихъ присланный намъ государемъ обѣдъ, который состоялъ изъ 300 различныхъ блюдъ, по случаю великаго поста приготовленныхъ изъ однѣхъ рыбъ, но столь удивительной величины и доброкачественности (особенно въ виду ихъ количества), что нельзя повѣрить никакому описанію, а надо видѣть собственными глазами. Кромѣ того, въ изобиліи было прислано всѣхъ сортовъ меду и пива, и все это въ массивной посудѣ.

Князь сѣлъ за однимъ концомъ стола, рядомъ съ посломъ, и говорилъ названіе каждаго изъ предлагаемыхъ блюдъ, тотчасъ же преподносившихся послу. Когда же мы, послѣ продолжительнаго и основательнаго пированья, встали изъ-за

стола, то посолъ, соблюдая національный обычай русскихъ, послѣ того какъ все требуемое для того было готово, пилъ за здоровье великаго государя изъ небольшого позолоченаго кубка съ крышкой, а потомъ за здоровье короля и обоихъ англійскихъ принцевъ, на что̀ князь съ готовностью отвѣчалъ и съ своей стороны, но только его кубокъ былъ вчетверо больше, чѣмъ у посла, да кромѣ того, была разница и въ напиткѣ — одинъ пилъ медъ или пиво, а другой аликанте, хересъ и мускатное вино. Вслѣдъ за ними пили королевскіе придворные, наши пристава и всѣ прочіе государевы служители. Такимъ образомъ незамѣтно промелькнуло пять часовъ; между тѣмъ ночь зажгла уже свои факелы, чтобы свѣтить намъ, и князь Курлятевъ, получивъ цѣнный подарокъ, уѣхалъ отъ насъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа (не берусь судить—благодаря ли факеламъ, состоявшейся ли выпивкѣ, или же щедрости посланника). Этимъ закончилось празднество, длившееся весь день и часть ночи.

Посолъ, неоднократно уже получивъ приглашеніе посѣтить домъ англійскаго агента и пользуясь теперь съ такимъ почетомъ даннымъ ему дозволеніемъ къ отъѣзду, рѣшился 17-го марта побывать у нашего агента. Намъ были предоставлены царскія сани и лошади, и мы отправились въ сопровожденіи одного изъ приставовъ, толмача и нѣсколькихъ боярскихъ дѣтей или дворянъ. Въ домѣ агента лордъ посланникъ нашелъ радушное угощеніе, сердечный привѣтъ и хорошее общество. Послѣ обѣда посолъ съ приставомъ и толмачемъ удалился въ покои мистриссъ Мерикъ (по русскому обычаю, женщины къ столу не допускаются), которая предложила гостямъ превосходный дессѐртъ въ англійскомъ вкусѣ и была очень обрадована встрѣчей съ посломъ, котораго она знавала

прежде, въ столь далекой странѣ. Тутъ же, послѣ дессерта, достопочтенный и любезный агентъ прелестными руками своей добродѣтельной супруги поднесъ въ даръ милорду изящный позолоченный кубокъ съ крышкой, цѣною въ 30 фунтовъ, и также весьма щедро одарилъ его пристава и переводчика, послѣ чего мы вернулись къ прочимъ гостямъ, оставленнымъ нами на это время. Не могу не упомянуть о неоднократно и настойчиво выраженномъ нашимъ приставомъ намѣреніи удалиться, какъ только онъ увидѣлъ госпожу Мерикъ, при чемъ онъ ссылался на то, что ему не приличествуетъ смотрѣть на подобныхъ особъ. Но переводчикъ, родомъ изъ нѣмцевъ и съ дѣтства привыкшій къ нашимъ англійскимъ порядкамъ, къ тому же и хорошій знакомый Мерика, уговорилъ пристава не спѣшить ради собственной же пользы и удовольствія и на утѣху своей утробѣ. Послѣ столь же радушно предложеннаго намъ ужина мы, около 10 часовъ ночи, оставили домъ Мерика. Нельзя также забыть о достохвальной любезности со стороны дьяка посольскаго приказа, который, вообразивъ, что королевскіе придворные и въ этотъ день поѣдутъ кататься, прислалъ въ наше распоряженіе собственныхъ лошадей и сани; но мы, не желая покидать посла ради своего удовольствія, выразили его милости нашу нижайшую благодарность за его лестную любезность и рѣшили, что для настоящаго дня съ насъ уже довольно.

18-го марта великій государь прислалъ съ Василіемъ Григоричемъ Телепневымъ [45]) грамоту, въ которой были изложены всѣ ходатайства нашего посла и всѣ подробности переговоровъ, какъ это явствуетъ изъ ея содержанія.

19-го его величество прислалъ черезъ меньшаго Булдакова [46]) царскій подарокъ послу, состоящій изъ нѣсколь-

кихъ предметовъ, такъ же, какъ и подарки для каждаго изъ королевскихъ придворныхъ. Царскій посланецъ уѣхалъ отъ насъ, будучи въ свою очередь отдаренъ и съ нашей стороны.

20-го марта посланникъ выѣхалъ изъ города Москвы, причемъ тысячи любопытныхъ, въ праздничномъ нарядѣ, съ почестью провожали его, расположившись по обѣимъ сторонамъ слѣдуемаго имъ пути. Мало того, этотъ большой и, на сколько то возможно при деревянныхъ строеніяхъ, красивый городъ проводилъ насъ въ лицѣ многочисленныхъ всадниковъ даже за свои стѣны чуть не на цѣлую милю. Тутъ мы сдѣлали остановку, и посланникъ, обмѣнявшись нѣсколькими любезностями съ своимъ досточтимымъ и прелюбезнымъ приставомъ, княземъ Владиміромъ, который при этомъ даже прослезился, пересѣлъ изъ царскихъ саней въ собственный экипажъ, поставленный на полозья, тогда какъ мы, спѣшившись съ царскихъ коней, также перешли къ легкому и пріятному путешествію въ саняхъ, позволяющему—какъ ни покажется это удивительнымъ нашимъ землякамъ — при самой шибкой ѣздѣ съ такимъ же удобствомъ спать, какъ и совершать путь. По просьбѣ посла, насъ сопровождали въ дорогѣ одинъ изъ нашихъ прежнихъ приставовъ, по имени Константинъ Петровичъ Артышевъ (Arteshove),—болѣе услужливаго и расторопнаго дворянина царь не могъ бы для насъ и выбрать, дьякъ Патрикѣй Насоновъ и трое изъ состоявшихъ уже при насъ боярскихъ дѣтей, съ ихъ слугами. Такимъ образомъ, въ сопровожденіи также мистера Дж. Мерика, мистера Вильяма Росселя (W. Russell), бывшаго нѣкоторое время голландскимъ агентомъ, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ изъ купечества, мы въ эту ночь доѣхали до Братовщины, отстоящей на 30 англійскихъ миль отъ Москвы [47]).

По утру, распростившись со всѣми, мы продолжали дальше нашъ путь, безъ труда дѣлая отъ 50 до 60 верстъ въ день. Нашему приставу было предписано дозволять послу осматривать всякій монастырь или городъ, какой бы онъ ни пожелалъ, изъ встрѣчающихся намъ по дорогѣ, такъ же, какъ и предоставлять останавливаться въ тѣхъ домахъ, гдѣ ему будетъ угодно, какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ городахъ, не исключая и домовъ англійскихъ купцовъ, гдѣ таковые окажутся. И посланникъ не преминулъ этимъ воспользоваться, какъ въ виду полнѣйшаго радушія и предупредительности со стороны самихъ англійскихъ купцовъ, такъ и съ тѣмъ, чтобы составить себѣ понятіе о ихъ образѣ жизни и торговыхъ дѣлахъ, о положеніи и поведеніи находящихся у нихъ въ услуженіи лицъ и объ иныхъ болѣе спеціальныхъ предметахъ, чего онъ никогда въ точности не узналъ бы безъ личнаго ознакомленія. И въ смыслѣ общей пользы для англійской компаніи въ государствѣ Московскомъ онъ этимъ, мнѣ кажется, оказалъ ту услугу, что пока существуетъ компанія, а милордъ будетъ въ живыхъ, ни одинъ изъ ея сочленовъ не вдастся ни въ какое необдуманное предпріятіе, если заранѣе обратится къ нему за совѣтомъ, такъ какъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ обладаетъ требуемыми для такой почтенной задачи разсудительностью и пониманіемъ дѣла. Но и для него самого было чрезвычайно полезно встрѣтить въ Москвѣ, въ лицѣ Дж. Мерика, такого честнаго и умнаго агента, пользующагося особою любовью государя, царевича и всего боярства, полнымъ довѣріемъ въ средѣ купечества и всеобщимъ искреннимъ уваженіемъ, при томъ весьма свѣдущаго во всемъ, что̀ касается коммерческой дѣятельности, нравовъ и обычаевъ, и обладающаго въ одинаковой степени благоразуміемъ и лов-

костью, такъ что, по моему убѣжденію, никогда не было и не будетъ человѣка болѣе пригоднаго для блага и пользы всей нашей торговой компаніи въ Московскомъ государствѣ.

Въ Ярославль мы пріѣхали 23-го марта, въ субботу, и пробыли въ этомъ городѣ до понедѣльника. Остановились мы въ домѣ, принадлежащемъ англійской компаніи, весьма красивомъ и содержимомъ въ большомъ порядкѣ, подъ надзоромъ состоящаго у ней на службѣ лица, несомнѣнно честнаго и умнаго человѣка. 25-го мы отправились дальше, опасаясь какъ бы не испортился путь, и дѣлали хотя большіе, но доставлявшіе намъ много удовольствія переѣзды, такъ что 29-го марта мы уже прибыли въ Вологду, гдѣ посолъ проживалъ въ англійскомъ домѣ. Но хотя стѣны его заключали въ себѣ весьма обширное помѣщеніе въ видѣ жилыхъ покоевъ, мастерскихъ и т. под., но самое зданіе было очень ветхо, такъ что казалось—вотъ, вотъ развалится.

Въ виду нашего пребыванія здѣсь англійская компанія запасла требуемое количество прислуги; посолъ же, съ своей стороны, озаботился, чтобъ эти люди извлекли изъ этого выгоду для себя, почему и назначилъ имъ полное содержаніе въ награду за уходъ за своею особой и за королевскими придворными, желая тѣмъ самымъ поквитаться съ компаніей и не причинить ни въ чемъ ущерба ея служащимъ. По истеченіи Пасхальной недѣли приставъ явился къ послу съ просьбою назначить кого-либо отъ себя для выбора ладей или большихъ лодокъ, находившихся въ то время на берегу рѣки, съ тѣмъ, чтобъ ихъ можно было заранѣе приспособить для предстоявшаго милорду плаванія, что̀ и было потомъ исполнено весьма старательно, такъ какъ вологодскому воеводѣ былъ присланъ царскій приказъ во всемъ угождать послу, и въ

самомъ дѣлѣ, онъ исполнялъ наше малѣйшее желаніе, къ немалому удивленію простонародья.

Немного дней спустя до насъ дошли выдававшіяся за вѣрныя вѣсти о внезапной и преждевременной смерти государя; въ виду того, что ни нашъ приставъ, ни воевода, ни епископъ, даже десятью днями позднѣе, ничего о томъ не знали или дѣлали видъ, что не знаютъ, мы пока были готовы сомнѣваться, но лишь до тѣхъ поръ, пока мистеръ Мерикъ не увѣдомилъ объ этомъ посланника особымъ письмомъ. Эти извѣстія были послу крайне не по душѣ, являясь большою помѣхой во многихъ отношеніяхъ; и по зрѣломъ обсужденіи, такъ какъ всѣ его мысли тогда были сосредоточены на этомъ, онъ рѣшилъ немедленно послать, съ соотвѣтствующею цѣлью, гонца въ Москву. Поэтому, вставъ на слѣдующее утро раньше обыкновеннаго, онъ призвалъ къ себѣ приставовъ, которые немедленно же явились къ нему и внимательно выслушали его, проявивъ большую печаль и тревогу, хотя были на столько осторожны, что сдѣлали видъ, будто не повѣрили, не смотря на то, что посолъ самолично сообщилъ имъ о днѣ и часѣ кончины царя Бориса, и какъ происходило его погребеніе. Но самъ онъ вполнѣ вѣрилъ полученнымъ имъ извѣстіямъ, почему и далъ имъ понять, что желаетъ отправить гонца съ письмомъ къ бывшему царевичу, а нынѣ ихъ предполагаемому государю, и его совѣтникамъ по весьма важнымъ дѣламъ. Въ виду этого, посолъ просилъ предоставить его гонцу въ потребномъ количествѣ подводы и провожатыхъ, каковая просьба и была исполнена не позже какъ черезъ часъ времени, испрошенный приставами на размышленіе и для совѣщанія съ епископомъ и мѣстными властями, при чемъ неожиданность просьбы и печальная ея причина сначала нѣ-

сколько озадачили ихъ головы, способныя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ на быстрыя рѣшенія, если только рѣчь не идетъ о спаньѣ. Тогда посолъ назначилъ въ эту экстренную поѣздку мистера Эдв. Черри (да лучше нельзя было и выбрать), какъ человѣка, владѣющаго русскимъ языкомъ, знакомаго съ настроеніемъ различныхъ партій въ странѣ и, благодаря своей обходительности, безъ труда могущаго уладить все ему нужное въ каждомъ городѣ; къ тому же онъ, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ всю важность даннаго ему порученія, которое именно онъ только могъ исполнить съ надлежащею тщательностью и быстротой. Такимъ образомъ онъ, на самомъ дѣлѣ, являлся единственнымъ, подходящимъ въ данномъ случаѣ, лицомъ, какъ въ силу постояннаго вниманія къ нему со стороны посланника, такъ и свойственныхъ его характеру услужливости и рачительности, многократно засвидѣтельствованныхъ при исполненіи имъ обязанностей въ отношеніи къ особѣ милорда съ перваго же дня отъѣзда изъ Архангельска и по сей день. Итакъ, сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія въ виду поспѣшной поѣздки и даннаго ему важнаго порученія, мистеръ Черри въ сопровожденіи одного изъ царскихъ дворянъ, предпринялъ свое опасное и трудное путешествіе.

Теперь было бы умѣстно въ моемъ разсказѣ поговорить нѣсколько подробнѣе о смерти царя Бориса и о причинѣ его болѣзни, равно какъ о его физической природѣ, наружности и темпераментѣ, о способахъ его политики, о наслѣдованіи послѣ него царевича, о сѣтованіи бояръ и пересудахъ, возникшихъ въ простомъ народѣ; все это я могъ бы исполнить безъ особеннаго для себя труда. Но я хорошо знаю, сколь непріятную задачу беретъ на себя тотъ, кто принимается писать о царственныхъ особахъ и ихъ политикѣ,

и это тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ правдивѣе притомъ захотѣлъ бы онъ быть, если только онъ не обладаетъ перомъ Платона. Поэтому сознавая, чего сто́итъ для независимаго ума браться за подобный сюжетъ, я предпочитаю скорѣе заслужить упрекъ въ малодушіи, чѣмъ желать подвергнуться малѣйшему порицанію; и только ради того, чтобы не сочли меня вовсе нѣмымъ въ нашъ столь болтливый вѣкъ (что̀ особенно чувствовалось во время нашего пребыванія въ Россіи), или совсѣмъ неспособнымъ на правдивый разсказъ, я приведу здѣсь кое-какія данныя, такъ какъ, по-моему, тотъ просто глупецъ, кто ничего не умѣетъ сказать при удобномъ случаѣ.

Смерть царя Бориса случилась совершенно внезапно и къ тому же при весьма странныхъ обстоятельствахъ. Черезъ какихъ-нибудь два часа послѣ обѣда, когда по обыкновенію присутствовавшіе при этомъ врачи уже удалились, оставивъ царя, по ихъ убѣжденію, въ добромъ здоровьѣ, о которомъ свидѣтельствовалъ и его хорошій аппетитъ за обѣдомъ, — государь вообще любилъ хорошо и плотно покушать, хотя теперь позволительно думать, что въ этомъ онъ даже доходилъ до излишества, — онъ вдругъ не только почувствовалъ себя дурно, но и ощутилъ боли въ желудкѣ, такъ что, перейдя въ свою опочивальню, самъ легъ въ постель и велѣлъ позвать докторовъ (которые успѣли уже разойтись). Но прежде, чѣмъ они явились на зовъ, царь скончался, лишившись языка передъ смертью. Незадолго до своей кончины, онъ, по его собственному желанію, съ величайшею поспѣшностью былъ постриженъ въ иноческій чинъ, съ нареченіемъ ему новаго имени. Одному Богу извѣстно, была ли тому иная причина, кромѣ огорченія, душевной скорби и всякихъ заботъ по поводу смуты и крайне малоуспѣшныхъ военныхъ дѣйствій, такъ что при-

ходилось опасаться самаго худшаго; но кто вспомнитъ о Промыслѣ Божіемъ и, съ другой стороны, о проискахъ покойнаго царя ради достиженія власти, въ связи съ присущею человѣку грѣховностью, и сопоставитъ все это одно съ другимъ, тотъ сочтетъ себя въ данномъ случаѣ если не вполнѣ удовлетвореннымъ, то по крайней мѣрѣ успокоеннымъ. Передавалось также и, какъ я убѣжденъ, вполнѣ достовѣрнымъ образомъ, что когда, уже во время этого его нравственнаго состоянія, нѣкоторые изъ членовъ Боярской Думы и изъ остальнаго боярства спросили Бориса, не желаетъ ли онъ, чтобъ они вторично присягнули царевичу, и не думаетъ ли онъ самъ передать ему власть, онъ, дрожа всѣми членами, далъ такой отвѣтъ: „какъ Богу угодно и всему народу", тѣмъ самымъ какъ бы заранѣе признавая достаточною уже прежде принесенную ими присягу, но отчаяваясь въ присягѣ всенародной, не говоря уже о его страхѣ Божьяго суда. О наслѣдованіи престола царевичемъ я разскажу впослѣдствіи. Что же касается сѣтованій бояръ по поводу смерти царя Бориса, то если кто подумаетъ объ этой внезапной утратѣ, какъ разъ въ самый разгаръ смуты, ихъ лучшаго и мудрѣйшаго руководителя, избраніе котораго на царство было съ самаго начала ими же привѣтствовано и, съ другой стороны, о крайней неопытности наслѣдующаго ему царевича, а вмѣстѣ съ тѣмъ припомнитъ разныя злоумышленія, въ теченіе долгаго времени чинимыя семьей и родственниками Годуновыхъ, которые съ увѣренностью разсчитывали на ихъ полную успѣшность, между тѣмъ какъ теперь, при всеобщемъ убѣжденіи въ законности правъ Димитрія, всѣ ихъ надежды должны были рушиться,—тотъ легко пойметъ и эти сѣтованія, и тревогу и опасенія въ средѣ бояръ, какъ людей, совѣсть кото-

рыхъ удручена страхомъ. А такъ какъ въ этомъ многоголовомъ звѣрѣ—народной толпѣ, въ которой никто не заботится о томъ, что̀ и какъ онъ говоритъ, каждый естественно относится съ подозрѣніемъ даже къ лучшимъ людямъ, то какъ же могли бы бояре оставаться при всемъ этомъ спокойными, когда они-то и суть наихудшіе изъ всѣхъ? Между тѣмъ, въ народѣ шламо лва о томъ, что царь отравился, что новоявленный Димитрій возложилъ на себя корону, царевичъ заключенъ въ темницу, бояре сражаются въ войскѣ, большинство ближайшихъ царскихъ совѣтниковъ бунтуютъ, а купцы разбѣжались. Но живя подъ властью такого правительства, эти люди безразлично относятся къ чувствамъ разрозненности и единенія, необходимости и желанія, надежды и страха, такъ что они всего менѣе заботятся о томъ, кто управляетъ ими, хотя во всякой другой, болѣе образованной странѣ съ ними справились бы безъ затрудненія. Но здѣсь каждый подданный можетъ опасаться, что ему отрѣжутъ языкъ, если онъ будетъ все высказывать, отрѣжутъ уши, если онъ будетъ все слышать и, наконецъ, онъ будетъ лишенъ жизни, если, во что-либо увѣровавъ, вздумаетъ выступить на защиту своихъ убѣжденій.

Что касается особы царя Бориса, это былъ рослый и дородный человѣкъ, своею представительностью невольно напоминавшій объ обязательной для всѣхъ покорности его власти; съ черными, хотя рѣдкими волосами, при правильныхъ чертахъ лица, онъ обладалъ въ упоръ смотрящимъ взглядомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Монархъ, постоянно колебавшійся между замысломъ и рѣшеніемъ (притомъ всегда направленнымъ болѣе къ выгодамъ для государства, чѣмъ для самого государя), сосредоточенный на зачинаніяхъ, которымъ не суждено было осуществиться до самой его смерти; никогда

не дѣйствовавшій прямо, но постоянно только интриговавшій (будь то въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, или же въ Боярской Думѣ); государь, котораго не столько любили, сколько ему повиновались, и которому служили болѣе изъ страха; самъ охраняемый своею властью болѣе, чѣмъ всякое частное лицо, на что̀, быть можетъ, былъ вынуждаемъ постоянными войнами, но до крайности угнетавшій своихъ бѣдныхъ подданныхъ и прикрывавшій свою тираннію тонкою политикой, какъ человѣкъ, котораго продолжительная опытность въ совершеніи самыхъ противоположныхъ поступковъ научила управлять лучше именно такимъ способомъ, чѣмъ сообразуясь съ справедливостью и совѣстью. Но овладѣвъ посредствомъ хитрости короной, на которую не имѣлъ права, онъ проявилъ много ума для дальнѣйшаго удержанія ея за собою, считая меньшимъ позоромъ для себя добычу царства незаконнымъ путемъ, чѣмъ утрату его потомъ какимъ-либо инымъ образомъ. Кромѣ всего этого, царь Борисъ несомнѣнно проявлялъ и много истиннаго величія и умѣнья управлять во всѣхъ сферахъ, за исключеніемъ области собственнаго духа. Трудно рѣшить, былъ ли онъ въ большей мѣрѣ расположенъ къ иностранцамъ, чѣмъ сколько былъ строгъ и правосуденъ въ отношеніи своихъ подданныхъ, или исполненъ ненависти и жестокосердія къ своимъ врагамъ. Въ обхожденіи своемъ, при всемъ соблюденіи царственной величавости, онъ сообразовался съ установившимися обычаями общественной жизни. Государемъ онъ былъ на столько же, на сколько и отцомъ: всѣ его рѣчи, намѣренія, наблюденія, происки, рѣшенія и дѣйствія, казалось, имѣли въ виду только жизнь его возлюбленнаго сына, безъ котораго онъ никогда ничего не обсуждалъ, ничего не предпринималъ и даже не молился. При пріемѣ по-

словъ и во время переговоровъ имя царевича упоминалось на ряду съ его собственнымъ; своею любовью къ сыну какъ бы желая внушить любовь къ самому себѣ, онъ, казалось, при всякомъ случаѣ хотѣлъ имѣть его у себя передъ глазами и крайне неохотно отказывался отъ его присутствія. Я не могу удержаться, чтобы не дать читателю попробовать плода, созрѣвшаго на такомъ своеобразномъ деревѣ. Однажды нѣкто, человѣкъ ученый и много путешествовавшій по свѣту, сталъ убѣждать царя Бориса, чтобъ онъ предоставилъ царевичу возможность пользоваться бо̀льшимъ отдыхомъ при его занятіяхъ, такъ какъ это въ равной мѣрѣ содѣйствовало бы и его долголѣтію, и просвѣщенію его ума, и совершенствованію его души. На это государь, какъ разсказываютъ, отвѣчалъ: „Одинъ сынъ все равно, что ни одного сына; нѣтъ, я убѣжденъ, что и три сына были бы для меня въ полсына; но имѣй я шестеро сыновей, тогда я смѣло сказалъ бы, что у меня есть сынъ. А теперь какъ я могу хоть на одинъ мигъ съ нимъ разстаться, когда я не увѣренъ, что въ этотъ мигъ онъ не перестанетъ быть моимъ?“

Этимъ достаточно объясняются и его ревнивыя опасенія, и его сильная, исполненная такой заботливости, любовь къ сыну. Другое изреченіе царя Бориса было слѣдующее (читатель же самъ пусть разсудитъ, зачѣмъ я все это пишу здѣсь). Именно государь любилъ говаривать, и вполнѣ основательно, что какъ онъ въ одно и то же время господинъ и отецъ своему сыну, такъ и сынъ—не только его слуга, но и его полный рабъ. И въ доказательство этого онъ ссылался, во-первыхъ, на то, что онъ можетъ повелѣвать ему и что онъ же породилъ его; во-вторыхъ, что хотя всѣ поступки сына и направлены на служеніе ему, но не въ силу его приказа, а по внушенію самой

природы и сыновняго чувства. Будучи, для собственнаго же блага, какъ-бы усыновленнымъ принцемъ и сознавая свой долгъ, царевичъ тѣмъ тверже помнилъ, какія права па него имѣетъ его отецъ въ качествѣ его монарха, и какія обязанности, съ своей стороны, несетъ онъ по отношенію къ нему, какъ къ своему родителю. Третій же пунктъ, а именно, что царевичъ его рабъ, царь Борисъ доказывалъ на разные лады, напримѣръ, что онъ знаетъ, что сынъ сдѣлалъ бы для него то, чего никакой тиранъ не могъ бы потребовать отъ своихъ вассаловъ; и тѣмъ больше была бы при этомъ его покорность, что онъ былъ бы вынужденъ совершить то, чего ни одинъ властелинъ не могъ бы потребовать (я разумѣю, ни во имя закона, ни во имя совѣсти) отъ своихъ рабовъ, а тѣмъ менѣе кому-либо приказать.

Такъ высказывался онъ самъ, знавшій лучше другихъ свои затаенныя мысли, и этого во всѣхъ отношеніяхъ достаточно для того, чтобы стало понятнымъ, почему нельзя причислять къ наиболѣе дурнымъ монархамъ того, кто могъ столь легко достичь власти въ такомъ обширномъ государствѣ, не имѣя на то никакихъ законныхъ правъ, а напротивъ, имя его должно упоминаться среди славнѣйшихъ. (Я умалчиваю о томъ, что̀ было основною причиной его могущества при покойномъ царѣ (Грозномъ), и особенно въ правленіе его сына, когда онъ состоялъ протекторомъ). Имѣя же въ виду его политику въ то время, когда онъ стремился къ достиженію царской власти; его избраніе по всеобщему согласію, по смерти царя Ѳеодора Ивановича, и отреченіе въ его пользу государыни, сестры его Ирины Ѳеодоровны; его неоднократный отказъ отъ принятія власти, не смотря на особенное желаніе народа вручить ему оную, когда

именно требовалось спѣшить съ избраніемъ на царскій престолъ; условія, поставленныя имъ при принятіи власти, съ присоединеніемъ къ своему титулу также и имени его сына; форму присяги, предложенную имъ по воцареніи, такъ что приходилось присягать на вѣрность обоимъ заразъ—отцу и сыну; его правленіе, повидимому, столь мудрое и вызывавшее всеобщія похвалы, пока не появился съ своими требованіями Димитрій послѣ того, какъ Борисъ процарствовалъ уже восемь лѣтъ, и наконецъ, его внезапную смерть и прочія обстоятельства,—имѣя все это въ виду, каждый, кто способенъ вникать въ сущность разсматриваемыхъ явленій, долженъ будетъ признать Годунова (оставляя въ сторонѣ окончательное и, такъ сказать, роковое сужденіе о немъ) принадлежащимъ къ числу монарховъ наиболѣе разсудительныхъ и тонкихъ въ своей политикѣ, какіе когда-либо упоминались въ исторіи. А если его конецъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, которыя внушили было столь счастливое начало и одинаково благополучное продолженіе его правленія, то съ такимъ же основаніемъ можно было бы спросить: почему умертвилъ себя Ахитофелъ [48]) изъ-за того лишь, что въ одномъ только случаѣ не послѣдовали его совѣту? И отвѣтъ, какъ точное эхо, повторитъ: потому что не послѣдовали его совѣту; или же на вопросъ: почему повѣсился Іуда, послѣ того какъ предалъ своего Учителя, послѣдуетъ отвѣтъ: причиною было то, что онъ предалъ своего Учителя.

О царѣ Борисѣ сэръ Іеронимъ Горсей (Jerom Horsey) [49]) въ своихъ сочиненіяхъ, помѣщенныхъ въ изданіи мистера Гаклейта, сообщаетъ, что упомянутый государь, когда еще былъ въ положеніи подданнаго, получалъ до 12,000 фунтовъ ежегодно, не считая его почетныхъ должностей, какъ

то: протектора, правителя царствъ Казанскаго и Астраханскаго и проч. Съ этимъ согласуется и сообщеніе доктора Флетчера о томъ, что въ одинъ разъ были даны ему царемъ Өеодоромъ Ивановичемъ 3,500 марокъ, полученныхъ съ одной области, равно какъ и о томъ, что подъ конецъ своей жизни онъ сдѣлался въ высшей степени скупъ, даже до скаредства, что̀ было одною не изъ послѣднихъ причинъ его паденія; такъ, напримѣръ, замѣчали, что онъ нерѣдко самолично осматривалъ входы въ свой погребъ и въ кладовую для съѣстныхъ припасовъ. Такимъ образомъ къ нему можно бы примѣнить стихи, написанные на французскаго короля:

Il feit d'argent avec ses dens
(Онъ добываетъ деньги своими зубами).

Съ того времени, когда онъ началъ стремиться къ власти, въ немъ замѣчается любопытное сочетаніе высокомѣрной величавости и исключительной благосклонности—сначала къ сэру Джерому Боуэсу, когда онъ былъ въ Москвѣ посланникомъ, потомъ къ сэру Джерому Горсею, находившемуся тамъ съ особымъ порученіемъ (какъ оба они сообщаютъ объ этомъ), и наконецъ къ блаженной памяти ея королевскому величеству Елизаветѣ. Подробно обо всемъ этомъ говорится въ уже упомянутой книгѣ „Путешествій“ [50]).

Тѣмъ не менѣе на царѣ Борисѣ подтвердилось сказанное де Пибракомъ [51]) въ его „Quatrains“, а именно:

Petite source ont les grosses rivières:
Qui bruit si haut à son commencement,
N'a pas long cours, non plus que le torrent,
Qui perd son nom ès prochaines fondrières.

По разнымъ соображеніямъ не могу не разсказать здѣсь о двухъ политическихъ хитростяхъ царя Бориса. Первая изъ

нихъ заключалась въ слѣдующемъ: въ четырехъ частяхъ Москвы, по его приказу, былъ устроенъ пожаръ, при тушеніи котораго участвовавшій въ этомъ царь выказалъ чрезвычайную расторопность, вмѣстѣ со всѣми своими боярами и придворными; послѣ же того, какъ пожаръ прекратился, онъ всѣмъ погорѣльцамъ проявилъ свою милость, выстроивъ имъ заново дома̀ и возмѣстивъ всѣ ихъ потери. И это было устроено съ тѣмъ, чтобы заглушить ходившій повсюду слухъ о необычайномъ способѣ достиженія имъ верховной власти. Этою продѣлкой онъ снова превратилъ свой народъ, который былъ уже близокъ къ возстанію, въ добрыхъ подданныхъ, заставивъ удивляться не только его попечительности, но и сердечной его добротѣ ко всѣмъ безъ различія. Вторая хитрость была сдѣлана имъ въ то время, когда страну постигли сперва страшный голодъ, а потомъ, около четырехъ лѣтъ спустя, ужасная чума, отъ которыхъ погибла, какъ считаютъ, цѣлая треть народонаселенія. Ропщущая толпа приписывала причину бѣдствія „избранію душегубца на царство, за что̀ будто бы Господь и посѣтилъ ихъ“. Тогда-то Годуновъ приказалъ построить галлереи вокругъ самой крайней стѣны великаго города Москвы и назначилъ при этомъ 20,000 фунтовъ стерлинговъ для ежедневной раздачи бѣднымъ, что̀ и исполнялось въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Такимъ способомъ простому народу былъ зажатъ ротъ и наполненъ желудокъ. Тѣмъ не менѣе царь Борисъ скончался преждевременною смертью, — не даромъ же сказалъ нѣкій знатный французъ: „Людямъ рѣдко приходится видѣть тирановъ и узурпаторовъ, которые пользовались бы долгою жизнью, или же проводили бы ее въ умѣренности, а также и умирали бы спокойной и естественной смертью“.

Если же теперь скажутъ, что я какъ бы порицаю то, что̀ заслуживаетъ похвалы, то я, не отрицая этого, только утверждаю, что я вполнѣ безпристрастенъ. И самое большее, что̀ русскіе люди могли бы сказать мнѣ (если бы захотѣли), пользуясь ихъ же собственной пословицей, — это слѣдующее: „собака лаетъ, вѣтеръ носитъ". А я въ отвѣтъ на это скажу, что собакѣ и отъ природы свойственно лаять, но рѣдко бываетъ опасна собака, которая лаетъ, и не напрасно же сложилась старинная англійская поговорка: „лающій песъ всего рѣже укуситъ, и всегда у самой бодливой коровы бываютъ самые короткіе рога" [52]).

Въ Вологдѣ мы пробыли до 6-го мая, досадуя на крайне неправильное полученіе, и то случайныхъ, извѣстій, которыя всѣ были дурного содержанія. Между тѣмъ, въ виду времени года, посолъ рѣшилъ спуститься внизъ по рѣкѣ до Холмогоръ, какъ потому, что тамъ онъ скорѣе могъ получать вѣсти, приходившія изъ Англіи, такъ и для того, чтобы благополучно освободиться отъ опасенія какой-либо невзгоды, такъ какъ распространявшіеся въ народѣ слухи были тѣмъ подозрительнѣе и опаснѣе, чѣмъ они были многочисленнѣе и невѣроятнѣе. И, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенная заботливость властей относительно предоставленнаго послу содержанія, также какъ и просторныя, отлично построенныя ладьи, какихъ не помнили и старожилы, вызвали въ мнѣніи народа столь же ложныя, сколько и нелѣпыя представленія: во-первыхъ, что молодой царевичъ навѣрно долженъ лично находиться тутъ же и, переодѣтый въ англійское платье, проживаетъ у нашего посланника; во-вторыхъ, что иначе необъяснимо, чтобы власти и бояре не только съ такою готовностью слушались, но и на̀-строго приказывали доставлять во всемъ и для всѣхъ въ

посольствѣ полное удовлетвореніе; и, наконецъ, еще говорилось, что царевичъ намѣренъ отплыть вмѣстѣ съ посланникомъ, чтобы затѣмъ отправиться въ Англію. Также толковали, что—оборони отъ этого Боже!—царевичъ и посланникъ заключены въ оковы и будутъ отправлены въ Москву. Я раскаяваюсь, что такъ объ этомъ распространился; но по крайней мѣрѣ, отсюда видно, насколько эти люди склонны къ смутѣ, равно какъ и то, что здѣсь своевольство простого народа равняется его невѣжеству, если не столь же безсмысленно, какъ ихъ умы. Но вотъ мы по чудной, красивой рѣкѣ, въ пяти отличныхъ, удобныхъ лодкахъ, съ двумя большими ладьями, нагруженными провизіей, идемъ на веслахъ внизъ по теченію и при попутномъ вѣтрѣ, оставивъ позади насъ все прибывающій приливъ новостей. Черезъ двѣнадцать дней мы благополучно прибыли въ Холмогоры, гдѣ и остановились въ домѣ англійской компаніи, несомнѣнно самомъ просторномъ, прочномъ и красивомъ зданіи въ городѣ, съ пакгаузами, амбарами и мастерскими.

Что́ же касается нашего пребыванія въ Холмогорахъ, то оно, по странности ходившихъ тогда въ народѣ слуховъ, по тревожному состоянію всего государства и по постоянной смѣнѣ современныхъ событій, не мало походило на тотъ единственный въ своемъ родѣ день, пережитый такъ несвоевременно возмутившимся графомъ Эссексомъ, когда умы большинства въ теченіе немногихъ дней (для насъ же такое состояніе длилось цѣлыя недѣли) одинаково недоумѣвали и передъ дурно проведеннымъ началомъ, и передъ несчастнымъ исходомъ предпріятія. Подобный исходъ во всякомъ дѣлѣ всегда плачевенъ, и какъ бы ни были рѣдки подобные случаи, они столь же рѣдко сопровождаются хотя бы какимъ либо добрымъ послѣдствіемъ. Такъ, съ одной стороны, до-

стойный сожалѣнія графъ, какъ ни дурны были его совѣтчики, пытался съ похвальною рѣшимостью осуществить добрыя намѣренія,—тогда какъ, съ другой стороны, представители власти, руководясь дурными намѣреніями, сопровождавшимися еще худшими дѣйствіями, осуществили свои, никогда не могущія заслужить похвалы, рѣшенія. И здѣсь мы имѣемъ два примѣра: это—во-первыхъ, горестное паденіе знатнаго аристократа съ его единомышленниками, за которымъ, однакожъ, по благости Божіей и по милости нашего славнаго монарха, въ короткій и незабвенный періодъ времени послѣдовало для ихъ потомковъ возстановленіе чести и правъ собственности; во-вторыхъ же, роковая погибель могущественнаго государя со всѣмъ своимъ родомъ, безъ надежды на возстановленіе до самаго страшнаго суда; но и тогда, благодаря ихъ вопіющимъ, ужаснымъ прегрѣшеніямъ, скорѣе слѣдуетъ опасаться безпощаднаго приговора Небеснаго Судіи [53]).

Теперь я намѣренъ разсказать о внезапномъ появленіи какъ бы воскресшаго царевича, считавшагося умершимъ въ теченіе восемнадцати лѣтъ, объ отравленіи государя, который безъ этого могъ бы прожить два раза столько же лѣтъ,—такъ что какъ будто происходитъ судебный осмотръ мертвыхъ тѣлъ въ какой-нибудь театральной піесѣ (и въ самомъ дѣлѣ все это стоило бы быть представленнымъ на сценѣ), гдѣ одно и то же лицо и умираетъ, и оживаетъ въ одинъ и тотъ же день, словно для того, чтобъ уличить во лжи время, которое, напротивъ, есть дитя и преемникъ правды. И далѣе, повѣдать о промыслѣ Всемогущаго въ воздаяніе за терпѣніе и невинность, проявленныя законнымъ престолонаслѣдникомъ въ предшествовавшіе годы, и въ осужденіе его противниковъ, а равно и на вѣчное благо этого еще непросвѣщеннаго народа, для котораго, по неизрѣченной

милости Божiей, совершилось въ истекшемъ году событiе, составляющее чудо нашего вѣка. Но эта задача представляетъ собою такой лабиринтъ, въ которомъ я рискую потеряться, или, другими словами, дилемму, отъ разрѣшенiя которой я рискую отказаться прежде, чѣмъ сумѣю удовлетворить ожиданiямъ читателя, или какъ должно передать каждую частность въ своемъ разсказѣ, такъ какъ составляющее его тему событiе въ своемъ исходѣ по стольку же носитъ трагическiй, по скольку и противоположный характеръ,—я же совсѣмъ не мастеръ по части логики и реторики, которыя, правда, для меня и для избранной мною темы безполезны, хотя въ общемъ я и не отрицаю ихъ пользы. Но такъ какъ вообще всѣ подобнаго рода государственныя событiя превышаютъ уровень обычнаго ума или, иначе, среднюю мѣру силъ обыкновеннаго писателя, я ограничусь тѣмъ, что сжато передамъ ту правду, что̀ мнѣ удалось услышать, не прибѣгая ни къ лести относительно живыхъ лицъ, ни къ клеветѣ относительно усопшихъ.

По смерти стараго царя Бориса Θеодоровича, послѣдовавшей отъ невыясненныхъ причинъ, его предполагаемый преемникъ и Боярская Дума постановили немедленно отправить Петра Басманова (перваго щеголя среди дворянъ), въ званiи воеводы, на мѣсто военныхъ дѣйствiй, ведшихся съ ничтожнымъ успѣхомъ, такъ какъ они видѣли въ немъ свою послѣднюю надежду (которой онъ однакожъ не оправдалъ), тогда какъ простой народъ, со своей стороны, считалъ его единственнымъ своимъ заступникомъ. Но прибывъ туда и будучи встрѣченъ, какъ можно себѣ представить, онъ, въ концѣ концовъ, только одурачилъ Боярскую Думу. Увидѣвъ предъ собою всѣми обожаемаго царевича, который самъ, проявляя ко всѣмъ любовь и отличаясь геройскимъ духомъ, одинаково былъ и прево-

сходнымъ воиномъ, обладающимъ инипіативой и политическимъ смысломъ, и прекраснымъ ученымъ, такъ какъ, по разсказамъ, онъ получилъ весьма хорошее образованіе и много странствовалъ по свѣту; который, далѣе, въ одинаковой мѣрѣ и владѣлъ иностранными языками, и зналъ науку государственнаго управленія; столько же внушалъ къ себѣ покорнаго страха, сколько и смягчался мольбами; отличаясь въ особенности милостью и благосклонностью, добротой и привѣтливостью, съ недовѣріемъ подавлялъ въ себѣ задатки высокомѣрія и произвола; въ которомъ усердіе и трудолюбіе были близнецами, а невинность души и свободолюбіе — братьями; для котораго любомудріе было единственнымъ утѣшеніемъ, истинная доблесть—слугою, лесть—непріятелемъ, а утомленіе—рабомъ; наконецъ, который не признавалъ надъ собою высшаго повелителя, кромѣ собственной царственной нищеты,—Басмановъ, увидѣвъ все величіе его особы и сравнивъ его юность съ его же маститою знатностью, при чемъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ являлся для своего народа фениксомъ, безъ колебанія призналъ въ украшенномъ столькими добродѣтелями царевичѣ наслѣдника всего царства, своего царя, государя и повелителя, и, какъ бы несомый на крыльяхъ надежды, честолюбія и довѣрія, поспѣшилъ передаться, въ это какъ чумой зараженное время, въ руки того, чьимъ будучи врагомъ, онъ рисковалъ погибнуть, а будучи принятъ имъ, какъ ищущій спасенія подданный, онъ смѣло могъ совершить измѣну, не измѣняя однакожъ при этомъ ни своему законному монарху, ни чувству долга. Такимъ образомъ онъ повергнулъ къ стопамъ Димитрія большинство подчиненнаго ему войска, въ которомъ многіе и сами были уже готовы передаться, въ томъ числѣ всѣ состоявшіе на службѣ иностранцы, какъ-то англи-

чане, шотландцы, французы, голландцы и фламандцы; въ этомъ ему послѣдовалъ или, скорѣе, даже предупредилъ его (какъ, по крайней мѣрѣ, подозрѣваютъ) князь Василій Ивановичъ Голицынъ, другой воевода и мужъ знатнаго происхожденія, по праву мѣстничества стоявшій выше Басманова [54]).

Отнынѣ признанный, новообъявившійся царь принялъ ихъ всѣхъ весьма милостиво, хотя, быть можетъ, къ скрытому неудовольствію отдѣльныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ были и воеводы, такъ какъ по слухамъ, ходившимъ въ народѣ, уже раньше, еще во время осады, были завязаны переговоры, при чемъ Басмановъ, какъ было разсказано выше, и оказалъ ту важную услугу, за которую ему, по приказу покойнаго царя, была устроена столь исключительно почетная встрѣча.

Между тѣмъ царевичъ и Боярская Дума распорядились отправить вслѣдъ за новымъ воеводой нѣсколько тысячъ рублей или марокъ, съ проницательностью мудрыхъ политиковъ признавая деньги истиннымъ нервомъ, а при данныхъ обстоятельствахъ даже какъ бы душой и сердцемъ военныхъ дѣйствій; но воевода, получивъ деньги, не могъ удержать ихъ, такъ какъ новый его государь, имѣя въ виду, что онѣ доставлены сохранившими вѣрность Годуновымъ царскими казначеями, далъ слѣдующій отвѣтъ: „Ему было бы желательно, чтобы вѣдали лица, приславшія (хотя и не непосредственно) ему эти деньги, что онъ, доселѣ терпѣливо сносивъ узурпацію тирана, столь долго возсѣдавшаго на его тронѣ, но наконецъ, при помощи своихъ иноземныхъ друзей уже много успѣвъ въ достиженіи своего законнаго права, теперь не имѣетъ болѣе надобности оказывать ободреніе тѣмъ благороднымъ сердцамъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ борются за правое дѣло, равно какъ признаетъ неподобающимъ государю воспольз-

зоваться деньгами, идущими отъ его противника, при томъ же черезъ руки тѣхъ, которые не могли бы не краснѣя показаться на глаза теперешнему своему повелителю. Когда же онъ явится, чтобы принять корону и царство (что̀ уже вскорѣ должно совершиться, какъ и самъ онъ увѣренъ и въ чемъ увѣряетъ и ихъ), то онъ несомнѣнно найдетъ эти деньги въ такой же мѣрѣ возросшими, въ какой возростетъ его царская честь и ихъ чувство привязанности къ нему“. Затѣмъ онъ велѣлъ выдать имъ свободный пропускъ на обратный проѣздъ.

Таковая измѣна лицъ, относительно которыхъ правительство было въ такой мѣрѣ ослѣплено (въ особенности же, между ними, Петра Басманова, котораго я не рѣшаюсь ни оправдывать, ни винить, не составивъ себѣ яснаго понятія относительно его побужденій), и только что приведенный отвѣтъ Димитрія,—какія бы сомнѣнія ни допускались относительно окончательнаго исхода,—ускорили погибель царевича, на котораго еще недавно возлагалось столько надеждъ. Хотя и продолжая оставаться царемъ, и постоянно поддерживаемый въ заблужденіи своими родственниками (въ качествѣ вліятельныхъ членовъ Боярской Думы принимающими участіе въ политикѣ), Ѳеодоръ Годуновъ тѣмъ не менѣе могъ легко видѣть, что почва уходитъ у него подъ ногами, и вполнѣ ясно понимать (хотя его юность и душевная чистота, быть можетъ, и мѣшали полнотѣ такого сознанія), что солнце его счастія клонится къ закату или облекается тучами въ самый полдень; что законный преемникъ его уже объявился (и не будь онъ таковымъ въ дѣйствительности, онъ все-таки былъ бы признанъ за таковаго); что, далѣе, власть и правленіе его родителя, подобно театральной піесѣ, заканчивающейся катастрофой,

завершается нынѣ ужасною и жалостною трагедіей, достойной стоять въ одномъ ряду съ „Гамлетомъ“, и что, наконецъ, справедливое возмездіе наступило, извлекши свой мечъ, направленный противъ него самого, его царственной матери и возлюбленнѣйшей сестры, съ тѣмъ чтобы совершились смертоубійственныя сцены, зародышъ которыхъ уже давно былъ не только положенъ, но хотя беззаконно и слишкомъ поспѣшно, взрощенъ самоубійствомъ его отца. Таковы были опасенія и страхи, которые они испытывали, внимая внушеніямъ діавола, совѣтамъ вражды, наставленіямъ самого ада, широко раскрывшаго свои врата, чтобы воспріять не царство, а царя,— точь въ точь какъ божественно выражается Л. Бартасъ: „Тѣ, кто не чаютъ попасть на небо, повсюду находятъ адъ“ [55]). Беззаконный же родъ Годуновыхъ, съ ихъ приверженцами и довѣренными лицами, образовалъ второе (въ противоположность суду божественному) окаянное судбище: удрученные и презрѣнные, не зная къ кому отнестись съ довѣріемъ, такъ какъ они не довѣряли и самимъ себѣ, они находились въ положеніи людей, у которыхъ одинъ выборъ—или погубить другихъ, или самимъ погибнуть отъ ихъ руки, и по этому считали за счастіе для себя, если несчастными будутъ одни они (ибо истинно благородные люди почитаютъ всякое почетное званіе за счастіе для себя, если только оно согласуется съ честью). Ихъ чуждое милосердія величіе вызывало лишь состраданіе къ нимъ, между тѣмъ какъ ихъ самонадѣянность не обезпечила имъ ни безопасности, ни награды. Въ самомъ дѣлѣ, они были подобны звѣрямъ, которыхъ лишили возможности пользоваться своею силой.

Да, ихъ положеніе заслуживаетъ быть оплаканнымъ какимъ-либо знаменитымъ писателемъ! Но если бы кто пожелалъ

подробно представить всѣ относящіяся сюда обстоятельства съ естественною живостью или же въ поэтической формѣ, то онъ долженъ бы былъ посвятить въ нихъ читателя посредствомъ поэтическаго вдохновенія, какъ это возмогъ бы сдѣлать умѣющій придать жизнь даже самому безжизненному царь поэтовъ Сидней [56]); или онъ долженъ былъ бы ввести читателя какъ бы въ среду боговъ, подобно божественному Саллустію; или же это должно бы было быть выполнено въ скорбящей надъ міромъ, блещущей глубокими мыслями и полной восторга трагедіи, какъ ихъ создастъ благородный Фулькъ-Гревиль [57]), въ которой мы не только можемъ легко уловить общую идею, но самую душу осуществившейся въ дѣйствіи идеи. Все это могъ бы дать, если бы пожелалъ, и столь выработанный во всемъ нашъ англійскій Горацій [58]), умѣющій найти для каждаго слова приличные тонъ, вѣсъ и мѣру, такъ что уже эта тщательность является поучительною для читателя: я разумѣю нашего лауреата, достойнѣйшаго Веніамина, котораго муза въ самомъ значеніи его имени на еврейскомъ языкѣ (родоначальникъ всѣхъ остальныхъ) провозглашаетъ своимъ первенцомъ, а можетъ быть, и сыномъ скорби [59]). Во всякомъ случаѣ указанная тема вполнѣ достойна столь рѣдкаго, превосходнаго генія. Что же касается меня, то я не только не могу назваться ни Аполлономъ, ни Апеллесомъ, но я даже отнюдь не преемникъ музъ, а развѣ лишь принадлежу къ младшимъ братьямъ, хотя я унаслѣдовалъ не больше того, сколько и многіе первородные и законные наслѣдники музъ пріобрѣтаютъ при помощи своего таланта. Но „hic labor, hic opus est".

Но можетъ возникнуть опасеніе, что я, вмѣстѣ съ новѣйшимъ англійскимъ Овидіемъ [60]), обладающимъ столь же быстрымъ

умомъ, какъ и свѣтлыми взглядами, погруженъ въ грезы и только воображаю, что въ самомъ дѣлѣ предо мною совершаются странныя и ужасающія дѣянія, самъ же все время не вымолвлю ни единаго слова. Но если меня и одолѣла въ такой мѣрѣ дремота, то извиненіемъ мнѣ служитъ наступившее жаркое время не только для атмосферы, но и для всего русскаго царства, ибо дѣйствительно было бы великимъ счастьемъ для этого могущественнаго государства, еслибы бо̀льшая часть совершающихся въ немъ политическихъ событій были простою грезой, подобно тому какъ достигшій до нашего слуха разсказъ о нихъ мы готовы принять за плодъ воображенія. Воразите же теперь себѣ (вѣдь и воображаемое бываетъ справедливо), что новопризнанный государь дважды или трижды обращался къ старому и новому, если можно такъ выразиться, царямъ и къ Боярской Думѣ съ письмами, (при чемъ надо замѣтить, что послѣдпія перехватывались Годуновыми и ихъ дьяками), въ которыхъ онъ требовалъ какъ принадлежащихъ ему правъ на наслѣдіе, доказывая, что онъ-то и есть прямой и настоящій наслѣдникъ, такъ равно и окончательнаго рѣшенія съ ихъ стороны. Между тѣмъ онъ не только остается безъ отвѣта, но его посланные задерживаются и подвергаются пыткѣ, а иные и казни; тогда, крайне встревоженный, онъ совѣщается съ своими боярами и нѣкоторыми знатными своими приверженцами, лишь недавно приставшими къ нему, и рѣшается еще разъ писать къ незаконно-царствующему государю и преимущественно къ главнѣйшимъ членамъ Боярской Думы. Такъ это все и было на самомъ дѣлѣ. Онъ написалъ царскія свои грамоты къ нимъ и отослалъ съ людьми доблестными, хорошаго рода и мудрыми. Снабженные такими полномочіями, посланные его прибыли въ Московскую сло-

боду, куда простой народъ (задолго передъ тѣмъ удалившійся за первые городскіе ворота) привалилъ толпами и, никѣмъ не уполномоченный, спрашивалъ ихъ: кто они такіе? (Надо сказать, что городъ тогда былъ какъ бы въ осадномъ положеніи, а въ стѣнахъ его происходила усобица, при чемъ осадное орудіе — которымъ былъ тотъ, кто теперь сдѣлался ихъ государемъ, — находилось въ 200 верстахъ отъ нихъ), а также — въ чемъ заключается ихъ порученіе (хотя невѣдѣніе въ этомъ случаѣ являлось уже не матерью ханжества, а отцомъ мира), къ кому они присланы и (что́ было уже лишнее) отъ кого? Отвѣтомъ было, что они посланы ихъ прямымъ и законнымъ государемъ Димитріемъ Ивановичемъ къ сыну похитителя престола и къ нѣкоторымъ думнымъ боярамъ; что народъ, въ знакъ повиновенія своему законному государю, долженъ ихъ въ городѣ оберегать, проводивъ ихъ, подъ своею охраной, на главную улицу, гдѣ они и удовлетворятъ народное любопытство, прочитавъ имъ столь близко всѣхъ ихъ касающіяся грамоты, и что къ своему счастію они тогда узнаютъ съ какою свирѣпостью и низостью дѣйствовали Годуновы, и какъ, по произволенію Божію, ихъ прямой государь оказался живъ и требуетъ отъ нихъ повиновенія, и что тотъ, кто ими правилъ въ послѣдніе годы, былъ лишь похитителемъ престола, каковымъ остается и его сынъ наслѣдникъ.

Такимъ образомъ простой народъ, всегда падкій на перемѣны и новшества, вполнѣ понимая, что нажить себѣ еще худшаго тирана онъ не можетъ, и видя, что прибывшіе посланцы люди рѣшительные и убѣжденные (а таковыми ихъ долженъ былъ, по ихъ образу дѣйствія, признать каждый разсудительный человѣкъ) и, къ тому же, все лица извѣстныя

своимъ знатнымъ происхожденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ враги покойнаго Бориса,—явились какъ бы по внушенію свыше и поддержанные зиждительною силой Господа, несмѣтною толпой проводилъ ихъ въ полной неприкосновенности на широкую площадь передъ воротами дворца, гдѣ, какъ это бывало ежедневно, въ это время происходило совѣщаніе членовъ Боярской Думы, а, по счастью, не Тайнаго Совѣта; тамъ же тогда находился и царскій дворъ.

Тогда прибывшіе отъ Димитрія бояре потребовали, чтобы нѣкоторые изъ думныхъ бояръ, особенно же изъ рода Годуновыхъ, вышли къ нимъ прослушать присланную имъ законнымъ ихъ государемъ Димитріемъ Ивановичемъ грамоту. Послѣ первоначальнаго отказа (за что̀ я не могу порицать ихъ), нѣкоторые изъ нихъ все-таки явились на зовъ, такъ какъ иначе простой народъ грозилъ привести ихъ насильно, при чемъ всѣ указывали на то, что вина ихъ безмѣрно велика, и что они должны въ такой же мѣрѣ стыдиться своего столь продолжительнаго обманыванія всего народа, въ какой теперь они чувствуютъ себя пораженными этимъ новымъ судомъ надъ ними за всѣ ихъ измѣны.

Тогда устами златоязычнаго посольскаго дьяка (присланнаго находившимися на совѣщаніи царевичемъ и боярствомъ), дѣйствительно единственнаго оратора и популярнаго человѣка изъ ихъ среды, было спрошено у народа о причинѣ такого необычайнаго сборища, направленнаго немногимъ менѣе (а въ сущности даже болѣе), чѣмъ къ мятежу. Сами думные бояре дѣйствовали также двулично, ссылаясь на то, что никто не въ правѣ собираться такимъ образомъ, ослушнически и вопреки долгу, а что каждое, представленное въ установленной формѣ, ходатайство, конечно, не останется безъ

отвѣта при столь милосердномъ, кроткомъ и мягкосердечномъ правителѣ, какъ царевичъ; когда же — продолжали они — окончится срокъ траура по его возлюбленномъ родителѣ (продолжающагося шесть недѣль) и будетъ совершено его коронованіе со всѣмъ великолѣпіемъ и этикетомъ, какъ соблюдалось при прежнихъ великихъ государяхъ, то и весь народъ признаетъ въ немъ своего законнаго царя; до тѣхъ же поръ законы страны не допускаютъ никакихъ общественныхъ, ни частныхъ разбирательствъ какъ для высокопоставленныхъ, такъ и для обыкновенныхъ лицъ и т. п. Все это однакоже было высказано такимъ тономъ, что видно было, что при этомъ участвуетъ одинъ языкъ, но сердечнаго отношенія отнюдь не чуялось въ этой рѣчи. Тогда присланные Димитріемъ бояре громко прочитали грамоту своего государя, слѣдующаго содержанія:

Весьма его удивляетъ, что въ настоящее время, когда поспѣшность является самою вѣрною политикой, послѣ того какъ онъ уже нѣсколько разъ отправлялъ къ нимъ посланцевъ съ грамотами, касавшимися признанія его ими за своего законнаго государя, какъ сына покойнаго царя Ивана Васильевича и единственнаго брата блаженной памяти самодержца Өеодора Ивановича, и содержавшими въ подкрѣпленіе этого доводы и прямыя доказательства, они не только оказались столь надменными, что не отвѣтили на его государевы письма, но даже имѣли дерзновеніе задержать его посланцевъ, и такимъ образомъ явно показали себя столько же настоящими ехиднами въ отношеніи всего царства, удерживая его въ невѣдѣніи, сколько и измѣнниками своему истинному и прямому государю, лишая свободы его посланныхъ; а своимъ молчаніемъ явивъ ему явное доказательство своей винов-

ности, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляли ему время и возможность покорить и погубить весь народъ (еслибы только онъ не былъ прирожденнымъ государемъ и не дорожилъ, какъ родная мать, жизнью своихъ возлюбленныхъ чадъ).

Далѣе указывалось на приверженность къ нему и на ежедневный переходъ на его сторону многихъ изъ знатныхъ людей; между тѣмъ какъ они, недостойные и неразумные совѣтники короны (ослѣпленные почестями и пристрастіемъ) спокойно предавались сну, довѣряя собственной силѣ и забывъ то общее правило, что когда члены разъединены и изувѣчены, то необходимо страдаютъ отъ этого и сердце и голова. Не смотря на все это, онъ (въ глубинѣ своей совѣсти увѣренный въ справедливости своего царственнаго титула, но въ то же время будучи исполненъ терпѣнія и смиренія вслѣдствіе испытанныхъ имъ великихъ невзгодъ и несчастій) рѣшился, по своей царской мудрости и милосердію, снова написать настоящія (но навѣрное уже послѣднія) грамоты, требуя въ нихъ мира и возвѣщая милость; и ему было бы пріятно, еслибъ и они въ той же мѣрѣ желали, чтобъ онъ— въ чемъ самъ онъ отнюдь не сомнѣвается—въ скорости достигъ власти, единственно съ цѣлью общаго блага для государства и народа, въ какой онъ, съ своей стороны, желаетъ вступить на царство безъ дальнѣйшаго пролитія крови своихъ подданныхъ. Съ этою-то цѣлью онъ отправилъ къ нимъ нынѣ лицъ знатнаго происхожденія, какъ-то князя Ѳедора Ивановича Мещерскаго и князя Димитрія Ивановича Шуйскаго, и поручилъ имъ лишить его враговъ занимаемымъ ими мѣстъ и заключить въ неволю Годуновыхъ и иныхъ, пока онъ не объявитъ дальнѣйшей своей воли, съ тѣмъ чтобъ истребить этихъ чудовищныхъ кровопійцъ и измѣнниковъ, послѣ того какъ

имъ будетъ полученъ отвѣтъ отъ москвичей; также поручено имъ опросить его прежнихъ посланныхъ, которые должны быть предъявлены народу и которые—какъ онъ имѣетъ причины думать—были подвергнуты истязаніямъ, если не избіенію; вмѣстѣ съ этимъ, если они теперь изъявятъ ему покорность, какъ своему законному государю и повелителю, то они обрѣтутъ въ немъ снисходительнаго и милостиваго владыку,— въ противномъ же случаѣ, столь же суроваго, сколько и справедливаго мстителя за ихъ разныя злокозненности противъ него, чей мечъ безпрерывно обнаженъ на отмщеніе всѣмъ имъ. Между тѣмъ имъ самимъ хорошо извѣстно, какія побѣды одержалъ онъ надъ ними, когда они пытались вступить въ бой съ его войскомъ, что ихъ въ такой степени смутило и опечалило; но теперь, когда ихъ главнѣйшіе и храбрѣйшіе военачальники и предводительствуемыя ими силы достались въ его руки, никто на свѣтѣ не убѣдитъ его, что они еще осмѣлятся открыто выступать противъ него, будучи въ душѣ всѣ (за исключеніемъ ничтожнаго числа самыхъ негодныхъ людей) истинными его вѣрноподданными. Всѣми этими доводами онъ желалъ бы убѣдить ихъ, отъ мала до велика, перемѣнить свой взглядъ на него, такъ какъ иначе онъ твердо рѣшился безповоротно дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы навести на нихъ страхъ и ужасъ, какъ это ни противорѣчитъ его природѣ и настроенію его царственнаго духа.

Пламенно и сильно желалъ бы онъ добыть свое наслѣдіе и возсѣсть на прародительскій престолъ безъ пролитія крови; и какъ одинъ Богъ былъ свидѣтелемъ его совѣсти, Онъ же да судитъ и его невинность, если дано ему вымолить смиренно у Всемогущаго, столь чудесно и поразительно охранившаго его отъ многихъ опасностей, скорбей и несчастій

до настоящаго счастливаго времени, чтобы Богу угодно было даровать ему мудрость, терпѣніе и милосердіе, дабы онъ могъ вступить на прародительскій престолъ безъ пролитія невинной крови, хотя бы то было даже одна капля, и проч.

Но не успѣли дочитать эту царскую грамоту и до половины, какъ сердца и руки всей народной толпы непонятнымъ образомъ слились воедино, при чемъ, не давая никому говорить въ отдѣльности, всѣ неистово топали ногами, подобно спутаннымъ и стреноженнымъ конямъ. И дѣйствительно, какъ бы опасаясь пуще всего, чтобы не оставить недовершеннымъ все то зло, которое они могли натворить, всѣ какъ одинъ человѣкъ кинулись съ бѣшенствомъ во дворецъ, гдѣ, найдя двухъ жестоко истерзанныхъ пыткою прежнихъ посланцевъ Димитрія, пріостановились ровно настолько, чтобы выслушать отъ нихъ, на сколько тѣ могли разсказать въ своемъ плачевномъ состояніи, о вынесенной ими жестокой пыткѣ подъ кнутомъ и на огнѣ, такъ что и они въ свою очередь, какъ бы подгоняемые ударами кнута и шпоръ и вспыхнувъ подобно пороху отъ горящей искры, ринулись дальше, уже утративъ всякое сознаніе и человѣчныя чувства. Столь варварская жестокость, столь звѣрскіе поступки и безчеловѣчныя зрѣлища, какъ вообще все то, что̀ было совершено въ это время простымъ народомъ, конечно, не могли бы быть совершены никѣмъ иначе, какъ при содѣйствіи самого сатаны: они налагали свои насильническія руки на все, что̀ имъ ни попадалось, хотя, по великому милосердію Божію, не умертвили никого изъ знатныхъ лицъ.

Такимъ образомъ весь городъ былъ объятъ бунтомъ, и дома́, погреба и канцеляріи думныхъ бояръ, начиная съ Годуновыхъ, были преданы разгрому; все, что̀ имъ ни попада-

лось, они грабили, уничтожали и крали, хотя забрать съ собою они могли лишь немногое, потому что тутъ же, на мѣстѣ, предавались пьянству; начавъ бушевать въ погребахъ, они оставляли сознаніе въ кладовыхъ съ съѣстными припасами, а глаза по кухнямъ, такъ что на слѣдующій день, вслѣдствіе того, что отъ пьянства одни помѣшались въ умѣ, а другіе умерли, оказалось не менѣе сотни лицъ, которыя стали жертвой забвенія, утративъ жизнь благодаря предварительной утратѣ сознанія. Московская чернь, безъ сомнѣнія, сдѣлала бы все возможное, чтобъ этотъ день ни въ чемъ не уступалъ парижской Варѳоломеевской ночи,—на столько дьявольски яростны были ея внезапныя рѣшенія; но тамъ, гдѣ никто не могъ уже приказывать, вмѣшались нѣкоторые изъ наиболѣе любимыхъ въ народѣ и вліятельныхъ бояръ, и между тѣмъ какъ одни пробовали убѣждать, всѣ одинаково были исполнены желанія положить конецъ этому горестнѣйшему и небывалому бѣдствію. Но толпа сдѣлала что́ только могла и хотѣла; особенно досталось наиболѣе сильнымъ міра, которые, правда, и были наиболѣе недостойными. Такъ, во время бѣгства царицы-матери въ болѣе безопасное мѣсто, съ ея шеи было сорвано жемчужное ожерелье, и она должна была считать себя счастливою, что ей удалось ускользнуть, и то съ великимъ трудомъ; самъ же молодой царевичъ не испыталъ иной большей кары или невзгоды, какъ (о, сколь тягостно для царственной особы!) пощада со стороны рабовъ, которымъ недоступно пониманіе страданій лицъ благородныхъ.

Многіе при этомъ лишились бороды и волосъ, словно имъ пришлось вынести французскую болѣзнь, которой, впрочемъ, ничѣмъ не уступала тѣмъ же самымъ сказавшаяся бѣда. Отъ разгрома уцѣлѣли дома только немногихъ, какъ, напримѣръ,

иностранныхъ врачей и купцовъ съ ихъ близкими. Увы! Многіе были доведены тогда до полной нищеты, такъ какъ ихъ обнажали до-гола, и можно было видѣть въ то время цѣлыя толпы людей, которые, подобно Адаму при изгнаніи изъ рая, прикрывали свою наготу листвою, отъ стыда не только за свое бѣдственное состояніе, но и за свои нечеловѣческія мученія. Между тѣмъ какъ родители упрашивали, дѣти плакали, женщины вопили, а болѣе зажиточные подвергались истязаніямъ, жалкая голь и нищета господствовала. И хотя бояре заняли нѣкоторыя позиціи и усиленно предпринимали все самонужнѣйшее для защиты, они все же не могли противостоять черни. Послѣдняя, совершенно опьяненная, воображала себя на седьмомъ небѣ, воспользовавшись въ волю тѣмъ, чего она была лишена цѣлые годы; но многіе, въ растерзанномъ видѣ и обезсиленные продолжительнымъ пребываніемъ въ храмѣ Бахуса, засыпали, тогда какъ другіе, въ еще болѣе значительномъ числѣ, заболѣли, большинству же пришлось наконецъ раскаяться въ томъ, что они довели свое столь необычайное судбище до такого, по счастію, несчастнаго конца.

Тогда же царевичъ, царица-мать *) и царевна, вмѣстѣ съ остальными Годуновыми (вслѣдствіе новаго, полученнаго изъ царскаго лагеря, приказа), были арестованы, также какъ и нѣкоторые другіе изъ болѣе подозрительныхъ. Между тѣмъ бояре собрались на совѣщаніе относительно принятія мѣръ по поводу внезапно наступившихъ событій, а также для составленія отвѣта царю Димитрію Ивановичу, который, по внезапному общему рѣшенію (благодаря тому, что члену Боярской думы Богдану Бѣльскому, съ нѣкоторыми другими,

*) Въ оригиналѣ опечатка: Emperour.

частнымъ образомъ стало извѣстно объ отъѣздѣ Димитрія изъ лагеря), былъ признанъ ихъ правымъ и законнымъ государемъ; не присоединились къ нимъ очень немногіе, которые и не могли быть ничьими вѣрными подданными, прежде всего будучи вѣроломными передъ самими собою, такъ что они были немедленно заключены въ тюрьму.

Такъ началось величіе Димитрія и его право нашло себѣ признаніе. Но какъ въ подобныхъ, необычайныхъ и рѣдкихъ происшествіяхъ (какъ низложеніе государя и лишеніе власти государственныхъ дѣятелей) большею частію случается, что трагическія событія слѣдуютъ одно за другимъ, такъ это было и здѣсь. Между тѣмъ какъ благонамѣренные люди изощрялись въ совѣщаніяхъ относительно созданія добраго порядка въ приведенномъ въ такое замѣшательство государствѣ, люди лихіе замышляли причинить еще большее зло съ помощью новыхъ происковъ и хитростей: недугъ разросся, поразивъ самую душу въ этомъ тѣлѣ, въ которомъ боролись изъ за первородства близнецы тиранніи и жестокости. И замышлявшіе въ свое время возвеличеніе и укрѣпленіе во власти покойнаго государя и его потомства проявляли теперь не больше ума и усердія, чѣмъ сколько (и въ этомъ лишь заключается ихъ постоянство) эти же гнусные государственные люди выказывали старанія и беззаконнаго своеволія съ цѣлью ихъ низпроверженія, не имѣя иной причины, кромѣ эгоистической жалости къ самимъ себѣ, въ случаѣ еслибъ они связали себя съ мѣстомъ раскаянія и казни. Такъ, къ молодому царевичу нѣкоторые (въ особенности же его мать, эта вторая Іезавель) приставали съ совѣтомъ покинуть царство прежде, чѣмъ оно само отступится отъ него, и послѣдовать доброму примѣру его родителя, прибѣгнувъ къ самоубійству, раздѣ-

лить съ нимъ которое изъявляли готовность и его мать (это вмѣстилище бѣдствій, эта колыбель жестокости!), и его единственная возлюбленная сестра.

Были составлены письма и подосланы гонцы, чтобъ осуществить это отчаянное вѣроломство относительно его невинной жизни; такъ что уже черезъ нѣсколько дней (ибо злу крыльями служатъ мысль и рѣшительность) всѣ трое сговорились (о, печальное единодушіе!) погубить самихъ себя, предпочитая скорѣе наложить насильственныя руки на свою ненавистную жизнь, чѣмъ дать врагу поводъ проявить свою жестокость, совершая надъ ними казнь, о чемъ царь Димитрій, конечно, никогда и не думалъ, рѣшивъ, что царевичъ останется полноправнымъ правителемъ какой-либо обширной области съ княжескимъ титуломъ. И что же? Ни надежда, ни жалость, ни высокій санъ не придали имъ силъ; но словно ихъ жестокость къ самимъ себѣ равнялась суду совѣсти, мы видимъ здѣсь мать утратившею нѣжную привязанность къ своимъ дѣтямъ, сына пренебрегшимъ естественною любовью къ собственной матери, сестру осудившею самое себя въ лицѣ ихъ обоихъ,—здѣсь мужчина забываетъ свою главную добродѣтель (если не считать четырехъ основныхъ добродѣтелей)—терпѣніе, женщины пренебрегаютъ скромностью и стыдливостью, словно желая подать примѣръ испорченному свѣту, какъ не краснѣя можно, отказавшись отъ самообладанія, искать спасенія въ смерти. И вотъ они рѣшаются (о, сколь невыразимо содѣянное ими зло!) принять отраву. Царственная мать первая выпиваетъ ядъ въ напутствіе своему благородному сыну въ его могилу, а онъ отвѣчаетъ ей сильнымъ глоткомъ, столько же придавъ этимъ энергіи своему дико-беззаконному послушанію, сколько выразивъ свою полную несостоятельность передъ насто-

ящимъ. И они, рука въ руку, въ сердечномъ единеніи, въ объятіяхъ одинъ другого, повалились и умерли заразъ,—мать, будучи дѣятельною внушительницей, тогда какъ сынъ являлся страдательнымъ послѣдователемъ. Но вотъ примѣръ, гдѣ проявляется осторожность на ряду съ жалостью къ самому себѣ, самостоятельность на ряду съ послушаніемъ: царевна также выпила яду, но умѣренно, какъ приличествуетъ дѣвицѣ, и такимъ образомъ, какъ недостатокъ скромности былъ смертеленъ для матери, такъ та же скромность обезпечила жизнь дочери.

Едва разыгралась эта трагедія, какъ въ покой вошли нѣкоторыя знатныя лица, встрѣченныя горестною вѣстью, что уже нѣтъ на землѣ того, кто могъ бы быть ихъ государемъ, и его родительницы, охватившихся руками въ кроткомъ объятіи смерти, и что молодая царевна, распростертая на полу, остается, какъ свидѣтельствовало о томъ ея дыханіе, лишившеюся матери и брата дѣвою,—отъ нея-то потомъ и узнали о ихъ предсмертномъ настроеніи духа: между тѣмъ какъ царица была исполнена рѣшимости, царевичъ былъ достоинъ сожалѣнія,—оба равно заслуживая быть оплаканными. Несомнѣнно, это было дурное дерево, которому суждено было дать прекрасный, но безвременный плодъ!

На полу было найдено запечатанное письмо отъ покойнаго государя къ живому (иные увѣряютъ, что оно было отослано прежде отравленія, только царевичъ не дождался отвѣта; но дѣло не во времени и не въ побочныхъ обстоятельствахъ, а въ необходимости знать истину); написано оно было собственною прилежною рукою царевича [61]).

„Хотя суетный свѣтъ справедливо могъ бы осудить насъ за то, что будучи сыномъ и преемникомъ столь могуще-

ственнаго государя, какъ нашъ блаженной памяти возлюбленнѣйшій родитель, царь и самодержецъ Всероссійскій Борисъ Ѳеодоровичъ, который, будучи избранъ со всеобщаго согласія и по настоянію и мольбамъ епископовъ, думныхъ бояръ, дворянъ и всего народа нашего государства, единственно изъ жалости принялъ на себя бремя правленія, отнюдь не побуждаемый къ тому ни тщеславіемъ, ни искательствомъ предъ народомъ, а прежде всего съ тѣмъ, чтобы скорѣе удовольствовать всѣхъ вообще, нежели въ чемъ-либо въ отдѣльности дать удовлетвореніе самому себѣ, осчастлививъ и возвеличивъ ихъ впослѣдствіи царственными своими добродѣтелями, — и такъ, что мы, будучи его единственнымъ сыномъ, столь обожаемымъ и знатными и простымъ народомъ, столь почитаемымъ всѣми добрыми и благочестивыми, тѣмъ не менѣе не выступили въ походъ, во главѣ непобѣдимаго воинства, противъ тебя на защиту нашего дѣла, въ силу многихъ высшихъ соображеній, признанныхъ за благо какъ нами, такъ и нашимъ Тайнымъ Совѣтомъ, не смотря на то, что за себя мы имѣемъ двойную присягу большинства народа относительно нашихъ законныхъ правъ на престолонаслѣдіе и царскую власть. Но не приличествуетъ такому могущественному государю, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ, или каковымъ ты хотѣлъ бы считаться, столь жестоко и несправедливо поступить съ нами, нашею царственною матерью и нашею не менѣе дорогою намъ царственною сестрой, какъ, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, ты рѣшился сдѣлать. Руководясь благоразуміемъ и благодарнымъ чувствомъ, ты долженъ бы былъ вспомнить о собственныхъ трудныхъ для тебя годахъ и своемъ чудесномъ спасеніи, а равно и о нашей невинной младости и о томъ, что въ нашемъ лицѣ —какъ, по крайней

мѣрѣ, мы всегда думали — ты имѣешь дѣло съ дѣтьми великаго христіанскаго государя, если послѣднее можетъ еще имѣть свою цѣну. По истинѣ для тебя было бы болѣе счастья и славы въ томъ, чтобы, возсѣвъ на престолъ своего отца, править своимъ народомъ по справедливости и закону, чѣмъ считаться за его сына среди тиранства и крови. Мало причинъ для нашего народа надѣяться найти милостиваго и справедливаго государя въ томъ, кто начинаетъ съ устрашенія и осужденія невинныхъ.

Если же мы и допустили бы, что не обладаемъ законнымъ правомъ, то нашъ родитель все же былъ избранъ на царство. И развѣ мы противустоимъ тебѣ? Или ты не понимаешь (тому мѣшаютъ, быть можетъ, кровожадность твоя и тщеславіе), насколь мы невинны были тогда, да и теперь остаемся, вслѣдствіе нашихъ лѣтъ и политической нашей неопытности? Допустивъ даже, что сами мы убѣдились бы въ законности твоего права, то вѣдь остается много такихъ, которые никогда не дадутъ убѣдить себя въ этомъ, и чѣмъ больше будетъ твоя жестокость и хитрѣе твоя политика, тѣмъ сильнѣе будутъ ихъ доводы противъ тебя. Но чтобы ты могъ видѣть, что у насъ никогда не было намѣренія не допускать тебя къ твоему наслѣдію, если бы только мы убѣдились въ твоемъ дѣйствительномъ правѣ, во преки вѣрныхъ, по нашей царской волѣ собранныхъ, свѣдѣній о тебѣ,—вотъ мы ради тебя, единственнаго врага нашего, жертвуемъ нынѣ собою! Смотри, какъ невинность и юность, подобно незаконнорожденнымъ близнецамъ, сами провозглашаютъ свою виновность, и мы относительно самого же себя становимся похитителемъ власти.

Но не допускай въ себѣ слишкомъ много увѣренности и

не предавайся радости, ибо ни то, ни другое не соотвѣтствуетъ твоему достоинству. Въ отношеніи насъ будь скорѣе (чтобъ не сказать, по крайней мѣрѣ) истиннымъ преемникомъ по добродѣтели и подобенъ царямъ по милосердію, и вмѣстѣ съ тѣмъ будь увѣренъ, что мы умираемъ не изъ страха передъ тобою, но изъ любви къ намъ самимъ, не столько отчаяваясь въ твоей благости, сколько въ предупрежденіе твоего правосудія, какъ тотъ, кто въ безнадежности скорѣе видитъ своего рода утѣшеніе, нежели поводъ къ самонадѣянности. Ибо мы умираемъ лишь ради того, чтобъ удержать за собою все наше бремя, будучи исполнены гораздо большей рѣшимости, чѣмъ сколько можетъ ея внушить самообольщеніе, или же невольная трусость, какъ тотъ, кто охотнѣе согласился бы подвергнуться осужденію, нежели достичь своего оправданія, заслуживъ пощаду тѣмъ, что обвинилъ бы своихъ враговъ. Дѣйствительно, только ради твоихъ будущихъ слугъ, нашихъ возлюбленныхъ и проникнутыхъ любовью къ намъ подданныхъ, которые, какъ мы знаемъ, дорого продали бы нашу любовь и свободу,—ради нихъ-то поднимаемъ мы на себя руку, внушая къ себѣ состраданіе, а не ненависть, подобно тому, кто признаетъ болѣе достойнымъ умереть безвиннымъ, нежели сохранить жизнь, считаясь заслуживающимъ смерти, ибо для насъ было бы несравненно тягостнѣе страдать незаслуженно, нежели умирать теперь, не вызывая состраданія. Но развѣ не скажетъ весь міръ, что ты былъ всему причиной? Конечно, да! Всякое слово государя есть законъ, или должно бы быть таковымъ; но нерѣдко бываетъ, что ихъ намѣренія и поступки оказываются противузаконны и безпощадны. Но не назоветъ ли также свѣтъ и насъ самоубійцей? Если да, то пусть при этомъ вспомнятъ не только

о нашей смерти отъ своихъ рукъ, но и о томъ, что мы умираемъ безвинно. И пусть лучше погибаетъ одинъ невинный, чѣмъ если бы погибель грозила многимъ невиннымъ, ибо такимъ образомъ ты пріобрѣтешь больше друзей и вкусишь бо̀льшую радость, если мы, твой соперникъ, очистимъ тебѣ дорогу. Теперь представь же себѣ, съ какою радостью, смѣшанною съ печалью, мы принимаемъ кончину, испуская послѣдній нашъ вздохъ на той груди, отъ которой воспріяли жизнь, и будь убѣжденъ, что мы, наша дорогая родительница и наша возлюбленная сестра, выпиваемъ эту чашу съ отравой, единственно ради тебя. Итакъ, будь царемъ, и да царствуютъ твои потомки, коль скоро тебѣ принадлежитъ право на Наше царство, и ты будешь справедливъ съ своими врагами, исполненъ любви къ своимъ подданнымъ, милосердъ къ бѣднымъ. А отнынѣ благоденствуй! И чтобы ты могъ считать себя обезпеченнымъ относительно насъ, мы радостно уходимъ предстать предъ Всевышнимъ“.

Когда это замогильное посланіе Ѳеодора было представлено царю Димитрію, онъ не могъ удержаться отъ слезъ при его чтеніи, и его милостивыя похвалы перемѣшивались съ сожалѣніями по поводу его несчастной судьбы. Услышавъ же, какъ нѣкто непочтительно отзывался объ его отцѣ Борисѣ, онъ остановилъ его слѣдующими словами: „Если вообще никому не пристало порочить его честь, когда нѣтъ его уже болѣе въ живыхъ, то тѣмъ паче его подданнымъ, и особенно тѣмъ, которые сами избирали его на царство и при жизни его преклоняли предъ нимъ колѣна, какъ предъ законнымъ своимъ государемъ, хотя и не по праву престолонаслѣдія, но по единогласному выбору всѣми сословіями народа“.

Тогда же онъ отдалъ приказъ заключить въ тюрьму всѣхъ

приближенныхъ молодого царевича впредь до дальнѣйшихъ распоряженій; сына же и мать повелѣлъ похоронить втихомолку и безъ малѣйшихъ почестей, что̀ и было въ точности исполнено. Прахъ же стараго царя Бориса былъ также удаленъ изъ царской усыпальницы, гдѣ онъ первоначально покоился, съ тѣмъ чтобы быть погребеннымъ вмѣстѣ съ ними, при одной изъ самыхъ невзрачныхъ церквей въ Москвѣ.

Но прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ, мы должны представить вашему взору изображеніе молодого царевича Годунова. Лицо онъ имѣлъ женственное; рѣчь его отличалась пріятностью и живостью, голосъ же у него былъ громкій и звучный, а самъ онъ былъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; онъ былъ милосердъ къ бѣднымъ (каковымъ не былъ его отецъ) и благосклоненъ съ знатными и умѣлъ нелицепріятно вознаграждать людей добродѣтельныхъ и доблестныхъ.

Послѣ того, какъ живой заставилъ мертваго послужить ему ступенью, ведущею къ престолу, всѣ признали за самое безопасное бѣжать въ царскій лагерь въ видахъ примиренія; вслѣдствіе чего туда стекались цѣлыми толпами — одни, побуждаемые страхомъ предъ настоящими опасностями, другіе же изъ боязни передъ грядущими бурями.

Между тѣмъ ихъ законный государь (предавъ забвенію всякую мысль о предшествовавшемъ ихъ образѣ дѣйствій) тщился теперь только принимать съ царственно-милостивыми объятіями всѣхъ являвшихся къ нему, самъ несомнѣнно будучи убѣжденъ въ неограниченности своей царской власти, если могъ на столько совладать съ собственными чувствами, чтобы прощать своихъ враговъ, даже и тѣхъ, что̀ считались архипредателями и кровожадными тиранами. Сверхъ того, онъ обладалъ достаточною долей благоразумія, чтобы никого не

удерживать силою (какъ это дѣлывали его предшественники на престолѣ) въ предѣлахъ его страны, ни заграждать послѣдніе для кого бы то ни было. Напротивъ, онъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что каждый его подданный воленъ покинуть любое мѣсто въ его владѣніяхъ, равно какъ и всякій иноземецъ—прибыть въ нихъ, куда ему вздумается: такимъ путемъ (помимо чести называться первымъ царемъ, даровавшимъ свободу своему государству) онъ разсчитывалъ чрезъ сближеніе съ другими націями обогатить свой народъ, прославить по свѣту свое имя и возвеличить свое государство.

Такимъ образомъ изъ бѣднаго и пренебрегаемаго царевича онъ внезапно превратился въ могущественнаго государя: его власть простиралась на владѣнія, равняющіяся третьей части Европы; заключивъ союзъ съ нѣсколькими могущественными государями, и въ особенности съ сильнымъ королемъ Польскимъ (бывшимъ до того времени смертельнымъ врагомъ Россіи), Димитрій уже изъ своего военнаго лагеря, превратившагося теперь въ царскій дворъ, разослалъ свои царскія грамоты въ города, мѣстечки и селенія, призывая дворянъ къ присягѣ его царскому величеству, что́ и было повсюду безпрекословно исполнено. Къ числу этихъ посланій принадлежитъ и письмо, которое онъ написалъ англійскому агенту, узнавъ о пребываніи англійскаго посольства въ предѣлахъ Россіи (въ то время за 2,000 миль отъ его лагеря) и памятуя о мирѣ и дружбѣ, всегда существовавшихъ между Англійскими королями и его предшественниками на престолѣ. Англійскій агентъ, уѣхавшій было изъ Москвы къ берегамъ Бѣлаго моря, на счастье, къ этому времени, по нѣкоторымъ его личнымъ обстоятельствамъ, уже возвратился, такъ что, явившись въ Боярскую Думу, могъ получить это милостивое

царское посланіе, которое здѣсь и приводится въ переводѣ съ подлинника.

„Димитрій Ивановичъ, царь и великій князь всея Россіи, самодержецъ и проч. Джону Мерику, агенту отъ англійскихъ купцовъ и проч. Послѣ того какъ, по неизрѣченной милости и всеблагому провидѣнію Всемогущаго Бога, изъ всесильной руки Его мы, благополучно и съ полнаго согласія всѣхъ нашихъ возлюбленныхъ подданныхъ и къ немалому удивленію всего міра, получили и пріобщили къ нашей власти, соотвѣтственно нашему праву и царскому нашему достоинству, тронъ и церковный престолъ, достояніе нашего августѣйшаго родителя Ивана Васильевича и нашего всеблагороднѣйшаго брата Ѳеодора Ивановича, блаженной и преславной памяти самодержцевъ, мы, вспоминая дружбу и пріязнь, впервые заключенные преславнымъ и возлюбленнымъ родителемъ нашимъ Иваномъ Васильевичемъ со всѣми христіанскими государями, въ особенности же съ всеблагороднѣйшей королевой Англійской, приняли наше царское рѣшеніе пребывать отнынѣ въ болѣе тѣсномъ союзѣ и дружбѣ съ славнымъ королемъ Іаковомъ, чѣмъ кто-либо изъ нашихъ предшественниковъ состоялъ въ таковыхъ со всѣми прочими государями. Съ этою цѣлію рѣшили мы благопріятствовать англійскимъ купцамъ и всѣмъ его подданнымъ больше, чѣмъ кто-либо изъ нашихъ предшественниковъ, и въ виду сего мы намѣрены, вслѣдъ за нашимъ коронованіемъ, отправить нашего посланника къ его знатнѣйшему величеству. А затѣмъ, имѣешь ты, Джонъ сынъ Вильямовъ, по полученіи настоящаго нашего письма и по окончаніи своихъ торговыхъ дѣлъ въ нашемъ городѣ Архангельскѣ, вернуться въ великій и славный нашъ городъ Москву съ тѣмъ, чтобы предстать предъ

наши свѣтлыя царскія очи. Въ виду чего отдали мы приказъ какъ относительно надобныхъ для тебя ямскихъ лошадей, такъ и твоего представленія къ нашему посольскому дьяку Аѳанасію Ивановичу Власову. Дано въ нашемъ царскомъ лагерѣ. Тула, 8-го іюня 7103" [62]).

По полученіи приведеннаго письма, агентъ Мерикъ отправился, вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ, мистеромъ Росселемъ (Russell), бывшимъ нѣкоторое время голландскимъ агентомъ, представиться государю еще до его прибытія въ Москву. Въ сопровожденіи посольскаго дьяка представъ предъ царемъ, Мерикъ, отъ имени своихъ собратій, преподнесъ ему цѣнный подарокъ, милостиво принятый государемъ, и произнесъ при этомъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что послѣ того какъ Богу было угодно столь чудеснымъ образомъ сохранить его величество и столь блистательно возстановить его на престолѣ его предковъ, да соблаговолитъ онъ тѣми же глазами, какъ и они, смотрѣть на англійскихъ купцовъ, чѣмъ онъ не только заслужитъ ихъ любовь, но и побудитъ ихъ исполниться къ нему благодарностью, какъ никакая другая нація и проч. Царь отвѣчалъ нѣсколькими милостивыми словами въ томъ же духѣ, въ какомъ было написано его письмо, но только немного пространнѣе, а въ заключеніе они были приглашены къ высочайшему обѣду, который былъ устроенъ въ царскомъ шатрѣ, въ честь одного подвластнаго царю татарскаго хана.

Послѣ изобильнаго пированія, приличной случаю бесѣды и царскаго привѣтствія они откланялись. Но черезъ нѣсколько дней нашъ агентъ снова былъ принятъ, чтобъ отъ имени англійскаго посла сдѣлать, согласно полученнымъ отъ него инструкціямъ, разныя представленія, на удовлетвореніе которыхъ и послѣдовало полное согласіе съ подтвержденіемъ же-

ланія обоюднаго мира и дружбы съ Англійскимъ королемъ, въ виду чего де предписано уже одному придворному боярину безъ замедленія отправиться въ догонку къ англійскому послу.

Какъ разъ передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Холмогоръ въ Архангельскъ, агентъ прибылъ къ нашему послу, привезши съ собою и приказъ отъ царя относительно безвозмезднаго предоставленія ему потребныхъ для проѣзда почтовыхъ лошадей съ людьми, при чемъ предписывалось не взимать никакихъ пошлинъ ни съ кого изъ англичанъ, принадлежащихъ къ посольству. Онъ также сообщилъ, что уже командированный придворный бояринъ не замедлитъ прибыть вслѣдъ за нимъ. Такъ какъ англійскіе корабли стояли уже двѣ недѣли у крѣпости [63]), то посланникъ рѣшилъ, не откладывая, отплыть внизъ по рѣкѣ.

На слѣдующій день мы пріѣхали въ Архангельскъ, гдѣ насъ встрѣтили нѣсколько капитановъ судовъ и отрядъ стрѣльцовъ въ числѣ ста человѣкъ. Какъ съ англійскихъ, такъ и съ голландскихъ кораблей насъ привѣтствовали усердною пальбой; но этотъ тріумфъ въ одно мгновеніе замѣнился большимъ горемъ. Когда мы приставали уже къ берегу, прекрасный новый корабль (подъ именемъ „the Globe“), принадлежавшій самому капитану и его отцу, окончательно погибъ на нашихъ глазахъ вслѣдствіе взрыва снаряда въ констапельской, гдѣ стояло четыре боченка пороху, одинъ изъ которыхъ былъ плохо закрытъ, такъ что все было охвачено пламенемъ, при чемъ взорвало всю кормовую часть судна, убило пушкаря и его жену, контузило капитана также съ его женой и шестерыхъ другихъ лицъ, между тѣмъ какъ самое судно, разбившись надвое, немедленно затонуло къ крайнему огорченію всѣхъ присутствовавшихъ.

Нѣсколько дней спустя пріѣхалъ и отправленный царемъ придворный бояринъ Гаврила Самойловичь Салмановъ [64]), бывшій прежде посланникомъ при Датскомъ королѣ (дворянинъ знатнаго происхожденія и уже довольно пожилой), съ тѣмъ чтобы засвидѣтельствовать послу о желаніи государя заключить узы мира и дружбы съ Англійскимъ королемъ. Это было выраженіемъ чрезвычайной милости къ нашему послу, если принять въ соображеніе знатность присланнаго къ нему лица, данное ему порученіе и, наконецъ, то разстояніе, которое онъ долженъ былъ промчаться, чтобы застать посланника на мѣстѣ.

Данное Салманову порученіе касалось главнымъ образомъ предметовъ, которые уже обсуждались на совѣщаніи, состоявшемся между новымъ царемъ и агентомъ Мерикомъ; существеннѣйшее въ немъ заключалось въ возобновленіи союза между обоими государствами, заключеннаго покойною королевой Елизаветой (его дорогою и возлюбленною сестрою), съ одной стороны, и его родителемъ, съ другой, при чемъ было обѣщано состоять въ болѣе тѣсной дружбѣ и отношеніяхъ съ Англійскимъ королемъ, чѣмъ это когда-либо допускалось кѣмъ-нибудь изъ его предшественниковъ относительно иныхъ государей, въ наилучшее подтвержденіе чего давалось обѣщаніе предоставить всѣмъ подданнымъ короля Іакова болѣе обезпеченныя льготы, чѣмъ какими они пользовались до настоящаго времени. Въ заключеніе же присовокуплялось, что, по совершеніи вѣнчанія на царство его величества, будетъ отправлено посольство съ порученіемъ привѣтствовать и поздравить его возлюбеннаго брата, короля Англійскаго, и проч.

Послѣ этого нашъ посолъ не только возвратилъ полученныя имъ отъ покойнаго царя Бориса Ѳеодоровича грамоты, но также прислалъ подарокъ, цѣною въ 100 марокъ, доставлен-

ный двадцатью посольскими служителями къ царскому посланцу. Черезъ недѣлю по отъѣздѣ этого послѣдняго мы ускорили и собственный свой отъѣздъ, побуждаемые къ тому наступившимъ временемъ года. За́ день до нашего отплытія, вслѣдствіе обиды, причиненной однимъ изъ русскихъ англійскому матросу, вышла большая суматоха, во время которой простой народъ, вооружась каменьями и дубинами, напалъ на англичанъ съ такою яростью, что ворота англійскаго дома были вышиблены, жилымъ помѣщеніямъ грозила опасность быть разграбленными, окна въ домѣ были выбиты, а въ пакгаузы насильно ворвалась толпа, при чемъ съ нѣсколькими англійскими купцами обошлись весьма круто, а иные изъ нихъ даже подверглись побоямъ; наконецъ, отъ грозившей опасности не былъ свободенъ и самъ посланникъ. Для отместки англійскіе и голландскіе матросы высадились было съ своихъ судовъ на берегъ съ намѣреніемъ открыть стрѣльбу, но ихъ уговорили воздержаться, и все было мирно улажено, хотя и не безъ нѣкотораго урона, главнымъ образомъ со стороны русскихъ [63]).

Назавтра (6-го іюля) посланникъ, въ сопровожденіи мистера Джона Мерика, разныхъ комерсантовъ и иныхъ лицъ, переѣхалъ въ своей палубной лодкѣ черезъ заливъ, такъ какъ наши корабли стояли на мелководьи изъ-за вѣтра, за отсутствіемъ котораго мы перебрались на палубу только 28-го іюля и тѣмъ не менѣе были вынуждены простоять еще цѣлую недѣлю, въ ожиданіи пока насъ не сниметъ водою и вѣтромъ, въ чемъ русская земля (пользовавшаяся нашимъ сообществомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ), повидимому, отказывала намъ, какъ бы не желая согласиться на нашъ отъѣздъ. Однакожъ на восьмой день мы сошли съ мелко-

водья, хотя и не безъ нѣкоторой опасности для себя по причинѣ песчаныхъ мелей, которой, впрочемъ, мы благополучно избѣгли, благодаря Провидѣнію, а также осторожности и искусству нашего штурмана и капитана мистера Уая (Wye), и наконецъ, къ общей нашей радости, прибыли къ берегамъ дорогой нашей родины Англіи, и проч.

Положеніе Россіи при вступленіи Бориса Θеодоровича на царство.

Наше путешествіе кончено; но я долженъ предложить вамъ, читатель, въ вашемъ воображеніи вернуться обратно въ Россію, при чемъ вы получите столько достовѣрныхъ свѣдѣній, что мой предыдущій разсказъ превратится въ полную интереса исторію.

Итакъ, знайте, что престарѣлый царь Иванъ Васильевичъ, умирая, оставилъ послѣ себя двухъ сыновей—старшаго Θеодора Ивановича, который и наслѣдовалъ престолъ отъ отца, и младшаго Димитрія, бывшаго тогда еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Такъ какъ Θеодоръ, отличавшійся крайнею набожностью и пренебрегавшій изъ-за того государственными дѣлами и всѣмъ, что̀ связывалось съ его царскимъ достоинствомъ, считался весьма недалекимъ, то вслѣдствіе тайныхъ происковъ Богдана Бѣльскаго (перваго любимца покойнаго царя Ивана Васильевича), разсчитывавшаго на всякія почести и выгоды, Борисъ Годуновъ (братъ царской жены) былъ назначенъ попечителемъ (Protector) къ Θеодору, который послѣ своего коронованія отправилъ свою мачиху, вмѣстѣ съ ея родителями, изъ рода Нагихъ, и съ своимъ юнымъ братомъ Димитріемъ, въ городъ Угличъ, гдѣ послѣдній и долженъ былъ воспитываться. Такъ какъ, по окончаніи царствованія Θеодора, его братъ по малолѣтству не могъ управлять государствомъ, то

Борисъ разными способами устроилъ такъ, что изъ правителя самъ сдѣлался царемъ.

Орудіями его при этомъ, дѣйствовавшими въ его пользу, были уже упомянутый Богданъ Бѣльскій, Андрей Щелкаловъ и Андрей Клешнинъ [66]). Но Борисъ, тяготясь присутствіемъ тѣхъ, кому былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, и чувствуя себя связаннымъ ими по рукамъ и ногамъ, сталъ раздумывать, какъ бы ему отдѣлаться отъ такихъ кредиторовъ, выражая явное неудовольствіе относительно перваго и полное пренебреженіе къ двумъ остальнымъ. Вслѣдствіе того Богданъ Бѣльскій покинулъ дворъ. Но тѣ двое, слѣдя за образомъ дѣйствій Бориса, отъ времени до времени сообщали обо всемъ Бѣльскому, который, зная, что честолюбивый Борисъ, будучи не болѣе какъ похитителемъ престола, ничего столь не жаждетъ, какъ полнаго истребленія всего потомства царя Ивана Васильевича, вступилъ въ переговоры съ прежнею царицей, матерью Димитрія, о томъ, какъ имъ уберечь ребенка. И видя, что издали направлена противъ его жизни стрѣла, отвратить которую едва ли было бы возможно, онъ рѣшилъ подмѣнить Димитрія сыномъ одного духовнаго лица (нѣсколько схожимъ съ нимъ по возрасту и наружности), между тѣмъ какъ тотъ могъ бы такимъ образомъ безопасно продолжать жить, хотя и оставаясь въ неизвѣстности. Этотъ подставной поповскій сынъ, взятый вмѣсто законнаго царевича, воспитывался въ обстановкѣ, соотвѣтственной съ его предполагаемымъ высокимъ званіемъ. Но въ одинъ прекрасный день приставленный къ нему въ качествѣ товарища игръ мальчикъ, замѣтивъ, что ожерелье, которое, согласно съ туземною модой, было надѣто на шеѣ псевдо-Димитрія, лежитъ нѣсколько криво, и желая поправить съ помощью бывшаго у

него въ рукѣ ножа, оказавшагося отточеннымъ, повидимому, не безъ намѣренія, порѣзалъ ему горло.

Вѣсть объ этомъ немедленно дошла ко двору; узурпаторъ Борисъ представился крайне огорченнымъ и, имѣя въ виду доставить удовлетвореніе народу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самому утвердиться на престолѣ, повелѣлъ, чтобы трупъ въ теченіе трехъ дней оставался доступнымъ взору всѣхъ и каждаго. Приводилось множество доводовъ съ цѣлью убѣдить свѣтъ въ томъ, что Борисъ охотно искалъ смерти этого ребенка [67]) своего шурина. На оборотъ, чтобъ отучить народъ отъ питаемаго имъ чувства любви и надежды по отношенію къ царевичу Димитрію, было разглашаемо, что Димитрій былъ бы похожъ на своего отца, то-есть, былъ бы такимъ же тираномъ, такъ какъ онъ еще въ дѣтствѣ будто бы съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ на кухнѣ рѣзали куръ и цыплятъ, при чемъ мылъ себѣ руки въ ихъ крови; къ этому слѣдуетъ прибавить и отравленіе его мамки; сверхъ же всего, было запрещено молиться за него въ церквахъ, съ тѣмъ чтобы поскорѣе всѣ о немъ совершенно забыли. Въ заключеніе вспомнили про устарѣлый и давно забытый законъ, по которому дѣти отъ шестой жены не имѣли права наслѣдованія. Когда же убійство совершилось, узурпаторъ Борисъ, желая отвести всѣмъ глаза, чтобы самому было тѣмъ легче носить личину лицемѣрія, отправилъ одного боярина, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ лицъ, съ порученіемъ произвести строжайшее слѣдствіе касательно всѣхъ относящихся къ данному случаю обстоятельствъ и посадить въ тюрьму всѣхъ тѣхъ, которые были обязаны заботиться о царевичѣ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже пытать и казнить, что́ и было на самомъ дѣлѣ исполнено. Но небо покровительствовало законному царевичу,

чтобы впослѣдствіи сдѣлать его своимъ орудіемъ для униженія похитителя престола.

Въ неизвѣстности жилъ этотъ злосчастный царевичъ, замѣна котораго другимъ лицомъ не была извѣстна никому, кромѣ его матери (приходившейся, какъ уже сказано, сестрою Бориса [68]), которая и теперь находится въ живыхъ, и Богдана Бѣльскаго; но какъ вращалось колесо его разнообразныхъ судебъ (которыя по необходимости, должны были быть необыкновенны), до нашего свѣдѣнія не дошло, пока мы оставались въ Россіи. Только одно можно признать достовѣрнымъ, что король Польскій увѣдомилъ узурпатора, что при его дворѣ проживаетъ русскій царевичъ, при чемъ сообщилъ какъ его имя, такъ и особыя примѣты, по которымъ слѣдовало заключить, что это сынъ покойнаго царя Ивана Васильевича. По полученіи такихъ извѣстій (отъ которыхъ захолонуло на сердцѣ у Бориса) немедленно былъ отправленъ въ Польшу бояринъ, бывшій нѣкогда крестнымъ отцомъ царевича Димитрія, такъ какъ онъ лучше другихъ могъ убѣдиться въ справедливости сообщаемыхъ свѣдѣній. По прибытіи его ему сначала показали подставного царевича (но въ соотвѣтственномъ сану одѣяніи), а вслѣдъ затѣмъ и настоящаго Димитрія, который, будучи поддержанъ поляками, былъ вскорѣ потомъ признанъ русскими своимъ государемъ, правящимъ ими и нынѣ [69]).

Конецъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письма Томаса Смита.

1.

Лжедимитрію.

Державнѣйшій государь Димитрій Ивановичъ, всея Россіи самодержецъ!

Узналъ я отъ слуги вашего величества Гавріила Самойловича Салманова, что по справедливому изволенію Господа Бога и при Его всесильной помощи послѣдовали и утвердились вы, на мѣсто вашего родителя и вашихъ предковъ, на престолѣ обширнаго и преславнаго царства Владимірскаго и Московскаго и царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго и иныхъ всѣхъ царствъ Всероссійскаго государства, и что ваше величество храните въ памяти любовь и дружбу, бывшія между вашимъ родителемъ, великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, самодержцемъ всероссійскимъ, и сестрою его, королевой Англійскою Елизаветой, и что ваше величество намѣрены снестись съ моимъ повелителемъ и королемъ Іаковомъ и быть съ нимъ въ любви и дружбѣ прежде и свыше всѣхъ другихъ, и засвидѣтельствовать таковую любовь вашего величества, и что намѣрены вы осчастливить вашею дружбой всѣхъ подданныхъ

моего государя и даровать имъ бо́льшія привилегіи противъ прежняго времени, и что ваше величество, приказавъ безъ замедленія отпустить меня, желали бы, чтобъ я доложилъ моему повелителю и королю о любви вашего величества и о томъ, что, какъ только, Богъ дастъ, совершится коронованіе вашего величества въ должномъ порядкѣ и благолѣпіи, ваше величество, великій государь, царь и великій князь Димитрій Ивановичъ, всея Россіи самодержецъ, пришлете своихъ пословъ для взаимнаго привѣтствованія, какъ въ прежнее время. Сіе вашего величества милостивѣйшее извѣщеніе получилъ я къ великому своему утѣшенію и, соотвѣтственно съ тѣмъ, я приношу вашему царскому величеству мою нижайшую и сердечнѣйшую благодарность, и какъ только, Богъ дастъ, я возвращусь къ моему повелителю и королю, я сдѣлаю докладъ его величеству о волѣ вашего величества, который будетъ принятъ королемъ, какъ я увѣренъ, доброжелательнѣйшимъ образомъ, о чемъ и будетъ засвидѣтельствовано, когда къ тому представится удобный случай.

Итакъ, всеблагороднѣйшій царь Димитрій Ивановичъ, самодержецъ Всероссійскій, прощаюсь я всепочтительнѣйше съ вашимъ царскимъ величествомъ, моля Всевышняго даровать вамъ долгую жизнь и обладаніе могущественнымъ государствомъ, принадлежащимъ вамъ по праву престолонаслѣдія, и ради котораго столь чудеснымъ образомъ Господь Богъ сохранилъ Васъ по благости своей.

Вашего величества неизмѣнный слуга

Томасъ Смитъ.

Архангельскъ
14-го іюля 1605 года.

2.

Аѳанасію Ивановичу Власьеву.

Высокопочтеннѣйшій Аѳанасій Ивановичъ!

Будучи намѣренъ уже пересѣсть на корабль, я считаю за благо, въ настоящемъ письмѣ выразить вамъ свою благодарность за многочисленныя услуги, вами оказанныя мнѣ со времени моего прибытія въ эти страны, а также просить вашу милость довести до свѣдѣнія его царскаго величества Димитрія Ивановича, государя всея Россіи, что я приношу всенижайшую мою благодарность его величеству за многочисленные знаки Его благоволенія, полученные мною изъ его щедрыхъ рукъ, о чемъ мною и будетъ доложено его королевскому величеству, которымъ, какъ я увѣренъ, это будетъ принято съ величайшимъ удовольствіемъ.

Вамъ, вѣроятно, будетъ пріятно узнать, что Константинъ Петровичъ, мой приставъ, самымъ тщательнымъ образомъ старался во всемъ угождать мнѣ; что же касается Тимоѳея Матвѣевича, то онъ во многихъ случаяхъ обходился со мною весьма дурно; но чтобы не утруждать вашей милости подробнымъ разсказомъ о каждомъ изъ нихъ, я коснусь здѣсь лишь двухъ или трехъ, предоставляя ихъ, наравнѣ съ остальными, на ваше благоусмотрѣніе. Во-первыхъ, съ большимъ затрудненіемъ удалось мнѣ получить всего одинъ покой въ домѣ Джона де Уэльса, между тѣмъ какъ ваша милость изволили назначить для меня весь означенный домъ. Не могъ я также получить квартиры для состоящихъ при мнѣ королевскихъ придворныхъ и для остальной моей свиты, такъ что они были принуждены оставаться на лодкахъ все время нашего пребы-

ванія въ Архангельскѣ къ великому для меня безчестію въ глазахъ моихъ земляковъ и иныхъ иностранцевъ. Затѣмъ, до самого пріѣзда сюда Гавріила Самойловича, мнѣ не было отведено отдѣльной кухни, гдѣ можно было бы готовить для меня кушанье, почему и приходилось всѣ блюда заготовлять на лодкахъ и носить ихъ оттуда по улицѣ на виду у всего народа. Кромѣ того, онъ грозилъ моему служителю, состоящему при мнѣ въ переводчикахъ, что заставитъ его раскаяться, если онъ снова когда-либо появится въ этихъ краяхъ, при чемъ осыпалъ его недостойною бранью. Предоставляя на мудрое разсмотрѣніе вашей милости вышеизложенное, я считалъ своимъ долгомъ удостовѣрить васъ въ ономъ, дабы на будущее время другіе посланники не испытывали подобнаго обращенія съ ними, а для его царскаго величества не учинилось отъ того безчестья помимо желанія и воли.

Прощаясь съ вашею милостью, поручаю васъ покровительству Всевышняго и остаюсь навсегда вашимъ любящимъ и вѣрнымъ другомъ.

Томасъ Смитъ.

Архангельскъ
25-го іюля 1605 года.

3.

Ему же.

Высокопочтеннѣйшій Аѳанасій Ивановичъ!

Въ препровожденныхъ вамъ чрезъ Константина Петровича двухъ моихъ письмахъ жаловался я вамъ на дурное и грубое обхожденіе со мною Тимоѳея Матвѣевича. Послѣ того

какъ они были писаны, случилось здѣсь большое безчинство, учиненное нѣкоторою частью жителей этого города, начало и дальнѣйшій ходъ котораго происходили слѣдующимъ порядкомъ. Одинъ изъ русскихъ укралъ у англичанина немного денегъ, который и погнался за нимъ, чтобы передать его судебнымъ властямъ; но нѣсколько человѣкъ русскихъ заступились за вора и поколотили англичанина, при чемъ одного изъ моихъ служителей, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ, сшибли съ ногъ. Послѣ того какъ это дѣло было однакожъ улажено мистеромъ Джономъ Merикомъ, и я находился вмѣстѣ съ моею свитой въ его домѣ, желая съ нимъ проститься, русскіе, безъ всякого къ тому повода, ворвались туда, разбили товарные склады и изувѣчили нѣсколькихъ человѣкъ изъ моей и его прислуги; между тѣмъ люди, находившіеся на стоявшихъ на рейдѣ судахъ, замѣтили происходящій безпорядокъ и высадились въ большомъ числѣ на берегъ, захвативъ съ собою мушкеты и иное оружіе. Видя это и полагая, что можетъ послѣдовать большое избіеніе русскихъ, если англичане явятся въ такомъ вооруженіи, я приказалъ имъ вернуться обратно на свои корабли, между тѣмъ какъ мистеръ Мерикъ, съ большою для себя опасностью и не безъ нѣкоторыхъ оскорбленій, обратился къ русскимъ, указывая имъ на могущую произойти для нихъ опасность, если бы вооруженные матросы высадились на берегъ. Видя это и заслышавъ выстрѣлы, русскіе присмирѣли и разбѣжались.

Не смотря на то, что все разсказанное продолжалось не менѣе двухъ часовъ, Тимоѳей все это время не хотѣлъ прислать намъ никакой помощи, съ цѣлію прекратить безпорядокъ. Также не велитъ онъ и разслѣдовать это дѣло, чтобы, освѣдомясь какъ относительно самихъ безчинниковъ, такъ и

причинъ, вызвавшихъ безпорядокъ, по справедливости подвергнуть виновныхъ заслуженной карѣ, что только служитъ къ ободренію нарушителей порядка и можетъ дать поводъ къ большимъ затрудненіямъ. Итакъ, съ сердечною благодарностью прощаясь съ вашей милостью, остаюсь вашимъ любящимъ другомъ.

Томасъ Смитъ.

Архангельскъ
26-го іюля 1605 года.

II.

Письмо Джона Мерика.

Лжедимитрію.

Великій и державный государь, царь и великій князь Димитрій Ивановичъ, всея Россіи самодержецъ! Джонъ, сынъ Вильяма (Мерикъ), англійскій купецъ, падаетъ ницъ, желая вамъ всякаго счастія и благополучія, ежедневно моля всемогущаго Бога о долгоденствіи вашего величества.

Да будетъ вамъ, государь, вѣдомо, что вашего величества Архангельскій воевода Тимоѳей Матвѣевичъ Лазаревъ сообщилъ мнѣ о вашемъ желаніи, чтобъ я сторговалъ у нѣкоего Эдуарда Паркьюста камень сафиръ. Исполняя волю вашего величества, справлялся я у него о цѣнѣ, и онъ мнѣ сказалъ, что камень ему самому стоилъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Согласно вашего величества приказу, я передалъ за печатью означенный камень вашего величества воеводѣ Тимоѳею Матвѣевичу, о чемъ вашему царскому величеству да будетъ извѣстно.

А за симъ, великій государь, да вѣдаетъ ваше царское величество, что отъ вашего величества дьяка Меньшова Булгакова [70]) получилъ я сумму въ пять тысячъ рублей, за которую имѣемъ я и мои компаньоны, англійскіе купцы, представить десять тысячъ штукъ золотыхъ. Да кромѣ того, державнѣйшій государь, долженъ я внести одну тысячу рублей золотомъ въ уплату за соболи, полученные изъ вашего величества казначейства. Нынѣ же вашего величества здѣшній восвода, въ силу вашего царскаго приказа, требуетъ съ меня вышеозначенное золото; а посему, да будетъ угодно вашему величеству увѣдомиться, что, согласно уговору, я писалъ и отправилъ нарочнаго сухимъ путемъ къ моимъ компаньонамъ, главнымъ купцамъ Англіи, съ тою цѣлію, чтобъ означенное золото было собрано и выслано; но упомянутый мой посланецъ былъ такъ долго задержанъ въ Москвѣ, пока я доставалъ для него паспортъ, что когда онъ прибылъ въ Англію, наши корабли уже были готовы къ отплытію въ Россію, такъ что сказанное золото не могло быть собрано въ столь короткое время. Однакожъ вышеупомянутые купцы, мои компаньоны, писали мнѣ, что они стараются собрать требуемое золото и намѣрены выслать его сухимъ путемъ въ скорѣйшемъ времени, такъ что я не сомнѣваюсь, что оно получится въ Москвѣ тотчасъ послѣ Рождества. Нижайше прося ваше царское величество не гнѣваться на насъ за то, что означенное золото еще не прислано, остаюсь вашего величества всенижайше ко всякимъ услугамъ готовый.

Джонъ сынъ Вильяма Мерикъ.

Архангельскъ.
10-го іюля 1605 года.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) St. Paul's Churchyard, въ Лондонѣ — часть города, въ которой, подобно Paternoster Row, нѣкогда сосредоточивалась издательско-книгопродавческая дѣятельность, преимущественно въ періодъ до знаменитаго лондонскаго пожара 1666 года; но за тѣмъ, въ теченіе прошлаго вѣка, книгопродавческія фирмы мало по малу оттуда выселились (*W. Roberts*. The earlear History of english Bookselling. London, 1889, стр. 143).

2) Джонъ Мерикъ (J. Mericke, или правильнѣе John Merrick) былъ назначенъ, въ маѣ 1592 года, англійскимъ агентомъ, завѣдывающимъ дѣлами компаніи англійскихъ купцовъ въ Москвѣ, па мѣсто Христофора Гольмса (см. письмо объ этомъ сэра Уильямса Сесиля лорда Берлея къ Борису Ѳедоровичу Годунову въ указанной нами въ введеніи книгѣ *Ю. Толстаго*, стр. 427—30). Въ современныхъ русскихъ документахъ онъ нерѣдко именуется „Иванъ Ульяновичъ (вм. Уильямовичъ) Мерикъ".

3) Томасъ Челленоръ (Th. Challenor)—вѣроятно, тотъ самый, который былъ назначенъ Іаковомъ I въ попечители или воспитатели (tutor) къ его сыну принцу Генриху. Умеръ онъ въ 1615 году (*Wood*, Athenae Oxonienses, vol. I, col. 398: Challoner, Thomas).

4) Уильямъ Рэй (Will. Wray)—можетъ быть, родственникъ упоминаемаго въ „The Dawn of British Trade", pag. 77, въ числѣ факторовъ (factors) Остъ-Индской компаніи, Джона Wray'я.

5) Графъ Сольсбери (the Earle of Salsbury), болѣе извѣстный подъ именемъ Сесиль, Robert Cecil, Earl of Salisbury (ок. 1563—1612 г.), сынъ упомянутаго во 2-мъ примѣчаніи лорда Берлея (Burghley), занималъ должность перваго государственнаго секретаря при Іаковѣ I. Упоминаемый у нашего автора титулъ „графа Сольсбери" былъ пожалованъ Сесилю королемъ только 4-го мая 1605 г. (*Leslie Stephen*, Dictionary of National Biography. London. 1887, Vol. IX, p. 401); это доказываетъ, что „Путешествіе Т. Смита",

изданное въ томъ же году, вышло въ свѣтъ не ранѣе сказаннаго мѣсяца. О политической дѣятельности лорда Сесиля см. въ двухъ первыхъ томахъ History of England from the accession of James I etc. (1603—1642), in ten Volumes. By *S. R. Gardiner*. London. 1883.

6) Уайтъ-Голль (the White Hall)—дворецъ въ Лондонѣ, на лѣвомъ берегу Темзы, служившій резиденціей Англійскихъ королей, въ томъ числѣ и Іакова I, до 1697 года, когда онъ былъ разрушенъ пожаромъ; реставрированъ же онъ былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

7) Валентинъ Найтли (Valentine Knightly), ум. въ 1618 г.,—сынъ сэра Ричарда Knightly (1533—1615 г.) и братъ Francis'a Knightly (ум. 1620 г.), бывшаго кравчимъ короля Іакова I (Dictionary of National Biography, vol. XXXI, pag. 268).

Фрэнсисъ Черри (Francis Cherry)—одинъ изъ наиболѣе видныхъ англійскихъ дѣятелей въ Россіи XVI и XVII вѣковъ. О немъ см. указанное въ введеніи изслѣдованіе академика *Гамеля*, Англичане въ Россіи и проч., стр. 184 и слѣд. (Ср. *Ю. Толстаго*, указ. сочин., 49 стр. Введенія и въ Указателѣ; также 38-й томъ „Сборника Импер. Русск. Историч. Общества“, стр. 186—197: Пріѣздъ въ Россію англійскаго гостя Ѳрянчина Черея Иванова, и тамъ же въ Указателѣ подъ словомъ: Ивановъ, Ѳрянчикъ).

8) Гревсендъ (Gravesend)—городъ на правомъ берегу Темзы, въ 35 километрахъ отъ Лондона; въ XVII вѣкѣ—сборный пунктъ для кораблей, отправлявшихся отъ береговъ Темзы въ морское плаваніе (ср. The Dawn of British Trade, въ Index'ѣ, sub voce: „Ships to be surveyed there before sailing“).

9) Гельмъ-виндъ (the healm wind). The helm-wind—„особый родъ вѣтра въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ Англіи“ (*J. E. Worcester*, A Dictionary of the english Language. London. 1879). Въ текстѣ, можетъ быть, просто въ значеніи „попутнаго вѣтра“, дующаго со стороны „руля“ (the helm).

10) Туманы ливанскихъ горъ. Какое собственно явленіе природы подразумѣваетъ здѣсь авторъ, мы не знаемъ: наша справка въ капитальномъ трудѣ *Э. Реклю*, Земля и люди (т. IX, стр. 590) не привела ни къ какому результату.

11) Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду Филиппа Сиднея (Sir Philip Sidney, 1554—1586 г.), котораго онъ другомъ мѣстѣ называетъ „царемъ поэтовъ“. Сидней рѣзко опровергаетъ „поэтоненавистниковъ“

(poethaters) въ своей „The Defence of Poesy" (London, 1595,—перепечатано, на 61—124 стр., въ „The miscellaneous Works of Sir Philip Sidney, with a Life of the author and illustrative Notes by *Will. Gray*. London, 1893); подразумѣваемое нашимъ авторомъ „проклятіе" находится въ самомъ концѣ этого трактата.

12) Въ русскомъ или лифляндскомъ лѣсу—такъ какъ обычный сухопутный маршрутъ иноземныхъ посольствъ въ Москву шелъ черезъ Лифляндію, на Нарву (ср. въ текстѣ стр. 39).

13) Максимъ Юр(ь)инъ (Maxim Vrin, т. е. Urin, captain of 500 gunners). Намъ не удалось отожествить это имя ни съ кѣмъ изъ современниковъ, если не считать подъячаго *Максима* Ѳедорова (это было, можетъ быть, только отчество), который бывалъ въ приставахъ: такъ ему было „велѣно кормъ готовити.... въ Твери, на Городнѣ", по случаю пріѣзда Цесарева посла, въ 1604 г. (Памятники дипломатическихъ сношеній, II, столб. 907).

14) К. П. Артышовъ (Constantine Petrovich Artiskove, Arteshove). Такой фамиліи намъ при справкахъ не встрѣтилось. Не слѣдуетъ-ли читать здѣсь Арцыбашевъ? Подъ 1618 году значится Ѳедоръ *Константиновичъ* Арцыбашевъ, наряженный, съ другими лицами, къ Покровскимъ воротамъ для обороны Москвы въ ожиданіи похода на королевича Владислава. (Разрядн. книги. I, столб. 515).

15) Ричардъ Ли (Rich. Lea)—былъ отправленъ королевой Елизаветой, въ 1600 году, посломъ въ Москву, откуда возвратился уже лѣтомъ 1601 г. (см. Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. 38, стр. 364—88).

16) Самуилъ Созсби (Samuel Sotheby или Southeby). У *I. Гамеля*, Англичане въ Россіи и пр., стр. 233, примѣч. 1, сказано: „Самуэль Соутби, бывшій въ Москвѣ вмѣстѣ съ сэромъ Томасомъ Смитомъ, въ качествѣ священника, также хотѣлъ издать свои наблюденія; но это предпріятіе не состоялось".

17) Григорій Ивановичъ Микулинъ (Gregory Euannowich Micolin), ѣздившій, въ 1600 г., посломъ отъ царя Бориса къ англійской королевѣ Елизаветѣ. (См. Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества, т. 38, стр. 278—363: Отправленіе въ Англію посломъ Григорія Ивановича Микулина въ маѣ 1600 г.).

18) Ричардъ Гаклейтъ, или Гаклюйтъ (Rich. Hakluyt), около 1552, ум. 1616 г. Знаменитъ своими изданіями по исторіи путешествій и географическихъ открытій (Collection of early Voyages,

8*

Travels and Discoveries of the English Nation. 1600. 3 vol. in-f°; новѣйшее и лучшее изданіе 1809 г., въ 5 т.). Въ честь его имени въ Англіи, въ 1846 г., основано „The Hakluyt Society", въ образцово-превосходныхъ изданіяхъ перепечатывающее старинныя англійскія описанія путешествій; по 1892 годъ вышло уже 85 томовъ).

19) Джильсъ Флетчеръ (G. Fletcher), посѣтившій Россію въ 1588 г. и описавшій свое пребываніе въ ней въ сочиненіи „Of the Russe Common Wealth". (См. *С. М. Середонинъ.* Сочиненіе Дж. Флетчера „Of the Russe Common Wealth", какъ историческій источникъ. С.-П.-Б. 1891 г.). (Записки историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Часть 27).

20) Шепетское (?) (Shepetskoy). Ни въ одномъ изъ источниковъ намъ не удалось найти указанія на мѣсто съ такимъ, или подобнымъ названіемъ, вблизи Ярославля.

21) Джорджъ Гарландъ (G. Garland). Не есть-ли это приводимый у Adelung'a (I, стр. 368), но съ именемъ Edward, Гарландъ, приглашавшій, по порученію царя Ѳедора Ивановича, знаменитаго англійскаго математика-астролога John'a Dee на службу въ Россію (Ср. Hakluyt's Collection, vol. I, pag. 573).

22) Принцъ Плангусъ (the prince Plangus)—одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Arcadia", романѣ Филиппа Сиднея. (Ср. 11 и 26 примѣчанія).

23) Братовщина (Bratte-sheene)—село въ 30-ти верстахъ отъ Москвы. Англійская форма, кажется, ближе къ тогдашнему произношенію этого названія: такъ въ одномъ документѣ 1613 г. читаемъ: „И пріѣхали мы къ государю въ село Братошино.... на стану въ Братошинѣ". (Дворцовые разряды. С.-П.-Б. 1850. т. I, столб. 1211).—Ростокино (Rostouekin). „За милю отъ Москвы, или по русскому счету въ 5 верстахъ, мы ночевали на берегу Яузы, въ селѣ Ростокинѣ" (Дневникъ Марины Мнишекъ. *Устряловъ*, Сказанія современниковъ о Лжедимитріи. 1859, II, стр. 179).

24) Испанскаго жеребца (a jennet). Этимъ обычнымъ у западныхъ писателей (фр. genet) названіемъ лошадей извѣстной испанской породы авторъ обозначаетъ здѣсь или такъ называемыхъ „аргамаковъ", служившихъ въ древней Руси знатнымъ лицамъ для торжественныхъ выѣздовъ, или же „черкасскихъ жеребцовъ", называемыхъ у Маржерета „genets des Georgiens, которые очень красивы....". (*Устряловъ*, указанн. сочин., I т., 282 стр.).

25) Джеромъ Боуэсъ или Баусъ (Jerom Bowes)—посолъ королевы Елизаветы къ царю Ивану Грозному, въ 1583 г. (См. Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. 38, стр. 72—185: Пріѣздъ англійскаго посла князя Еремея Боуса и пр.; *Ю. Толстой,* указ. соч., стр. 38).

26) Artexius и Zealmene'а (имя, принятое переодѣтымъ амазонкою Пироклесомъ) дѣйствуютъ въ пасторальномъ романѣ Филиппа Сиднея „Arcadia" (1592 г.).

27) Князь Владиміръ Ивановичъ Масальскій (knes Volladamur Evanyvich Mavvsolskoy), по прозванію Щеня, былъ назначенъ окольничимъ въ 1606 г. (*Берхъ,* Систематическій списокъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ. С.-П.-Б. 1863, стр. 54. *Устряловъ,* указ. соч., passim).

28) (Слѣдуетъ полный титулъ). Эти слова принадлежатъ намъ, такъ какъ мы сочли излишнимъ переводить его, въ виду того, что онъ приводится авторомъ въ обычной для того времени формѣ, съ неизбѣжными искаженіями въ названіяхъ разныхъ областей Московскаго государства.

29) Казаринъ Давидовичъ Бегичевъ (Kazarine Davydovvich Beaheetchoue, a captain of gunners). Въ 1616 г. въ числѣ бывшихъ „на Москвѣ для огней объѣзжихъ головъ" значится, въ Китаѣ городѣ, Казаринъ Бегичевъ. (Книги разрядныя по оффиц. оныхъ спискамъ и проч. С.-П.-Б. 1853, т. I, столб. 197).

30) Дьякъ Ѳедоръ Болтинъ (Pheodore Boulteene, one of the Secretaries). У *Н. П. Лихачева,* Разрядные дьяки—въ числѣ дьяковъ не значится; на стр. 338, примѣч., упоминается Ѳедоръ Семеновъ Болтинъ, но это едва-ли тожественное лицо съ приведеннымъ въ нашемъ текстѣ.

31) Князь Андрей Дмитріевичъ Чемадуровъ (knase Andriay Metowich Soomederoue). Родъ (не княжескій) Чемадуровыхъ существовалъ въ XVII столѣтіи. (См. *Графъ А. Бобринскій.* Дворянскіе роды. 1890 г. С.-П.-Б. Т. II, стр. 384. Ср. Гербовникъ, IX, 116). Но не найдя означенной фамиліи ни въ одномъ изъ просмотрѣнныхъ нами именныхъ списковъ въ различныхъ изданіяхъ, имѣющихъ отношеніе ко времени описываемыхъ авторовъ событій, мы были бы готовы предложить читать, вмѣсто Чемадуровъ, Сумароковъ, такъ какъ члены этого рода уже бывали „жалованы въ 1568 и проч. годы помѣстьями, знатными чинами и др." (*Гр. Бобринскій,* тамъ-же, I, стр. 652). Упомянемъ, что съ указанными авторомъ именемъ и отчествомъ встрѣчаются 1) кн. Андр. Дмитр.

Ростовскій (*Берхъ*, Указ. соч., стр. 40), и 2) кн. кн. Андр. Дм. Хилковъ (*Бутурлинъ*. Исторія смутнаго времени, т. I, 3 прилож., стр. 56). Наконецъ встрѣчается нѣсколько созвучная фамилія *Сухотинъ*, Андрей Тихо*мировичъ* (=Metowich ?). (Разр. Кн., II, столб. 224). Пріурочить же къ дѣйствительной личности того времени предлагаемое англійскимъ текстомъ наименованіе намъ не удалось.

32) Дворянинъ Эшеръ (Usher). Очевидно, это было одно изъ значительнѣйшихъ лицъ въ свитѣ Т. Смита; но данныхъ о немъ отыскать мы не могли.

33) 500 фунтовъ (five hundred pound). Въ к. XVI-го в. англійскій фунтъ стоилъ 1 р. 20 к. тогдашними деньгами; но рубль во вторую половину сказаннаго вѣка равнялся 60—74 нынѣшнимъ. (См. *Д. И. Прозоровскій*. Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія С.-Пб. 1865. Стр. 150. *В. Ключевскій*. Русскій рубль XVI—XVIII вѣка. Москва. 1884. Стр. 47). Несомнѣнно, авторъ въ данномъ случаѣ сильно преувеличиваетъ.

34) Князь Романъ Ѳедоровичъ Троекуровъ (Knes Romana Phedorovvich Troya Norove). Въ началѣ 1603 г. кн. Д. И. Мезецкій искалъ на кн. Романа Ѳедоровича Троекурова. (См. *Н. П. Лихачевъ*. Разрядные дьяки XVI вѣка. С.-Пб. 1888. Стр. 523). Онъ былъ, вѣроятно, сынъ кн. Ѳедора Михайловича, жалованнаго въ бояре въ 1586 г. и умершаго въ 1597 г. (*Берхъ*, указ. соч., стр. 42 и 58).

35) Похмѣлье,—въ англійскомъ текстѣ это слово передано въ такой формѣ „popemelin"; приводимое же нѣсколько выше русское названіе сосуда „ендова"—въ формѣ „yendover").

36) Дмитрій Ивановичъ Бѣлый (Demetre Evanowich Beola). Кажется, не существуетъ свидѣтельствъ о такомъ прозвищѣ царевича Димитрія.

37) Дворянинъ Бахтеяровъ, кравчій (Bactayer, one of the Emperour chiefe Butlers). Въ „дворянахъ большихъ" значатся кн. Бахтеяровы „Иванъ да Андрей" при пріемѣ конюшеннымъ бояриномъ Бор. Ѳед. Годуновымъ цесарскаго посла Варкача (См. Памятники дипломат. сношеній, т. II, столб. 123), — одинъ изъ нихъ, вѣроятно, и былъ упоминаемый здѣсь „кравчій". Что касается этого званія, то должно замѣтить, что, по Древн. Россійск. Вивліоѳикѣ, XX т., стр. 73, „подъ 1604 г. (7112) сказано крайчій—приписано: отставленъ", т.-е. именно еще въ 1603 г. занимавшій эту должность Ив. Михайл. Годуновъ, обязанности котораго временно и

могъ исполнять тотъ или другой изъ названныхъ выше Бахтеяровыхъ.

38) Докторъ Христофоръ Риттингеръ (Christopher Writtinger)— прибылъ изъ Венгріи въ Россію вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ Ли и пользовался особымъ расположеніемъ царя Бориса. *У I. Гамеля*, указ. соч., стр. 230, онъ, очевидно ошибочно, названъ „Ритлингеръ", и „Rietlinger" въ англійскомъ переводѣ J. S. Leigh'я (London, 1857) стр. 380. Между тѣмъ, въ современныхъ документахъ это имя пишется „докторъ Реттингеръ" и, соотвѣтственно, „Doctor Reitinger", что ближе къ формѣ, предлагаемой нашимъ авторомъ; но также и „Христофоръ Рыхтингеръ" (Сборн. И. Р. Истор. Общества, 38 т. стр. 403—4 и 419).

39) Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующее, причемъ нѣсколько путаетъ. Слова о побѣдѣ относятся, вѣроятно, къ незначительной побѣдѣ, одержанной надъ Лжедимитріемъ Мих. Борис. Шеинымъ подъ Сѣвскомъ 21-го января 1605 г. (*Соловьевъ*. Исторія Россіи. Т. VIII (1883) стр. 97). Что же касается Басманова, то дѣло происходило такимъ образомъ. Послѣ того какъ, 21 декабря 1604 г., кн. Ѳед. Ив. Мстиславскій, посланный Борисомъ Годуновымъ на выручку воеводы Петра Ѳед. Басманова, крѣпко отстаивавшаго противъ Лжедимитрія Новгородъ-Сѣверскъ, потерпѣлъ подъ этимъ послѣднимъ пораженіе, Годуновъ тѣмъ не менѣе изъ робости проявилъ разбитому войску особые знаки вниманія и „спѣшилъ осыпать милостями воеводу (Басманова, защитника Новгородъ-Сѣверска), который одинъ исполнилъ свою обязанность какъ должно: онъ былъ вызванъ въ Москву, куда имѣлъ торжественный въѣздъ, получилъ боярство, богатое помѣстье, множество денегъ и подарковъ"... (*Соловьевъ*, Исторія Россіи, 4-е изд., т. VIII, стр. 96).

40) Канцлеръ Литовскій (the Chauncellor of Letto). Это былъ Левъ Сапѣга, отправленный королемъ Сигизмундомъ посломъ къ царю Борису для переговоровъ о заключеніи вѣчнаго мира, въ октябрѣ 1600 г. (*Соловьевъ*, тамъ-же, стр. 23 и слѣд.). О пріемѣ его Борисомъ см. *Устряловъ*. Указ. соч. I т., стр. 287. Ср. *Adelung*, II, стр. 1).

41) Принцъ Датскій Іоганнъ (Prince Iohn of Denmarke)—пріѣхалъ въ Москву, въ качествѣ жениха Ксеніи Борисовны, въ августѣ 1602 г., но уже 28 октября того же года скончался. Въ нашемъ текстѣ сказано, что онъ былъ погребенъ въ „голландской

(dutch) церкви“, хотя у современниковъ говорится, что принцъ похороненъ въ „нѣмецкой“ церкви (Беръ у *Устрялова*, указ. соч. I, стр. 21—22. О самой церкви см. *И. М. Снегиревъ*. О началѣ и распространеніи лютеранскихъ и реформатскихъ церквей въ Москвѣ. Москва 1862. Стр. 5).

42) Дьякъ Аѳанасій (the Chancellor Ofod Nasse)—Аѳан. Иванов. Власьевъ (Ср. 93 стр.; въ англійскомъ же текстѣ онъ здѣсь названъ Offonasse Euanouch Naseueo), съ іюня 1601 г. состоявшій дьякомъ Посольскаго приказа и часто въ современныхъ иностранныхъ источникахъ называемый „государственнымъ канцлеромъ“. (*Н. П. Лихачевъ*. Указ. соч., стр. 201).

43) Собственно въ „Совѣщательную Палату“ (The Councill chamber). Это—„Отвѣтная или Посольская Палата“, гдѣ „происходили переговоры бояръ съ иноземными послами, что̀ вообще называлось отвѣтомъ... Въ Отвѣтной Палатѣ, подобно какъ въ Грановитой, устроенъ былъ *тайникъ* или *тайное окошко*, изъ котораго государь слушалъ иногда посольскія совѣщанія“. (*И. Забѣлинъ*. Домашній бытъ русскихъ царей. 1862. Стр. 231).

44) Кн. Ив. Ив. Курлятевъ (Knas Euan Euanovich Courletev)—значится, какъ окольничій, въ числѣ лицъ, подписавшихъ „грамоту утвержденную объ избраніи Бориса Ѳедоровича Годунова“ (*Бутурлинъ*. Исторія смутнаго времени и проч., № 3 Приложеній, стр. 67).

45) Вас. Григор. Телепневъ (Vassilly Gregorewich Telepnoue). „Два знатные бояриna, Михаилъ Татищевъ и Василій Телепневъ, дьякъ“. Записки Паерле, 1606 г., у *Устрялова*, указ. соч., I, стр. 209. Ср. родъ Шереметевыхъ, т. II, стр. 206, и *Н. П. Лихачевъ*, указ. соч., стр. 130—31, примѣч.).

46) Меньшой Булдаковъ (Menshoy Buldecoue). Въ англійскомъ текстѣ онъ названъ „the under treasoror“ т.-е. подказначей, но подобной должности въ то время, кажется, не существовало (казначеемъ же въ 1604 г. состоялъ Игн. Петр. Татищевъ,—см. Др. Росс. Вивліоѳика, ч. XX, стр. 73). Можетъ быть, это былъ Меньшой Булгаковъ, упоминаемый *Соловьевымъ* (указ. соч., VIII т., стр. 92), если это не одно лицо съ упоминаемымъ у насъ, на 109 стр. и въ 70 примѣч., дьякомъ Булгаковымъ.

47) Уильямъ Россель (W. Russel). „Вильямъ Россель (прежній голландскій агентъ) былъ помощникомъ Меррика (главнаго агента московской компаніи англійскихъ купцовъ)“. *I. Гамель*, указ. соч.,

стр. 232, примѣч. 2; Сборникъ И. Р. Историч. Общества, т. 38, стр. 33). Имъ же написано—какъ доказалъ *Р. Минцловъ* (Архивъ историч. свѣдѣній Калачова. СПБ. 1863, кн. V, стр. 53—65)—нынѣ весьма рѣдкое сочиненіе „The Report of a bloudie and terrible massacre in the Citty of Mosco etc. London. 1607“. Существуютъ его голландская передѣлка „Warachtige ende eygentlijcke Beschryvinge etc. Amsterdam. 1606“, и французскій переводъ „La Légende etc“, описанный *Аделунгомъ*, указ. соч., II, стр. 199 и сл.).

48) Ахитофелъ—одинъ изъ совѣтниковъ царя Давида, перешедшій на сторону возмутившагося противъ своего отца сына Давидова Авессалона (2 кн. Самуила, гл. XV—XVII).

49) Джеромъ Горсей (Jerom Horsey) — въ русскихъ современныхъ источникахъ Еремѣй Горшъ, Хорсей. (*Ю. Толстой*, указ. сочин., 47—49 стр. Введенія и №№ 70—73; *Adelung.*, указ. соч., I, стр. 352).

50) Книга „Путешествій“ т.-е. указанная въ 18-мъ примѣчаніи Гаклейтова „Collection of early Voyages. etc.“

51) Де Пибракъ (Guy Du Faur de Pibrac)—французскій государственный человѣкъ и поэтъ, р. 1529, ум. 1586. Въ 1574 г. вышли первымъ изданіемъ его стихотворенія „Les Quatrains“; въ новѣйшее время они переизданы подъ заглавіемъ: "Les Quatrains de Pibrac, suivis de ses autres poésies. In-16°, Paris 1874), съ біографическимъ очеркомъ *Жюля Claretie*. У насъ четверостишіе приведено по изданію 1587 г., Paris, in-32° (pag. 7, Quatrain LXIII).

52) Русскую пословицу, соотвѣтствующую первой половинѣ англійской поговорки, приводитъ самъ авторъ,—второй же ея половинѣ вполнѣ отвѣчаетъ наша пословица: „бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ“.

53) Графъ Эссексъ (the Earl of Essex, 1567—1601 г.)—извѣстный любимецъ королевы Елизаветы. Посолъ царя Бориса Микулинъ находился „въ Лондонѣ во время возстанія Эссекса (13 февраля 1601 г.); Елизавета писала Годунову, что Микулинъ готовъ былъ подвергнуться опасности и биться съ бунтовщиками. Но самъ Микулинъ доноситъ, что *февраля въ 24 день ерль Ессетцкій казненъ смертію въ Вышгородѣ, и послѣ его по немъ въ Лундѣ было великое сѣтованіе и плачъ великой во всѣхъ людехъ*“. (*Соловьевъ*. Исторія Россіи. Т. VIII (изд. 4), стр. 37; Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. 38, стр. 340).

54) Объ образѣ дѣйствій князя Голицына (не Василія Ивановича, какъ онъ названъ нашимъ авторомъ, а Ивана Васильевича и Петра Басманова) въ данномъ случаѣ см. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. VIII (1883 г.), стр. 101—2. Ср. Паерле у *Устрялова*, указ. соч., I, стр. 170—73).

55) Л. Бартасъ, или правильнѣе Бартà (L. Bartas). Полное имя его было Guillaume de Saluste Du Bartas (1544—90 г.),—французскій писатель, пользовавшійся большою славой у современниковъ, особенно среди кальвинистовъ, за свою поэму „La Semaine ou Création du monde“ (1579 г.); на заглавной страницѣ изданія 1623 г., à Rouen, къ имени автора даже прямо прибавлено: „prince de poëtes françois“. Но особенно популяренъ онъ былъ въ Англіи и въ Германіи; поэма же его была переведена на разные языки, въ томъ числѣ на латинскій.

56) Сидней (Sydney). См. выше примѣчанія 11 и 22.

57) Фулькъ Гревиль (Foulke Graville). Sir Fulke Greville, Lord Brooke (1554—1628 г.)—былъ школьнымъ товарищемъ и другомъ Филиппа Сиднея, жизнь котораго онъ и описалъ (1652 г.) Въ 1614 г. онъ занялъ должность канцлера. Его драматическія произведенія были извѣстны нашему автору прежде ихъ напечатанія, такъ какъ первое изданіе его „The Tpagedy of Mustapha“ вышло только въ 1609 г. (Dictionary of National Biography, t. XXIII, pag. 159—63).

58 и 59) Нашъ англійскій Горацій т.-е. упоминаемый черезъ нѣсколько строкъ Веніаминъ Джонсонъ (Benjamin, или съ обычнымъ сокращеніемъ—Ben Jonson, ок. 1573—1637 г.). Называя его „сыномъ скорби“, въ противоположность съ значеніемъ его библейскаго имени (Бытіе, гл. XXXV, ст. 17—18), нашъ авторъ намекаетъ вѣроятно на тяжелые дѣтство и первые годы молодости поэта. Dictionary of National Biography, t. XXX pag. 181).

60) Англійскій Овидій,—такъ величали современники Шекспира, конечно за его поэмы „Tarquin and Lucretia“ (1594 г.) и „Venus and Adonis“ (1596 г.).

61) Тонъ приводимаго авторомъ письма, будто бы писаннаго несчастнымъ наслѣдникомъ Бориса Годунова, значительно разнится, на нашъ взглядъ, отъ слога самой книжки: не есть-ли оно только переводъ—болѣе или менѣе вольный—съ ходившаго, быть можетъ, въ то время на Руси, хотя, разумѣется, подложнаго письма царевича Ѳеодора Борисовича къ Лжедимитрію?

62) Въ англійскомъ текстѣ годъ ошибочно напечатанъ 7103 вмѣсто 7113 т.-е. 1605 г. Въ указанномъ нами, на VII стр. Введенія, сочиненіи „The Russian Impostor", на стр. 79—82 приведены два интересные документа: письмо Лжедимитрія къ Мерику, отъ 8 іюня 1605 г., и его же письмо къ Т. Смиту, редакція котораго ближе къ тону нашихъ старинныхъ документовъ, чѣмъ текстъ приводимый нашимъ авторомъ. При этомъ на стр. 80 сказано, что Лжедимитріемъ вслѣдъ за Смитомъ былъ посланъ Savarela (т.-е. Гаврила Салмановъ, см. примѣч. 64), съ его переводчикомъ Ричардомъ Финчемъ. Съ этими письмами и съ упомянутыми у насъ, на 95 стр., грамотами царя Бориса, слѣдуетъ сопоставить любопытный документъ, in extenso напечатанный въ *Purchas his pilgrims*, (London, 1625, т. III, pag. 754—55) писанный отъ ноября 1549 г. (7107) за подписью „Бориса Өеодоровича всея Россіи самодержца" (Boris Pheodorowich of all Russia selfe upholder), со скрѣпою „печатника и посольскаго дьяка Василія Яковлевича Щелкарова" (keeper of the Seale and Secretarie Vasily Yacolowich Sheallcaloue).—Выраженіе „тронъ и церковный престолъ" (the Throne and Communion table) не слѣдуетъ-ли объяснить смѣшеніемъ въ представленіи англійскаго автора, какъ по всему видно довольно свободно переводившаго этотъ оффиціальный документъ, значенія русскаго слова „*престолъ*"—и въ смыслѣ престола въ церковномъ алтарѣ, и въ смыслѣ царскаго трона?

63) ... у крѣпости.—Мѣсто стоянки приходившихъ къ Архангельску иноземныхъ кораблей носило названіе „пристани св. Николая".

64) Гаврила Самойловичъ Салмановъ (Gauarello Samollovich Sallmanoue). Къ датскому королю онъ ѣздилъ въ 1590 г. Приведенная въ 62-мъ примѣч. искаженная форма его имени долго еще видоизмѣнялась у иностранныхъ писателей („Gawarela, Ganareta, Garavela и пр."), пока *Müller* (его „Sammlung", V т., стр. 267), въ примѣчаніи, не исправилъ въ „Gawrilo", но и онъ не догадался, что рѣчь идетъ о Салмановѣ; *Adelung*, указ. соч., II, 157 стр. также еще не даетъ ни его отчества, ни фамиліи. Вѣроятно онъ былъ братъ Ивана Самойловича Салманова, бывшаго, въ 1595 г., воеводой въ Колѣ. (*I. Гамель*, указ. соч., стр. 232, примѣч. 3).

65) См. Приложеніе № 3 (стр. 107—8).

66) Андрей Щелкаловъ (Andrea Shulcan) — посольскій дьякъ при Иванѣ Грозномъ и Өедорѣ Ивановичѣ, извѣстный враждебнымъ отношеніемъ къ англичанамъ, въ особенности къ послу Ели-

заветы Баусу. Эта фамилія въ иностранныхъ документахъ того времени писалась разно, напр. Chalkall, Shalkan и т. п. (О Щелкаловыхъ см. *Н. П. Лихачевъ,* Разрядные дьяки. Указатель. sub voce. Ср. 38-й т. Сборника И. Росс. Истор. Общества, и *Ю. Толстой,* указ. соч., стр. 37 и слѣд. Введенія).—Андрей Клешнинъ (Andrea Clyskenine)—значится въ числѣ „окольничихъ старыхъ" въ царствованіе Бориса Годунова, ум. въ 1600 г. (Др. Росс. Вивліоѳика, ч. XX, стр. 68 и 70; ср. *Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. VIII (1883 г.), стр. 89).

67) Явная ошибка: царевичъ Димитрій, какъ извѣстно, былъ братомъ царя Ѳеодора Ивановича, приходившагося Годунову зятемъ (а не „шуриномъ", какъ ошибочно переведено нами въ текстѣ, имѣющее оба эти значенія, англійское выраженіе „brother in law").

68) Также ошибка: мать царевича Димитрія была изъ рода Нагихъ; сестра же Годунова, Ирина Ѳедоровна, была, съ 1580 г., женою царя Ѳедора Ивановича.

69) Ср. всю эту заключительную главу съ II—V гл. 7-го тома и I—III гл. 8-го тома Исторіи Россіи *Соловьева.*

70) Въ копіи, обязательно сообщенной изъ Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, написано „Duke Buldecove", — вѣроятно это описка, и здѣсь слѣдуетъ понимать „«дьякъ Булгаковъ" (Ср. выше 46 примѣчаніе).

Фамилія упоминаемаго на 78 стр. князя Ѳедора Ивановича должна читаться „Мстиславскій" а не „Мещерскій" (Knes Pheodor Euanrich Methithsosky). Князь же Дм. Ив. Шуйскій,—воевода, бездѣйствовавшій со своею ратью у Брянска. (См. *Соловьевъ,* Исторія Россіи, т. VIII (1883 г.), стр. 70—71; 94—96). Авторъ тутъ путаетъ: отъ Лжедимитрія присланы были въ Москву Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ съ грамотами на имя Мстиславскаго, Василія и Димитрія Шуйскихъ и другихъ окольничихъ и гражданъ московскихъ. (Тамъ-же, стр. 102).

Къ XI стран. Введенія (Ср. въ текстѣ стр. 34 — 35, 46 — 47 и 50).—Приводимъ здѣсь выписку изъ Карамзина: Дары королевскіе: „возокъ новолоченъ бархатомъ червчатымъ; 2 сулеи серебряны золочены; сосудъ хрустальный, обдѣланъ золотомъ; лахань да рукомойникъ золочены: кубокъ серебряный золоченъ съ покрышкою; поставъ сукна скарлату; 4 постава суконъ разными цвѣты". См. въ Архивѣ бумаги Смитова посольства. (Примѣчаніе 106-е указаннаго нами во Введеніи тома „Исторіи" Карамзина).

Most highe and mightie Emperor,

Demetrie Euanowich, of all Russia, Selfe upholder, I understand by your Maties servannte, Gavrillo Samoilowich Salmonove, that by the iust iudgement of God, and his stronge power you were succeeded (come) in the place of your father and predecessors, and to the throne of the most great and famous kingdome of Volodemea, and Musco and the Empire of Casan, Astracan, Siberia, and of all the kingdomes of the Empire of all Russia. And that your Matie doth remember the love and amity that was betweene your father, the great Lord, Emperor and great Duke Ivan Vasilewich of all Russia Selfe upholder, and theire Sister of famous memory Queene Elizabeth of England, And that your Matie doth mynde to send unto my Lo: Kinge James, and to be in love and amytie with him before or above others, and to manifest the same your Maties love and amytie you doe mynde to favour all my kinges Subiects and to graunt them freer privileges then in former time. And that your Matie hath commaunded to dispatch me with speede. As also that your highnes would have me to declare unto my Lo: and kinge your Maties love. And when God shall graunte the time of your Maties Coronation to be past, according to your manner and worthynes then your the great Lord Emperor and great Duke Demetrie Euanowich of all Russia Selfe upholder, will send your Messenger to salute each other as in former time. This your Maties gracious message I received with great comfort, and accordingly doe render unto your royall ma^tie all humble and hearty thanks for the same. And when God shall send me unto my Lo: and kinge, I will to his Matie deliver your highnesse pleasure, who I know will accept thereof in all kind manner, and will manifest the same, as occasion and opportunitie will permitte.

And most noble Emperor Demetrie Euanowich of all Russia selfe upholder, I doe most humblie take my leave of your most royall Matie, and praye unto the highest God, that you may longe live and raygne in these mightie kingdomes whereto you are rightly descended and for the which you have been miraculously preserved by the goodnesse and mercy of that great God.

Your Maties ever at commaund,

Archangell this 14 of Julie 1605

[illegible]
переведено

Tho: Smythe

II

Right Honorable Affanasse Euanowich

Now that I am goinge aboarde my shipp, I have thought good by these my lres to yeeld you thankes, for yor many kindnesses towardes me, since my cominge into these countryes. As allso, to intreate yor Lordship to let the Emperors matie Demetrie Euanowich of all Russia to understand, that I doe in all humblenesse thanke his matie for the many favours, that I have receaved from his gracious handes, the wch I will make knowne unto my Kinge, who I knowe will take it in most kind parte.

It may please yor Lordship to understand that Constantine Petrowich my Pristaw, hath used all diligence, and carefullnes to yor, my all content and Timothy Matphewich hath used me very unkindly in many thinges, wch I am unwillinge to trouble yor Lordship wth the repetition of them all, onely I will touche twoo or three, and leave them and the rest to yor Lordships wise consideration.

wth great difficulty I procured a peece of John De wales house, whereas yor Lordship appointed that I should have the whole house, neither could I have any lodginge for my Kinges Gentlemen and the rest of my company, but they were forced to lodge in the boates all the time, they were here at the Archangell to my great discredit amongest the Dutch men and other strangers, neither could I get a kitchin to dresse my meate in till Gauarello Samoylowich came downe but was forced to have it dressed in the boates, and to be brought through the streetes in viewe of all the people; moreover he threatned my servant which was my Tolmach, that if ever he came into these Countries he would make him repent his cominge hither wth many other indignities. All which I referre to yor Lordships wise consideration, as thinkinge it my duty to certefy thus much, least other Ambassadors may be used in the like manner, and so the Emperors matie may be dishonoured, against his likinge, or knowledge.

I take my leave of yor Lordship, committinge you to the blessed protection of the Allmighty and will ever rest

From Archangell this 25 of July 1605

Yor Lordships very lovinge
and assured frend.

ѲТІ Асуℓмаиб Кь пирепсдено

Tho: Smythe

Right Honourable Affanasse Euanowich,

I did in my lre sent by Constantine Petrowich, complayne of some unkind
and hard usage offred me by Timophis Matpherowich since the writinge of
which lre, here hath bene a great disorder committed by the people of this
Towne (the beginninge and sequell whereof grew in this manner. A Russe
stole from an Englishe man some money, the Englishe man pursued him
to bringe him to Justice, whereupon diverse Russes rescued the theefe, and
beate the Englishe man; one of my men beinge with him, they did allso beate
him downe, which matter beinge quieted by mr John Mericke, and I beinge
with the rest of my company at his house, to take my leave, the Russes without
any cause given broke into the house upon me, and brake the ware howses
open, and hurt diverse, both of my men and his, which tumult beinge
perceived by those that were in the shipps in the Roade, they issued out
of their shipps, with muskets and other weapons in great multitudes, the
which when I perceived, and findinge that there would be great slaughter
of the Russes, yf the Englishe came a land, in that sorte armed,
I commanded that they should goe to their shipps againe, And mr
Mericke to his great daunger, and not without some hurte, went amonge
the Russes, shewinge them the daunger they were in, yf the marriners
came ashore with their weapons, which when they saw, and heard them speake
they were somewhat pacified, and stayed, which tumult continued not above
two howres. And yet in all that time, Timophe would not sende
to helpe us to pacify this disorder, neither doth he offer to search out this
businesse to be informed of the offenders and the occasions of this broyle,
to give due punishment according to Justice, which doth animate the disordred
people, and hereafter will be an occasion of much trouble. And
so with my hartie thankes to your honor I take my leave and rest,

From Archangell this
26 of July 1605

Your honours verie lovinge frend,

Tho: Smythe

[illegible] 24 переведено

ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
II	14 сверху	царя	(царя)
III	9 „	собщимъ	сообщимъ
IV	13 „	Eact	East
7	4 „	Franis	Francis
8	1 снизу	то	то,
19	5 сверху	благословеніе	благословеніе;
26	2 „	Братчину	Братовщину
28	14 снизу	о здоровьи	о здоровьѣ
46	6 „	думскихъ	думныхъ
48	15 „	Курлятьевъ	Курлятевъ
50	2 „	меньшаго	Меньшаго
53	13 сверху	Но хотя	И хотя
58	7 „	шламо лва	шла молва
„	1 снизу	суждино	суждено
64	12 „	будто-бы	будто-бы.
78	5 „	Мещерскаго	Мстиславскаго
89	11 сверху	отравой,	отравой
93	4 „	Власову	Власьеву
96	5 снизу	водою и	водою
114	2 снизу	другомъ	въ другомъ
122	10 „	Dictionary	(Dictionary
123	11 сверху	95	47, 50 и 95
„	14 „	1549	1599
„	17 „	Щелкаровъ	Щелкаловъ
121	8 снизу	стр. 34—35	стр. 31, 34—35

